

РУССКАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА И ТЕКСТ

Материалы
XIV Международной
научной конференции
(Томск, 15–16 мая 2026 г.)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Томский государственный педагогический университет»
(ТГПУ)

Историко-филологический факультет
Кафедра русского языка
Лаборатория русской речевой культуры и теории текста

Русская речевая культура и текст

Материалы
XIV Международной научной конференции
(Томск, 15–16 мая 2026 г.)

Под общей редакцией проф. Н. С. Болотновой

Томск
Издательство ТГПУ
2026

УДК 811.161.1'271'42:371.3(063)
ББК 81.411.2-5
Р89

Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским советом
Томского государственного
педагогического университета

Редакционная коллегия:

Н. С. Болотнова, д-р филол. наук, профессор (отв. ред.);
А. В. Болотнов, д-р филол. наук, доцент;
А. С. Савенко, канд. филол. наук, доцент

Рецензент:

Е. А. Оглезнева, д-р филол. наук, профессор
Института международных связей и интернационализации образования
Томского государственного архитектурно-строительного университета

Русская речевая культура и текст : материалы XIV Международной научной конференции (Томск, 15–16 мая 2026 г.) / под общ. ред. проф. Н. С. Болотновой. – Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2026. – 156 с.

ISBN 978-5-907791-69-5

Сборник включает материалы докладов, посвященных анализу русской речевой культуры в синхронии и диахронии, описанию современных подходов к изучению текста и дискурса, исследованию дискурсивных практик языковых личностей в разных сферах общения, освещению коммуникативно-когнитивных аспектов текстовой деятельности, актуальных проблем медиакоммуникации и межкультурного общения, разработке методических аспектов обучения русской речевой культуре и текстовой деятельности в вузе и школе.

Адресован филологам, преподавателям русского языка и литературы, аспирантам, магистрантам, студентам.

УДК 811.161.1'271'42:371.3(063)
ББК 81.411.2-5

ISBN 978-5-907791-69-5

© Томский государственный
педагогический университет, 2026

Предисловие

Современный этап в изучении русской речевой культуры и теории текста

Интенсивное развитие современной русистики XXI в. связано с быстро меняющейся языковой действительностью, активным использованием новых информационных технологий, включая нейросетевые инструменты, интенсивным развитием уже имеющихся научных направлений: коммуникативно-когнитивного, дискурсивного, лингвокультурологического, лингвоперсонологического и других. Это требует комплексного осмысления и определения перспектив дальнейшего развития русистики с характерными для неё тенденциями к интеграции разных направлений, взаимно обогащающих друг друга.

Сборник материалов регулярно проводимой в Томском государственном педагогическом университете научной конференции «Русская речевая культура и текст» отражает динамику происходящих языковых процессов и творческой деятельности учёных, активно изучающих происходящее.

Вниманию читателя предлагаются материалы очередной XIV Международной научной конференции «Русская речевая культура и текст», которая проводится в русле основного научного направления кафедры русского языка ТГПУ – коммуникативной стилистики текста, насчитывающего более чем тридцатилетнюю историю. Текст удивительным образом фокусирует разные научные направления, являясь основной формой коммуникации, позволяющей изучать и особенности языковой личности, «стоящей за текстом», и отражённую в тексте картину мира автора, и его диалог с адресатом, а также связь с языковой системой и действительностью, отражённой в тексте. Именно поэтому название данной конференции было и остается актуальным, как бы не менялись акценты и приоритеты в разных научных направлениях современной русистики.

Сборник включает статьи ученых, преподавателей вузов и школ, аспирантов, магистрантов и студентов из разных городов России (Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Ростов-на-Дону, Томск, Новокузнецк), Республики Беларусь (Минск), Республика Таджикистана (Худжанд), Китайской Народной Республики (Таншань и Муданьцзян).

Материалы научной конференции отражают результаты исследований и перспективы дальнейшего развития связанных с русской речевой культурой актуальных направлений современной русистики и методики обучения русскому языку с учетом современных требований.

Разделы сборника посвящены рассмотрению динамики русской речевой культуры, освещению различных современных подходов к изучению текста и дискурса, анализу дискурсивных практик языковых личностей разных типов, актуальным проблемам медиакоммуникации, отражению русской языковой картины мира в текстах разных типов, вопросам обучения эффективной текстовой деятельности и культуре русской речи, а также межкультурному общению.

Раздел I «Русская речевая культура в синхронии и диахронии» включает исследования, посвященные динамике грамматической вариантности в речевых практиках носителей русского языка в конце XX – начале XXI в. (статья **Волынец Татьяны Николаевны**, *г. Минск*), осмыслению дипломатической эпистолярной полемики между Русским царством и Великим княжеством Литовским в 1550–1630-х гг. и выявлению её связи с традиционными элементами эпистолярного текста (статья **Зуевой Ольги Владимировны**, *г. Минск*), анализу косвенных макроречевых актов со значением побуждения в произведениях русских писателей XX–XXI вв. в диахроническом аспекте (исследование **Михальчук Натальи Александровны**, *г. Минск*) и отражению оценочных средств в краеведческом исследовании А. С. Шадринной о пребывании Ф. М. Достоевского в Кузнецке (статья **Бондаревой Ольги Константиновны**, *г. Новокузнецк*).

В разделе II «Современные подходы к изучению текста и дискурса» представлены работы, в которых уточняются особенности теории смыслового развёртывания текста и её связь с другими направлениями коммуникативной стилистики, намечается перспектива развития этого направления в русле поиска различных кодов в текстах разных типов и изучения лингвокогнитивных механизмов смыслового развёртывания текста с опорой на разные типы его лексической структуры (статья **Болотновой Нины Сергеевны**, *г. Томск*); предлагается методика анализа мегаконцепта как лингвокультурного тренда эпохи (работа **Захарчевской Надежды Владимировны**, *г. Томск*); рассмотрено понятие *сетевая медиакоммуникация*, а также различные современные подходы к её изучению (статья **Болотнова Алексея Владимировича**, *г. Томск*); представлен актуальный в эпоху искусственного интеллекта сравнительный анализ школьных сочинений и текстов, сгенерированных сетью, с выявлением лингвостилистических маркёров данных текстов (статья **Каширина Антона Анатольевича** и **Лахтиной Ольги Андреевны**, *г. Томск*).

Раздел III «Дискурсивные практики языковой личности в коммуникативно-когнитивных аспектах» включает статьи, посвященные анализу различных моделей свернутого общения персонажей в диалогическом фрагменте художественного текста (исследование **Изотовой Натальи Валерьяновны**, *г. Ростов-на-Дону*), особенностям невербальных компонентов общения в речи повествователя (статья **Скрыпник Елизаветы Романовны**, *г. Ростов-на-Дону*), изучению различных стратегий презентации современных писателей в медиакоммуникации (работа **Извековой Юлии Борисовны**, *г. Томск*), рассмотрению средств выражения иронии в поэтическом тексте (статья **Дусматовой Зарринахон Мукимджоновны** (*г. Худжанд*),

Таджикистан; г. Томск), анализу использования старославянизмов и их роли в понимании русской духовной традиции и уникальной системы моральных ценностей в творчестве регионального поэта (исследование **Олейник Екатерины Андреевны**, *г. Новокузнецк*).

В IV разделе «**Актуальные проблемы медиакommunikации**» освещены особенности воплощения образа «панельки» и языковых средств его репрезентации в творчестве информационно-медийной языковой личности музыканта (статья **Клышовой Кристины Евгеньевны**, *г. Томск*); раскрыты средства и способы воплощения медиаобраза Приволжского федерального округа с отражением культурного разнообразия и уникальности входящих в него регионов на основе анализа тематических доминант в текстах сайта Международной выставки-форума «Россия» (исследование **Лю Сыди, Лю Мэнди**, *г. Тяншань, Китай; г. Томск*).

Русская языковая картина мира и её отражение в текстовой деятельности стали объектом внимания авторов статей, представленных в V разделе сборника. В работах исследователей рассмотрен парный концепт СВОБОДА-ВОЛЯ в русской языковой картине мира и в поэтических текстах А. С. Пушкина (статья **Сергеевой Елены Владимировны**, *г. Санкт-Петербург*); описана языковая репрезентация концепта «Память» в поэзии В. М. Тушновой (работа **Чайковской Светланы Витальевны**, *г. Томск*); на основе анализа материалов Национального корпуса русского языка и Русского ассоциативного словаря изучена лексико-семантическая группа «Сверхъестественные существа в гипотезах и массовой культуре» в русском языке, речи и сознании говорящих (статья **Севериной Екатерины Александровны**, *г. Саратов*); охарактеризована ценностная картина мира подростка на основе изучения его дискурсивной практики (исследование **Кремер Дарьи Сергеевны**, *г. Саратов*).

Раздел VI «**Русская речь в межкультурном общении**» включает исследования, отражающие анализ восприятия образа России современными представителями африканской лингвокультуры на основании данных социолингвистического опроса и лингвистического ассоциативного эксперимента (статья **Курьянович Анны Владимировны**, *г. Томск*); изучение содержания и воплощения лингвокультурного типажа *китайский торговец* в историческом романе Н. Задорнова «Амур-батюшка» (работа **Орловой Ольги Вячеславовны**, *г. Томск*); обоснование роли онимической лексики в обучении китайских студентов русскому языку для формирования и воспитания вторичной языковой личности (статья **Ван Синхуа**, *г. Муданьцзян, Китай*); анализ глагольных форм *стоять* и *стоя* в русской и болгарской картинах мира при выявлении специфики пространственной концептуализации в двух языках (работа **Зайцевой-Склярской Марии Сергеевны**, *г. Ростов-на-Дону*).

Раздел VII «**Проблемы обучения текстовой деятельности и русской речевой культуре**» сборника посвящен актуальным вопросам развития функциональной грамотности у студентов и школьников: разработаны и описаны параметры лингвокреативности студентов-филологов (статья **Савенко Анастасии Сергеевны**, *г. Томск*); предложен проверенный экспериментально комплекс упражнений, позволяющих повысить навыки владения фразеологическим и паремиологическим фондом русского

языка в образовательном процессе (работа **Райхе Кристины Александровны**, г. Томск).

В целом содержание материалов сборника отражает современные направления русистики: коммуникативное, когнитивно-дискурсивное, лингвокультурологическое, функционально-прагматическое, лингвоперсонологическое, лингводидактическое. Актуальные проблемы коммуникативной теории текста и русской речевой культуры в синхронии и диахронии получили новое научное и лингвометодическое освещение. Выявлены, например, новые тенденции в области грамматической вариантности, описан жанр дипломатической эпистолярной полемики в аспекте синхронии/диахронии, уточнены некоторые актуальные понятия: *сетевая медиакоммуникация*, *лингвокреативность языковой личности*, *мегаконцепт* и др., описаны лингвокультурный типаж *китайский торговец* и ценностная картина мира подростка, рассмотрены особые типы текстов: краеведческие, сгенерированные нейросетью и др., получили освещение актуальные проблемы теории дискурса и медиалингвистики, вопросы формирования и развития функциональной грамотности языковой личности в сфере образования и т.д.

Авторами статей исследован новый эмпирический материал: произведения известных писателей и поэтов, дискурсивные практики в сфере массмедиа, особенности вербализации некоторых концептов, структура и восприятие ранее не описанной лексико-семантической группы «Сверхъестественные существа» и т.д.

Материалы сборника адресованы специалистам разных направлений современной русистики, аспирантам, магистрантам, преподавателям русского языка, а также всем, кто небезразличен к судьбе русского языка и русской речевой культуре.

Отв. ред. Н. С. Болотнова

Раздел I. Русская речевая культура в синхронии и диахронии

УДК 811.161.1

Эволюционные процессы в сфере грамматической вариантности (конец XX – начало XXI в.)

Evolutionary processes in the field of grammatical variation (end of the 20th – beginning of the 21st centuries)

Татьяна Николаевна Волынец

Tatyana Nikolayevna Volynets

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Аннотация. Рассматриваются отдельные проблемные зоны грамматической вариантности (конкуренция форм Р. п., ед. ч. имен существительных мужского рода, соотношение вариантных форм м. р. прошедшего времени у бесприставочных глаголов IV непродуктивного класса; появление новых словообразовательных вариантов типа *казах – казахстанец*, варьирование родовых характеристик у имен существительных) и характеризуются основные эволюционные процессы, определяющие тенденции в развитии грамматической вариантности в конце XX – начале XXI в.

Abstract. The article examines some problem areas of grammatical variation: competition of the Genitive case forms, singular forms of masculine nouns, the ratio of variant masculine forms of the past tense of un-prefixed verbs of the IV nonproductive class; the emergence of new word-formation variants of the *казах – казахстанец* type, variation of gender properties in nouns. The main evolutionary processes that determine tendencies in the development of grammatical variation in the late 20th – early 21st centuries are described.

Ключевые слова: грамматическая вариантность, грамматическая норма, эволюционные процессы, кодификационный статус, вариантные формы

Keywords: grammatical variation, grammatical norm, evolutionary processes, codification status, variant forms

Языковая вариативность многогранна в своих проявлениях. Как считает Н. Д. Голев, любое слово обладает потенциалом вариативности: функциональной, смысловой (семантической) и материальной, вследствие чего возникает речевая эволюция, сначала ситуативно-речевая, затем – при определенных условиях – нормативная и системно-языковая [1, с. 88].

Грамматические варианты – это очень устойчивые и консервативные языковые единицы, взаимоотношения между которыми регулируются грамматической нормой – величиной исторически изменчивой, но весьма относительной, потому что ва-

рыирующиеся грамматические формы и конструкции, как правило, либо легко рас-
пределяются по разным сферам употребления, либо семантически дифференциру-
ются и мирно существуют друг с другом в течение длительного времени. Однако при
ускорении ритмов общественно-политических процессов и кардинальных измене-
ниях в социуме стабильность грамматических норм начинает разрушаться, формиру-
ются новые типы взаимоотношений между вариантами, изменяются их количествен-
ные и качественные характеристики, размываются и видоизменяются привычные ко-
дификационные границы.

Цель нашей статьи – выявить и охарактеризовать актуальные для конца XX –
начала XXI в. эволюционные процессы, которые наблюдаются в сфере грамматиче-
ской вариантности.

В исследовании мы опирались на данные словарей [2–4] и интернет-источни-
ков, поскольку первые отражают результаты профессиональной нормотворческой
деятельности, а вторые – фиксируют реальные грамматические единицы, востребо-
ванные в речи носителей языка.

При непосредственном анализе языкового материала (различных проблемных
зон грамматической вариантности) мы выявили следующие эволюционные про-
цессы, свидетельствующие об изменении характера взаимоотношений между конку-
рирующими единицами.

Самый распространенный из них (по нашим наблюдениям) – это редукция (ми-
нимум) одного из вариантов, в результате чего происходит выравнивание (или уни-
фикация) словоизменительной модели. Особенно отчетливо данный процесс прояв-
ляется в зоне вариантности форм Р. п. ед. ч. имен существительных м. р. Так, в сло-
варе «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного
языка», изданном в 1973 г. под редакцией К. С. Горбачевича [2], вариантность форм
типа *изюма-изюму, сахар – сахару* была отмечена у 303 лексем и охарактеризована
как семантически дифференцированная: за каждой формой было закреплено своё
значение и указаны коммуникативные ситуации, уместные для использования каж-
дого из вариантов [2, с. 511]. Казалось бы, для сохранения конкурирующих форм –
это идеальные условия. Однако процесс вытеснения форм с флексией -у/-ю формами
с флексиями -а/-я в последние десятилетия приобрел массовый характер. Об этом
свидетельствуют данные таких лексикографических изданий, как «Краткий словарь
трудностей русского языка» Н. А. Еськовой [3] и «Самый полный орфографический
словарь русского языка» Ю. В. Алабугиной [4], согласно которым вариантные
формы сохраняются только у 90 лексем (около 30 %), в основном у вещественных
(*бархата – бархату, брома – брому, гороха – гороху, жира – жиру, коньяка – конь-
яку, мела – мелу, морса и морсу, перца – перцу, тмина – тмину*) и абстрактных имен
существительных (*блеска – блеску, духа – духу, испуга – испугу, покоя – покою, раз-
гона – разгону, шума – шуму*). Из конкретных существительных параллельные формы
отмечены только у лексемы *народ (народа – народу)*. Среди вещественных имен су-
ществительных тенденция к сохранению вариантных форм в Р. п. проявляется в ос-
новном на уровне односложных (редко двусложных) лексем из таких тематических

групп, как пищевые продукты (*мёд, рис, салат, сахар, сыр, укроп, уксус, хрен, чеснок*), напитки и еда (*боржом, кисель, компот, самогон, суп, чай*), ткани (*ситец, шёлк*), материалы (*тёс, торф*).

Кроме этого, у 25 существительных (абстрактных и конкретных) отмечено фразеологизированное употребление формы на -у/-ю при рекомендуемой в свободном употреблении форме на -а/-я. См., например: *год, года* (но: *без году неделя*); *голод, голода* (но: *с голоду не умереть*), *крик, крика* (но: *много крику, сколько крику!*); *нос, носа* (но: *уйти из-под самого носа*), *промах, промаха* (но: *без промаху стрелять*); *смех, смеха* (но: *со смеху лопнуть*), *толк, толка* (но: *сбить с толку*).

Разрушение вариантности, упрощение словоизменительной модели и нормализация парадигм наблюдаются и в области глагольного формообразования [5]. Конкуренция форм прошедшего времени у глаголов IV непродуктивного класса (типа *гас – гаснул, мерз – мерзнул...*) своими корнями уходит в далёкое прошлое. Параллельные формы, стилистически дифференцированные, создают определённые неудобства для носителей языка, и нередко в процессе общения предпочтение отдается одной из форм, как правило, без суффикса -ну-, ср.: *вник, возник, гас, затих, иссяк, настиг, обрюзг, отвык*, что полностью соответствует закону речевой экономии. По нашим наблюдениям, из 85 исследованных нами глаголов IV непродуктивного класса (бесприставочных или со связанными корнями) у 22 глагольных лексем (около 33 % от общего количества) современные лексикографические источники фиксируют в качестве основных только бессуффиксальные формы прошедшего времени.

Варьирование форм в большинстве случаев сохраняется (43, около 50 % от общего количества) на уровне форм м. р. прошедшего времени, однако у некоторых глагольных лексем (10) происходит **реконфигурация вариантных форм в сочетании со стилистической нейтрализацией**, т.е. на первый план выдвигаются формы, которые прежде занимали вторые позиции, квалифицировались как устаревающие/устарелые или только допустимые для употребления. Сравните кодификационные характеристики форм м. р. прошедшего времени у глаголов *ввергнуть, вянуть, гибнуть, глохнуть, меркнуть, пахнуть, подвергнуть, постигнуть, стыть* и *хрипеть*, представленные в лексикографических источниках [2] и [4]: в первом случае это *вверг* и устаревающее *ввергнул*, *вял* и устарелое *вянул*, *гиб* и *гибнул*, *глох* и устаревающее *глохнул*, *мерк* и *меркнул* и допустимо *мерк*, *пах* и *пахнул*, *подверг* и устаревающее *подвергнул*, *постиг* и устарелое *постигнул*, *стыл* и устаревающее *стынул*, *хрип* и устаревающее *хрипнул*; во втором – *ввергнул* и *вверг*, *вянул* и *вял*, *гибнул* и *гиб*, *глохнул* и *глох*, *мерк* и *меркнул*, *пахнул* и *пах*, *подвергнул* и *подверг*, *постигнул* и *постиг*, *стынул* и *стыл*, *хрипнул* и *хрип*.

Соотношение вариантных форм, предлагаемое в орфографическом словаре Ю. В. Алабугиной (2020) [4], полностью соответствует данным, отраженным в «Кратком словаре трудностей русского языка» Н. А. Еськовой, изданном в 2008 г. [3]. И, честно говоря, закрепление первичных (по происхождению) форм с суффиксом -ну- в качестве рекомендуемых для равноправного использования трудно поддается интерпретации с точки зрения лингвистической целесообразности. На наш

взгляд, это способствует архаизации языка и тормозит процесс унификации глагольных парадигм глаголов IV непродуктивного класса (у приставочных глаголов, относящихся к данному классу, варианты с суффиксом *-ну-* в формах прошедшего времени активнее уходят как из узуса, так и из лексикографических источников: см., например, в [4] – *высохнуть, высох, высохла; замерзнуть, замерз, замерзла; прилипнуть, прилип, прилипла...*).

Реконфигурация вариантных форм встречается и в зоне варьирования форм И. и Р. п. мн. ч. имен существительных. Интересна в этом отношении судьба лексем *трактор, флюгер, лютня и соты*. Во второй половине XX в. кодификационный статус их вариантных форм в И. и Р. п. мн. ч. определялся следующим образом: *тракторы* и *трактора, флюгера* и устаревающее *флюгеры; лютней* и допустимо *лютен; сотов* [не *сот!*] [2]. В начале XXI в. в словаре [4] предлагается прямо противоположное соотношение вариантных форм: *трактора* и *тракторы, флюгера* и *флюгеры; лютен* и *лютней, сот* и *сотов*. Стилистические пометы нейтрализуются, формы подаются как равноправные варианты.

Ещё один эволюционный процесс – актуализация зоны вариантности и появление в ней новых конкурирующих единиц – наблюдается при выходе в сферу словообразовательных вариантов, употребление которых (при широком понимании грамматики) тоже может регулироваться грамматической нормой.

Так, в последние годы в средствах массовой информации постоянно стали появляться такие ряды лексем, как *казахстанец – казахстанка – казахстанцы; узбекистанец – узбекистанка – узбекистанцы; таджикистанец – таджикистанка – таджикистанцы*. Ни одно из этих образований не зафиксировано в орфографических и толковых словарях [6], однако в текстах информационных сайтов интернета они встречаются часто и обычно в сильной позиции – в заголовках. См., например: **Казахстанец**, представляющий страну в одиночном катании, выступил в короткой программе (<http://olimpic.kz> (дата доступа: 11.02.2026)); «Эта медаль – не только моя победа»: Михаил Шайдоров обратился к **казахстанцам** (<http://zakon.kz> (дата доступа: 25.02.2026)); Последний рывок двух **казахстанок** и закрытие Олимпийских игр (<http://zakon.kz> (дата доступа: 22.02.2026)). Возвращение к себе. Как **таджикистанка** помогает женщинам через музыку обрести гармонию с собой лучшего эссе в Сочи (<https://your.tj> (дата доступа: 26.02.2026)). История и культура Беларуси глазами **таджикистанцев** (<https://www.bsmu.by> (дата доступа: 26.02.2026)); «Просто делал, что должен»: **узбекистанец** о награде за спасение ребенка в Петербурге (<http://news.mail.ru> (дата доступа: 26.02.2026)).

Все эти лексемы образованы по продуктивной словообразовательной модели – «основа слова – названия страны + суффикс *-ец/-ка* со значением лица) и фактически вписываются в существующие ряды словообразовательных вариантов типа *абхазы – абхазцы, абхаз – абхазец, баширы – баширцы, башир – баширец...*, у которых образования с суффиксом *-ец/-ца* во второй половине XX в. характеризовались как «устаревающие» [2]. Однако после «парада суверенитетов», наблюдавшегося после

распада СССР, данный тип вариантности не только не угас, а наоборот, стал расширяться за счет новых лексем. В связи с этим закономерно возник вопрос: как «прочитывать» содержание, скрывающееся за лексемами с суффиксами *-ец-* и *-к-*, как катойконим (‘наименование жителя (или жительницы) по названию места проживания’) или как этноним (‘наименование представителя (или представительницы) этнического сообщества, проживающего на территории, обозначенной производящей основой’)? По нашим наблюдениям, данные лексем фактически функционируют в двух значениях, например, *казахстанец* – 1. ‘То же, что этнический *казах*’; 2. ‘Житель *Казахстана*’ (ср. словарное толкование лексемы *армянин*, отсылающее ко второму значению лексемы с обобщенно-собирательным значением – *армяне* 1. ‘Народ индоевропейской языковой группы, составляющий основное население Армении’; 2. ‘Представители этого народа’ [6]). В первом случае – это конкурирующий со старым новый этноним, не очень желательный, поскольку приводит к смешению понятий. Во втором – это катойконим, появление которого вполне можно объяснить объективными реалиями действительности: далеко не каждый житель Казахстана, Узбекистана или Таджикистана в настоящее время является этническим казахом, узбеком или таджиком.

Расширение зоны вариантности наблюдается и у имен существительных, у которых семантическое содержание находится в противоречии с их родовыми характеристиками. С точки зрения носителя языка, видимо, трудно объяснить, почему, например, лексем *пенальти* и *колли* относятся к существительным мужского рода, если первое из них (*пенальти*), неодушевленное и несклоняемое, по общему правилу должно относиться к среднему роду, а второе (*колли*) может соотноситься с животным как мужского, так и женского пола. В результате данное противоречие устраняется в соответствии с представлениями о понятии и данные имена существительные начинают активно употребляться с вариативными родовыми характеристиками: *пенальти*, м. и ср., *колли*, м. и ж. Среди лексем, расшатывающих грамматическую норму в области родовых характеристик, оказываются в первую очередь бывшие слова-исключения, отнесенность которых к м. р. была семантически не мотивирована (например, названия денежных единиц – *эку*, *эскудо*) и названия животных, у которых родовая характеристика наполняется лексико-грамматическим содержанием и соотносится с биологическим полом конкретного животного (*гну*, *кенгуру*, *шимпанзе*). О массовом изменении родовых характеристик у несклоняемых заимствованных имен существительных данных тематических групп говорить, наверное, рано: кодификационный статус таких лексем, как *евро*, м. р., *пони*, м. р., *какаду*, м. р., *эму*, м. р., сохраняется в словарях и справочниках, однако в сознании носителей языка вопрос *Какого рода евро?* уже звучит, а в речи *евро* нередко встречается в значении среднего рода – *одно евро*, *хвалёное евро*, *евро упало*... [7].

В зону родовой вариантности втягиваются также лексем *староста* и *шалуншика*, первая – общеславянского происхождения, вторая – собственно русская. В конце XX в. в лексикографических источниках их кодификационный статус определялся однозначно: существительные мужского рода. Однако в начале XXI в. их

родовые характеристики стали активно семантизироваться, что привело к вариантному употреблению данных лексем (*расторопный староста – расторопная староста, какой ты шалунишка! Какая ты шалунишка!*) и закреплению за ними грамматических значений мужского и женского рода в лексикографических источниках [4, 8].

В область существительных общего рода активно стремятся и лексемы типа *слуга, врач, адвокат...*, их родовые характеристики пока в словарях не варьируются, однако в последние десятилетия у носителей языка наметилась четкая тенденция – употреблять подобные лексемы как существительные и мужского, и женского рода в зависимости от биологического пола лица – субъекта высказывания. Мы уже неоднократно писали об этом [9, 10], поэтому ограничимся лишь некоторыми примерами: *Его лечит молодая и энергичная врач Мария Лапицкая – она верит, что все будет хорошо* (СБ сегодня. 27.02.2021); *Пенсии повысят: новая милиционер озвучила громкое обещание* (<http://news-fancy.com> (дата доступа: 18.06.2020)); *Другая известная слуга народа представлена коллажем из восьми фото...* (Аргументы недели. 12.01.2017).

Потребность в актуализации феминистической составляющей наименований лиц по профессии так велика, что и в речи носителей языка, и в языке средств массовой информации появляются родовые корреляции типа *автор – авторка, профессор – профессорка, психотерапевт – психотерапевтка*. См., например, название книги Евгении Некрасовой «*Адвокатка Бабы-яги*» (<http://oz.by> (дата доступа: 28.02.2026)); *Минская докторка расписала симптомы «омикрона» по дням* (<http://citolog.by> (дата доступа: 10.02.2022)).

Подобные образования не новы, они появлялись и раньше: как указывает И. Фуфаева, Е. Ростопчина использовала это слово в 1854 г. в тексте повести из итальянской жизни «Палаццо «Форли»»; во второй половине XX в. оно встречается в тексте мемуаров Н. Берберовой «Курсив мой» – ...у *адвокаток* такие умные глаза... [11].

Несмотря на неоднократные попытки ввести феминитивы с суффиксом *-к-* в языковую систему, они до сих пор так и не стали её полноправными элементами. Находясь в противоречии с грамматической нормой, лексемы типа *авторка, блогерка...* пока вызывают улыбку. Однако изменения в языковой системе очень часто начинаются с элементарных ошибок, случайно пущенных в оборот, и с коммуникативных потребностей носителей языка, которые при противоречии между содержанием и формой языковых единиц чаще предпочтение отдают первому (содержанию), а не второму.

Итак, грамматическая вариантность в конце XX – начале XXI в. существенно изменяет свои характеристики. Её стабильность и устойчивость под воздействием различных факторов утрачивают свои позиции. В сфере грамматической вариантности начинают развиваться эволюционные процессы, такие как: а) упрощение, выравнивание парадигматической модели вследствие редукции (минимум) одного из вариантов; б) реконфигурация форм (или повышение кодификационного статуса варианта, который ранее считался ненормативным); в) стилистическая нейтрализация вариантов; г) актуализация и расширение зоны вариантности за счет появления новых

конкурирующих языковых единиц. В результате действия данных процессов зоны грамматической вариантности приобретают такие качества, как подвижность и нестабильность.

Список источников

1. Голев Н. Д. Макромоделирование языковой вариативности: к расширению границ лингвистической вариантологии (аспектуализированный обзор работ российских лингвистов) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 8. С. 86–125.
2. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка / под ред. К. С. Горбачевича. Л., 1973. 518 с.
3. Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. 6-е изд., испр. М., 2008. 605 с.
4. Алабугина Ю. В. Самый полный орфографический словарь русского языка. М., 2020. 640 с.
5. Волынец Т. Н. Об эволюции нормы в сфере глагольного формообразования // Язык. Коммуникация. Культура : сб. науч. ст. Брест, 2024. С. 3–11.
6. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: около 160 000 слов : в 3 т. М., 2000.
7. Генкина Е. Н. Какого рода слово евро? URL: <http://grammar.ru> (дата обращения: 27.02.2026).
8. Соловьев Н. В. Словарь правильной русской речи. М., 2004. 847 с.
9. Волынец Т. Н. О динамике грамматической нормы в конце XX – начале XXI вв. // Русский язык: система и функционирование. К 100-летию БГУ : материалы IX Междунар. науч. конф. Минск, 19–20 октября 2021. Минск, 2021. С. 124–130.
10. Волынец Т. Н. О трансформации и деформации языковых норм в современном медиатексте // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. ст. : в 2 ч. Ч. 2. Гродно, 2024. С. 66–73.
11. Фуфаева И. Адвокатесса? Адвокатка? Адвокатша? Тайная жизнь феминитивов. URL: <http://www.trv-science.ru> (дата обращения: 28.02.2026).

**Метаязыковая рефлексия в дипломатической эпистолярной
полемике между Русским царством и Великим княжеством
Литовским 1550–1630-х гг.**

**Metalinguistic reflection in diplomatic epistolary polemics between
the Russian Tsardom and the Grand Duchy of Lithuania in the 1550s–1630s**

Ольга Владимировна Зуева

Olga Vladimirovna Zuyeva

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Аннотация. Описаны высказывания – оценочные метаязыковые рефлексивы, выступающие риторическим приемом и дискурсообразующим средством в текстах дипломатической переписки между Русским царством и Великим княжеством Литовским 1550–1630-х гг. Установлено, что высказывания и в старорусских, и в старобелорусских письмах заключают нормативную, этическую, телеологическую, эпистемическую оценки, причем в границах одного высказывания обычно выражаются несколько оценок. Названы особенности синтаксической организации и лексического наполнения высказываний. Показано, что рефлексия вербализуется в высказываниях со стержневыми словами и стержневыми устойчивыми словосочетаниями, принадлежащими к «общим местам» дипломатической переписки между названными государствами. Выявлена связь рефлексивов с традиционными элементами формуляра эпистолярного текста.

Abstract. The article describes the statements which are evaluative metalinguistic reflexives in the texts of diplomatic correspondence between the Russian Tsardom and the Grand Duchy of Lithuania from the 1550s to the 1630s. These statements serve as a rhetorical device and a discourse-forming mean. It is established that statements in both Middle Russian and Old Belarusian letters contain normative, ethical, teleological, and epistemic evaluations, with several evaluations typically expressed within a single statement. The features of syntactic organization and lexical content of statements are pointed. It is shown that reflection is verbalized in statements with core words and core set phrases, which belong to the "commonplaces" of diplomatic correspondence between these states. The connection between reflexives and traditional elements of epistolary text form is revealed.

Ключевые слова: дипломатическая переписка, Русское царство, Великое княжество Литовское, метаязыковая рефлексия, старорусский язык, старобелорусский язык

Keywords: diplomatic correspondence, Russian Tsardom, Grand Duchy of Lithuania, metalinguistic reflection, Middle Russian language, Old Belarusian language

Дипломатическая корреспонденция является содержательным источником изучения ритуализованных письменных коммуникаций той или иной эпохи. Устойчивые представления участников этих коммуникаций о том, что является нормой речевого поведения в дипломатическом эпистолярном диалоге, а что – отступлением от нормы, отражаются в формуляре дипломатического письма (наличие необходимых

структурных этикетных элементов); в порядке указания адресанта и адресата в начальном протоколе; употреблении соответствующих апеллятивных и проприальных единиц и выборе их грамматической формы; в способах обращения к собеседнику и способах самопрезентации; в точности цитирования письма адресата и др. Представление об уместном и неподобающем прямо или косвенно выражается также в **метаязыковой рефлексии** отправителей посланий, вербализованной в высказываниях, которые содержат **оценку** языковых средств и явлений, характеризующих речь адресанта и адресата (высказываниях – метаязыковых рефлексивах).

Объектом данного исследования являются высказывания – метаязыковые рефлексивы в текстах дипломатической переписки между Русским царством и Великим княжеством Литовским 1550–1630-х гг., которая велась представителями властных элит (боярами и панями-радой, высшими церковными иерархами; послания, созданные правителями двух государств, в рамках данной статьи не затрагиваются).

Цель исследования – выявить и описать как риторический прием и дискурсообразующее средство оценочные высказывания, вербализующие метаязыковую рефлексивность в текстах дипломатических посланий. В рефлексии эксплицируется коммуникативная компетенция адресанта, имеющего представление о жанровом стандарте.

Источниками языкового материала выступили издания материалов посольских книг двух государств. Дипломатическая переписка носит в основном полемический характер: каждая сторона попеременно заверяет другую в выполнении различных политических обязательств, убеждает в необходимости заключения мира, доказывает должное обращение с гонцами и послами и т.д. Эксплицированная метаязыковая рефлексивность и инициирует эпистолярную полемику и становится доводом при ее ведении.

Послания созданы на старорусском и старобелорусском языках. Эти тексты были взаимно понятны: известна фраза канцлера Великого княжества Литовского (ВКЛ) Льва Сапеги, произнесенная на переговорах русских послов с панями-радой в январе 1602 г.: *Люди есмя всть Божьи, какъ вы, так мы; вѣра одна, язык один, а живем меж собою поблиску* (СРЛО, т. 137, № 5, с. 155). Восточнославянский идиом ВКЛ и Речи Посполитой был редким для Посольского приказа; «белорусский язык», а именно «так именовался письменный язык восточных славян, живших на территории Речи Посполитой» [1, с. 31], «фигурирует в документах с конца 1660-х гг.» [там же].

Памятники восточнославянских устных и письменных дипломатических коммуникаций разных периодов становились источником изучения в аспектах исторической стилистики русского языка, исторической дискурсологии, истории речевого этикета в трудах А. А. Бачинского, Н. Б. Кардановой, О. А. Климкович, И. В. Рогожкиной, Н. В. Соловьевой и других ученых; семиотика русского посольского обычая XV–XVII в. описана Л. А. Юзефовичем. Специальное исследование метаязыковых рефлексивов в дипломатическом эпистолярном диалоге ранее не проводилось.

1. Оценка нормативности сообщения. Под нормативностью мы понимаем соответствие стиля письма стандарту дипломатических коммуникаций, уместность и правильность используемых в нем языковых средств.

1.1. В содержательной структуре эпистолярных текстов Средневековья и раннего Нового времени присутствуют «общие места» – смысловые элементы, не имеющие строгой композиционной фиксации (мы называем их эпистолярными мотивами). В дипломатической переписке находит отражение **«мотив краткости» – характеристика объема письма**, а именно оценка адресантом своего текста и (или) послания адресата с точки зрения того, насколько он лаконичен. Краткость всегда выступает положительным качеством текста: не нужно много слов, чтобы точно и правдиво выразить мысль. Составители дипломатических посланий эксплицировали это представление, используя для характеристики писем и манеры речи прилагательные и наречия с корнями *-широк-*, *-долг-*, *-много-*. Например, московские бояре отмечают в своем послании, рассуждая о судьбе Полоцка: *Да о томъ ныне много говорить не надобно* (февраль 1580, КПМ, № 34, с. 60) – использовано бессубъектное высказывание с обобщенным значением. Паны-рада в ответном письме делают «укол» адресату, еще и противопоставляя словам дело: *...и вы бы, братья наша... передъ себе брали не широкимъ писаньемъ, але сердоболнымъ делом...* (08.05.1580, КПМ, № 35, с. 64). Упрек адресата в многословии и подчеркивание адресантом краткости своей речи – традиционный прием в эпистолярной полемике, не только дипломатической; в изученном корпусе к нему чаще прибегает сторона ВКЛ.

1.2. Широко распространены в посланиях по обе стороны рубежа высказывания со словами *(не)пригожий*, *(не)пригоже* и устойчивым выражением *непригожие слова* – все в отношении речей адресата, негативно **характеризующие их уместность** [2, с. 43–44]. В силу многозначности слова *пригожий* в старорусском и старобелорусском языках в таких высказываниях нормативная оценка сочетается с утилитарной (речь бесполезна) и телеологической (речь неэффективна). Старорус.: *Ино, панове, такіе непригожіе слова пригоже ли писати, которые къ доброму дѣлу не пристоятъ...* (28.11.1562, СРИО, т. 71, № 6, с. 107); старобел.: *Дошелъ до насъ листъ вашъ зъ Дорогобужа писаный, въ которомъ написали есте много рѣчей непригожихъ и ненадобныхъ, которыхъ и слушать намъ непригоже* (09.11.1615, АЗР, т. 4, № 205, с. 463).

1.3. В письмах XVII в. встречается **комментирование языковой правильности**. Интерес представляет письмо от панов-рады московским посланникам 1637 г., часть содержания которого связана с тем, что составители другого послания со стороны ВКЛ ранее допустили ошибки в титуле и имени русского царя, на что было указано московской стороной, и в данном письме его отправители дают объяснение этим ошибкам: *Уже мы то вамъ широко вытолковали, што все то сталося омылкою, отъ того, ижъ королевское величество господаръ нашъ многихъ титлъ новыхъ и передъ тымъ незвычайныхъ призолилъ царскому величеству описывати; да и сами то видите, ижъ то дѣялося не умышленьемъ, омылкою прописывалися* (после мая 1637, АЗР, т. 5, № 15, с. 32). Оправдание адресанты находят в новизне титулатуры, т.е. в отступлении от принципа старины. Ошибки заключались в следующем: дѣякъ *вмѣсто «сѣверныя страны повелителя»*, написал *«Сибирныя страны»*; царское имя *«вмѣсто Михаила, Ѳедоромъ Михайловичомъ написано»* (там же). Первая

ошибка получает психолингвистический комментарий, сопровождаемый апелляцией к разуму получателей: *ино тутъ лише одною азбукою, а по нашему литерою онъ помыслился, вмѣсто «вѣди» написать «буки», што и вамъ самымъ и дьякомъ вашимъ часто прилучается так прописываться; а у бачныхъ и мудрыхъ людей таковыя помысли за ништо ставятся* (после мая 1637, АЗР, т. 5, № 15, с. 32). Составители текста используют две номинации для обозначения графического символа, поясняя старобелорусское слово и подчеркивая противопоставление «мы – вы». Ошибка в имени монарха оправданий не нашла; виновных было обещано наказать.

2. Этическая оценка сообщения. В более напряженный период дипломатических отношений авторы писем позволяют себе **характеристики степени вежливости** полученных посланий, анализируя субъективную модальность речей адресата и давая им морально-этическую оценку. Старорусское послание: (царь) *...не смотря на ваши непригожие **гордые слова**, что вы в листу его царского имяни не описали...* (декабрь 1614, СРНО, т. 142, № 29, с. 480). В старобелорусских письмах разных лет встречается устойчивое выражение *грубые и укорительные слова (словеса): ...и о добрыхъ дѣлѣхъ говорити хочемъ; и вамъ зъ ваше стороны такъ же учинити, а **грубыхъ и укорительныхъ словъ**, какихъ есте въ письмѣхъ своихъ уживали до насъ, на зѣздѣ не говорити, а говорити зъ обѣихъ сторонъ учтивѣ, штобы за **ссорными словами** доброму дѣлу поруха не сталася* (09.11.1615, АЗР, т. 4, № 205, с. 464) – здесь этическая оценка сочетается с телеологической: *штобы за ссорными словами доброму дѣлу поруха не сталася.*

Этическая оценка словам адресата дается и в процитированном выше послании, в котором сторона ВКЛ оправдывается за нарушения в титуле и имени русского царя (это эпизод многолетних «титлатурных войн», см.: [3]). Приведенные рассуждения про «омылку» следуют после ряда рефлексивов, отражающих недовольство реакцией московской стороны: *Зоставили вы письмо свое...; а въ томъ письмѣ вашомъ пописаны **гордые и высокіе слова** о титлахъ царского величества...* (после мая 1637, АЗР, т. 5, № 15, с. 32). Пересказав обвиняющий каузирующий текст: *...што королевскіе порубежные державцы прописывалися въ титлахъ царского величества, и именование и титло его государское пишутъ съ умаленьем, а въ королевское титло будто приписываютъ лишніе титла и будто изъ царского титла, чому быть будто не годно*, авторы послания продолжают: *Ино тое слово «не годно» стало намъ за **великую досаду и укоризну**; и только бѣ мы въ отвѣтъ такое **гордое слово** съ умаленьемъ чести королевского величества господаря нашего отъ васъ слышели, и мы бы вамъ противъ того по томужъ отговорили и указали: што **коли языкъ мовитъ то, што хочетъ, не къ дѣлу, то тежъ уши мусятъ услышати то, што имъ невдячно и нелюбо бываетъ*** (там же). В пословице эксплицируется наивная этика общения. В приведенных примерах метаязыковые рефлексивы реализуют подтему «Реакция на письмо адресата или впечатление от письма», относящуюся к смысловому блоку «Комментарии по поводу получения письма адресата» формуляра эпистолярного текста.

3. Оценка эффективности сообщения. В разделе 1.2 приведены контексты с телеологической оценкой, сочетающейся с нормативной. Приведем иные примеры: старорус.: *Да толко, панове, сколько тѣхъ рѣчей ни говорити на обѣ стороны, **такими рѣчами доброе дѣло не сставитца*** (28.11.1562, СРИО, т. 71, № 6, с. 108–109); *а гордостью, панове, и **непригожимъ словомъ межъ государей добра не здѣлати*** (январь 1553, СРИО, т. 59, № 25, с. 372); старобел.: *а самимъ вамъ... и о добрыхъ дѣлѣхъ говорити и дѣломъ дѣлати въ правду, отставивши всѣ **ссорные дѣла** и розные письма и слова, которые только **часть потребный напрасно проволокаютъ*** (09.11.1615, АЗР, т. 4, № 205, с. 463).

4. Оценка истинности сообщения. Прямое или косвенное выражение упрека адресата в неискренности часто сочетается с другими негативными характеристиками их речей. Старорус.: *Мы тому дивимся, что **вы такіе панове честные, а такъ пишете*** (28.11.1562, СРИО, т. 71, № 6, с. 109); старобел.: *И мы тому дивимся, что **вы не по дѣлу пишете, а напрасно и невинне** государя нашего поносите и **клеплете*** (09.06.1613, СРИО, т. 142, № 22, с. 388); *отписали есте намъ... листъ, до сыту долгий, наклавши в него много **слов** ненадобных, укорителныхъ и **неправдивыхъ*** (25.03.1615, СРИО, т. 142, № 29, с. 549). Высказывания-рефлексивы относятся здесь к тому же этикетному смысловому блоку, что и в примере 2.

Частным случаем оценки истинности высказываний является оценка их непротиворечивости. Такая рефлексия содержится в послании от имени князя Д. И. Бельского и иных бояр к панам-раде (в составлении этого текста принимал участие Иван IV [4, с. 17]). За утверждением о том, что Сигизмунд II по-разному мотивирует свое право на Ливонию: *А вашъ государь **приказывалъ надвое**...* – следует риторический вопрос: *Ино, панове, сами себѣ разсудите, **пригоже ли** таковому великому государю **такіе двои рѣчи** говорити?* (28.11.1562, СРИО, т. 71, № 6, с. 107). Адресант сам и отвечает на этот вопрос, используя выражения *двоихъ рѣчей, двоесловные рѣчи* (см. там же). В другом послании от этих же адресантов (титulyного и фактического) замыслы адресата характеризуются как переменчивые, им дается негативная телеологическая оценка: риторический вопрос получает ответ в виде оценочного генерализующего высказывания: *Веснѣ мысль, а въ осени иная, ино, панове, кто можетъ угадати и на что оплошится и какъ чаяти доброго дѣла, коли мысль нестойтелна? **Вездѣ, пане, похвално непримѣнное слово*** (февраль 1563, СРИО, т. 71, № 6, с. 129).

Таким образом, метаязыковые оценочные высказывания в дипломатической переписке Великого княжества Литовского и Русского царства 1550–1630-х гг. выступают риторическим приемом, к которому прибегают обе стороны, и дискурсообразующим средством в целом. Рефлексивы передают в основном отрицательную оценку – нормативную, этическую, телеологическую, эпистемическую; одно предложение обычно включает несколько оценок, выражаемых сказуемыми и второстепенными членами. Оценку получают содержание и модальность сообщения (*рѣчи, слова*). И в старорусских, и в старобелорусских письмах рефлексия часто вербализуется посредством безличных предложений со значением долженствования; с целью

смыслового выделения используются фигуры противопоставления. Для писем, составленных с участием Ивана IV, характерны рефлексивы – риторические предложения, вопросно-ответные ходы. По степени устойчивости рефлексивы – это высказывания со стержневыми словами и стержневыми устойчивыми словосочетаниями, принадлежащими к «общим местам» дипломатической переписки. Метаязыковая рефлексия выражается в том числе тексто- и дискурсообразующими эпистолярными формулами, в этом репрезентируется фрагмент жанрового мышления, присущего определенным социальным группам в данный исторический период.

Список сокращений

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб.: В тип. II отделения Е. И. В. канцелярии; В тип. Эдуарда Праца, 1846–1853.

КПМ – Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Стефана Батория (с 1575 по 1580 г.). М. : Университетская типография, 1843. [2], II, 285, V с.

СРИО – Сборник Императорского Русского исторического общества: в 148 т. СПб. ; Пг., 1867–1916.

Список источников

1. Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в. : материалы к словарю / науч. ред. А. А. Романова. М. : Индрик, 2021. 304 с.

2. Зуева О. В. Какъ пригоже, по прежнимъ обычаемъ: коммуникативная организация текстов дипломатической переписки властных элит Российского царства и Великого княжества Литовского (середина XVI – начало XVII века) // Русский язык и литература. 2025. № 11. С. 39–51.

3. Соловьева Н. В. Титулатурная война Московского государства с Великим княжеством Литовским на рубеже XVI–XVII веков: коммуникативно-прагматический аспект // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. № 23 (9). С. 9–18.

4. Бачинский А. А. Дипломатические послания Ивана Грозного как публицистический текст : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 19 с.

**Косвенные макроречевые акты в русской прозе XX–XXI вв.:
диахронический аспект**

**Indirect macro-speech acts in Russian prose of the 20th and 21st centuries:
a diachronic aspect**

Наталья Александровна Михальчук

Natalya Alexandrovna Mikhalschuk

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Аннотация. В рамках антропоцентрической парадигмы лингвистики диктуется необходимость изучения речевой коммуникации отдельной личности, частных реализаций дискурса, создаются условия для оценки языковой личности в пределах индивидуального речевого поведения. Коммуникативно-прагматический подход имеет высокую значимость и для глубокого анализа текстов литературных произведений. В статье выявляются основные закономерности употребления косвенных макроречевых актов со значением побуждения в произведениях русских писателей XX–XXI вв. в диахроническом аспекте. Установлены различия в структуре косвенных макроречевых актов и способов выражения экспрессивности в материале пяти хронологических периодов русской прозы.

Abstract. Within the framework of the anthropocentric paradigm of linguistics, the need to study the speech communication of an individual, the specific implementations of discourse, and the conditions for evaluating a linguistic personality within the framework of individual speech behavior are dictated. The communicative-pragmatic approach is highly significant for a deep analysis of literary texts. This article identifies the main patterns of the use of indirect macro-speech acts with the meaning of inducement in the works of Russian writers of the 20th and 21st centuries in a diachronic aspect. The article establishes differences in the structure of indirect macro-speech acts and the ways of expressing expressiveness in the material of five chronological periods of Russian prose.

Ключевые слова: косвенный речевой акт, макроречевой акт, коммуникативная интенция побуждения

Keywords: indirect speech act, macro speech act, communicative intention of inducement

Характеристика косвенных речевых актов как особого типа высказываний представлена в трудах российских лингвистов Т. В. Булыгина [1], В. Г. Гака [2], В. В. Дементьева [3], М. Л. Макарова [4], Т. В. Нестеровой [5]. Вслед за М. Л. Макаровым к косвенным речевым актам относим «случаи, когда говорящий подразумевает одновременно и прямое значение высказывания, и нечто большее, а само высказывание имеет две иллокутивные функции» [4, с. 107–108].

Таким образом, дифференциальным признаком, позволяющим фиксировать косвенность, в данной статье считаем потенциал употребления речевого акта с двумя иллокутивными функциями.

Термин «макроречевой акт» в лингвистической литературе впервые был введен Т. А. ван Дейком, который констатировал следующее: «Конкретные речевые акты могут быть или относительно “самостоятельными” единицами коммуникации (ср. приветствия), или рассматриваться как нормальные условия, компоненты или элементы последовательности, образующие глобальный речевой акт. Макроправила в терминах макроречевых актов объясняют, как именно последовательность речевых актов связана со своей глобальной репрезентацией» [6, с. 36]. Ученый определил условия, необходимые для объединения «конкретных» речевых актов в «глобальный» макроречевой акт: «Так, серия приветствий, утверждений, вопросов и т.д. может быть интерпретирована как “составляющее целое” только в том случае, если мы полагаем, что таким образом говорящий выражает глобальное требование, для которого соответствующие “микроречевые акты” представляют собой необходимые приготовления, условия и компоненты» [5, с. 37].

В российской лингвистике наблюдаются попытки дать определение косвенного макроречевого акта. Как подчеркивают А. Г. Пospelова и Е. Н. Шустрова, понятие косвенного макроречевого акта предполагает наличие: 1) «косвенного микроречевого высказывания в прагматическом фокусе; 2) одной перлокутивной цели, объединяющей несколько иллокутивных актов, осуществляемых одним отправителем речи» [7, с. 139].

Косвенные речевые акты, выходящие за рамки одного высказывания, в которых соблюдаются указанные А. Г. Пospelовой и Е. Н. Шустровой условия, мы относим к косвенным макроречевым актам. Ср. «— *Золотая моя! – воскликнула Ольга Ивановна и всплеснула от умиления руками. – Ведь вы теперь такая богатая! Ведь уж, наверно, найдется у вас какая-никакая комнатка! Уголок какой, так себе, что ни на есть захудалый. Нам ведь, ей Богу, много не надо! Мы с теснотой давно-давно помирились. Уж как-нибудь, пожалуйста!* (=помогите с жильем) (К. Федин «Первые радости»).

Цель данной статьи – выявление характерных черт косвенной реализации побуждения в форме макроречевых актов в русской прозе XIX–XX вв. в диахроническом аспекте. Анализу подлежит группа косвенных макроречевых актов со значением побуждения в диалогах персонажей русской прозы XX–XXI вв. (общее число высказываний – 499); примеры отбирались методом сплошной выборки.

Структуру косвенного макроречевого акта в данной статье представляем как состоящую из следующих компонентов: 1) вводный компонент; 2) мотивирующий компонент; 3) собственно побуждение, репрезентированное косвенным речевым актом; 4) мотивирующий компонент; 5) добавочный компонент. Так, в приведенном выше косвенном макроречевом акте выявлено шесть типовых компонентов: 1) вводный компонент – обращение («*Золотая моя!*»); 2) мотивирующий («*Ведь вы теперь такая богатая*»); 3) косвенная просьба («*Ведь уж, наверно, найдется у вас какая-никакая комнатка!*»); 3)–5) добавочные («*Уголок какой, так себе, что ни на есть захудалый. Нам ведь, ей Богу, много не надо! Мы с теснотой давно-давно помирились*» –

указание на незначительность действий, к которым побуждается адресат); 6) добавочный компонент – усиление категоричности просьбы, формула вежливости («*Уж как-нибудь, пожалуйста!*»).

Косвенное побуждение является ядерной зоной макровысказывания, другие компоненты относятся к периферии.

Вводный компонент макроречевого акта представляет собой часть макроречевого акта, предваряющую собственно побуждение. Он может включать обращение, ввод говорящим темы разговора, характеристику обстоятельств общения, а также формулы вежливости, привлечение внимания собеседника. Ср. «*Я спрашиваю, я шутлив. – Господа. У вас великолепные квадратные метры! Как насчет посторожить?*» (В. Маканин «Андеграунд, или Герой нашего времени»). Вводный компонент представлен обращением и вводом темы разговора. Ср. «*И, оглядев черные стены, маленькие окошечки, лохань с помоями, громадную плечистую печь, громко и строго крикнул: – Эй! Господа-бояре! Пора и честь знать!*» (И. Бунин «Деревня»). В составе вводного компонента – привлечение внимания и обращение.

Мотивирующий компонент макроречевого акта содержит мотивировку побуждения с точки зрения адресанта. Возможно представление как одного мотива, так и нескольких. Данный типовой компонент может как предварять собственно побуждение, так и следовать за ним. Ср. «– *Тебе нужно жениться, – посоветовала Мирка. – Женщина может жить одна, а мужчина – нет. Ты опустишься*» (В. Токарева «Тихая музыка на стеной»). «– *Так уже играли, как ты играешь, – сказал Цветухин. – Надо играть по-другому*» (К. Федин «Первые радости»). В первом примере мотивирующий компонент находится в постпозиции, во втором – в препозиции.

Анализ практического материала показывает, что добавочный компонент макроречевого акта может быть представлен следующими разновидностями:

➤ уточнение, конкретизация, ср.: «*Перед вечером она отошла уже настолько, что позвала Надю и попросила: – Ты бы сварила мне кашу... Ту, которую маленькой Нинке варила. Из крупы. Жиденькую*» (В. Распутин «Последний срок»);

➤ усиление категоричности речевой реализации интенции, ср.: «– *Надо баню сделать для колхоза, вот это да! Устроим, факт*» (М. Шолохов «Поднятая целина»).

➤ угроза, ср.: «*Через полгода Татьяна объявила: – Ты кодируешься. Иначе я ухожу*» (В. Токарева «Дерево на крыше»);

➤ эмоциональная оценка, ср.: «– *Э! Э! Э! – возмутился братик. – А чокнуться? А за здоровье?*» (З. Прилепин «Ботинки, полные горячей водкой»);

➤ переспрос, проверка связи, ср.: «– *Тогда-то мы и начнем. А, Франц?*» (В. Набоков «Король, дама, валет»);

➤ повтор побуждения, ср.: «*Он вел машину в Люберцы, вел спокойно, задумчиво и внимательно слушал Поливанова и вдруг сказал: – Вот что, брат, отделяться надо. Отделяться!*» (Ф. Вигдорова «Любимая улица»);

➤ формулы вежливости, ср.: «– *Партию в шахматы? Если вам угодно*» (А. Грин «Бегущая по волнам») и др.

В целом для данного компонента характерна постпозиция, однако его отдельные составляющие могут размещаться как перед побуждением, так и после него, – например, формулы вежливости, оценочный частный компонент.

Статистические данные показывают, что в русской прозе XXI в., по сравнению с материалом начала XX в., в 3,3 раза снижается количество косвенных макроречевых актов со значением побуждения. Данные результаты можно объяснить художественным принципом лаконизма при изображении речи действующих лиц у современных писателей, который коррелирует с тенденцией коммуникативной сжатости, краткости в современном речевом общении. Говоря о человеке XXI в., И. А. Стернин констатирует: «Люди отучаются произносить более или менее длинные монологи» [8, с. 30]. Данную черту речевой коммуникации лингвист связывает с явлением персонификации личности, которое оказывает влияние на характер общения [8].

Различия в выборе писателями типовых компонентов, относящихся к периферии косвенных макроречевых актов, содержат значимый художественный смысл. Доминирующие компоненты макроречевых актов коррелируют с различиями творческой манеры и художественных принципов русских писателей. Определенные закономерности данных различий наблюдаются и в аспекте диахронии.

Так, частотность мотивирующего компонента макроречевых актов указывает на тенденцию к усилению причинно-следственной связи между репликами действующих лиц: персонажи склонны к объяснению описываемых явлений и репрезентируемых речевых действий. Это характерно для русской прозы 2000–2020-х гг.: в материале данного хронологического периода мотивирующий компонент наблюдается в 51 % контекстов (за 100 % мы принимаем общее число компонентов различных типов в указанный период). Наименьший удельный вес мотивирующих компонентов зафиксирован в материале 1980–1990-х гг. (21 %).

Высокая употребительность добавочного компонента макроречевых актов свидетельствует о стремлении писателей к уточнению, детализации изображаемого. Добавочный компонент в значительном количестве представлен в материале 1980–1990-х гг. (54 %), 1930–1940-х гг. (46 %), 1900–1920-х гг. (45 %). Наименьший его удельный вес выявлен в материале XXI в. (38 %).

Расширенный вводный компонент макроречевых актов отражает неторопливую, обстоятельную, выверенно-подробную манеру описания автором разговоров действующих лиц. Данная характеристика относится к прозе 1980–1990-х гг. (25 %), 1900–1920-х (22 %) и 1930–1940-х гг. (22 %). Наиболее низкий объем вводных компонентов представлен в современной художественной прозе (11 %).

Макроречевые акты, состоящие из ряда компонентов, зачастую приносят в речевую коммуникацию персонажей **экспрессивность**, которая не всегда может быть реализована в рамках микроречевого акта, включающего один компонент. Для косвенных макроречевых актов со значением волеизъявления экспрессивность также является характерной. В то же время природа экспрессивности макроречевых актов,

реализующих интенцию побуждения, способы выражения экспрессивного волеизъявления существенно различаются в каждый из рассматриваемых пяти хронологических периодов.

Так, в русской прозе 1900–1920-х гг. доминирующим экспрессивным компонентом макроречевых актов являются этикетные речевые акты (их выявлено 24 единицы употребления). Наиболее частотными представляются обращения (17 единиц). Ср. «– *Ах, господа, – без политики. Зачем политика?*» (В. Набоков «Машенька»). «– *Алеша, Алеша, тяжело тебе! Нужно, брат, встряхнуться, нужно перестроить жизнь...*» (В. Вересаев «К жизни»). «– *Данила Степаныч, – слышал он знакомый, несмелый оклик. – Не прикажете ли ножки вам потерять?*» (И. Шмелев «Росстани»).

В материале 1930–1940-х гг. и 1950–1970-х гг. в качестве преобладающего в макроречевых актах экспрессивного компонента выявлен другой – вспомогательный негативно-оценочный речевой акт, входящий в структуру целостного косвенного побудительного макроречевого акта. В текстах произведений первого периода подобных высказываний выявлено 11 единиц, в текстах второго периода – 18. Ср. «– Это наглость! – вскипела дочь буфетчика. – Ты не должен этого позволить, – нервно жала она локоть сидящего рядом Голуба» (Н. Островский «Как закалялась сталь»). «Очумел, старый дурак! Будешь ерепениться – свяжем да бросим на задворки» (Ф. Абрамов «Братья и сестры»). «Михаил крикнул: – Нинка, я тебя, как кошку, носом буду тыкать, так и знай. Сколько раз говорить тебе, чтоб подальше ходила!» (В. Распутин «Последний срок»).

В прозе 1980–1990-х гг. к наиболее употребительным компонентам косвенного макроречевого акта относятся речевые акты со значением интенсификации признака, в которых одним из частотных способов усиления коммуникативной интенции является повтор. Ср. «Но Даев повелевал: – Ладно, ладно, по одной стопке – и помчимся! Говорю же, по стопке – и помчимся на волю!» (В. Маканин «Один и одна»). «– Не пора ли что-то рассказать? Не пора ли открыться, голубчик?» (В. Маканин). «– Что молчишь? Молчишь что?» (А. Битов «Улетающий Монахов»). «Едигей в сердцах накричал на Каранара: – Ты чего орешь, крокодил? Ты чего орешь в небо, как будто там тебя сам Бог слышит?» (Ч. Айтматов «Буранный полустанок»). «– Зачем ругаться? Зачем зря обижаться?» (Ч. Айтматов «Плаха»).

В произведениях, относящихся к периоду XXI в., в макроречевых актах не выявлено частотных способов выражения экспрессивного побуждения.

Таким образом, на фоне статистических данных материала начала XX в. в русской прозе 2000–2020-х гг. наблюдаются следующие диахронические изменения: 1) уменьшение количества макроречевых актов (в 3,3 раза); 2) снижение роли вводного компонента макроречевого акта (зафиксировано 11 % контекстов с его использованием); 3) увеличение роли мотивирующего компонента (51 % случаев употребления); 4) снижение экспрессивности макроречевых актов.

Указанные коммуникативные особенности отражают специфику поэтики современных произведений: лаконизм диалогового взаимодействия; уменьшение роли

детализации в речевом общении и повышение роли объяснения, аргументации; снижение экспрессивности диалогов; представление речевого общения писателями менее обстоятельно и подробно, чем в литературных произведениях начала XX в.

Список источников

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. 576 с.
2. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностранные языки в школе. 2006. № 8. С. 11–17.
3. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М., 2006. 374 с.
4. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. 280 с.
5. Нестерова Т. В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5, ч. 1. С. 156–162.
6. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000. 308 с.
7. Поспелова А. Г. Косвенные коммуникативные единицы, связанные с манипулированием и мистификацией // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. ст. Саратов, 2003. URL: <https://old.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaya-kommunikaciya>
8. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Воронеж, 2012. 178 с.

**Оценочные средства в краеведческом исследовании А. С. Шадриной
о пребывании Ф. М. Достоевского в Кузнецке**

**Assessment tools in A. S. Shadrina's local history research
on F. M. Dostoevsky's stay in Kuznetsk**

Ольга Константиновна Бондарева

Olga Konstantinovna Bondareva

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт, Новокузнецк, Россия

Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute, Novokuznetsk, Russia

Научный руководитель: Ирина Алексеевна Пушкарева

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт, Кемеровский государственный университет, Новокузнецк, Россия

irina_pushkareva2016@mail.ru

Scientific supervisor: Irina Alekseevna Pushkareva

Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute, Kemerovo State University,
Novokuznetsk, Russia

irina_pushkareva2016@mail.ru

Аннотация. Современное языкознание изучает структуру и функционирование языка. Анализируются способы выражения оценки и эмоционально-экспрессивной окраски в исследовании А. С. Шадриной «Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского» о пребывании писателя в Кузнецке и его взаимоотношениях с М. Д. Исаевой. Через средства выразительности исследователь даёт оценку событиям и создаёт образ Исаевой как важной фигуры в духовном преображении Достоевского. Особое внимание уделяется «Прологу», трём эпизодам визитов в Кузнецк и «Послесловию к кузнецким дням». Исследование показывает, как оценочные элементы подчёркивают двойственность «кузнецких дней», сочетающих страдания и счастье в жизни писателя.

Abstract. Modern linguistics studies the structure and functioning of language. The article analyzes the ways of expressing evaluation and emotional and expressive coloring in the study by A. S. Shadrina "Twenty-two days from the life of F. M. Dostoevsky" about the writer's stay in Kuznetsk and his relationship with M. D. Isaeva. Through the means of expression, the researcher evaluates events and creates an image of Isaeva as an important figure in Dostoevsky's spiritual transformation. Special attention is paid to the "Prologue", three episodes of visits to Kuznetsk and the "Afterword to the Kuznetsk days". The study shows how the evaluative elements emphasize the duality of the "Kuznetsky days", combining suffering and happiness in the writer's life.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, М. Д. Исаева, краеведение, Кузнецк, А. С. Шадрина, оценка, оценочность, экспрессия, диктум, модус, музей Достоевского

Keywords: F. M. Dostoevsky, M. D. Isaeva, local history, Kuznetsk, A. S. Shadrina, assessment, evaluativeness, expression, dictum, mode, Dostoevsky Museum

Современное языкознание ищет ответы на ключевые вопросы, связанные со структурой и функционированием языка. Особое внимание уделяется языковым средствам и формам языкового сознания, среди которых важное место занимают языковые категории. Внимание исследователей направлено на модальность как лингвистическую категорию, связанную с языковым выражением отношения исполнителя речевого акта к тому, о чём сообщается в высказывании. Оценочность является центральной категорией модальности. Е. М. Вольф определяет оценку как универсальную языковую категорию, которая отражает ценностное отношение субъекта к объектам действительности [1]. А. И. Пичкур отмечает, что оценочность – «это значение, характерное для всех функциональных стилей, но проявляющееся в каждом из них по-разному» [2, с. 79]. Оценка также является одним из видов субъективной модальности. Н. Д. Арутюнова рассматривает оценочность как один из основных типов языковых значений вместе с событием и фактом. Исследователь анализирует, как в языке отражена субъективная позиция говорящего, его отношение к объекту или явлению, и какие языковые средства используются для передачи оценочных смыслов [3].

Оценочные речевые средства играют особую роль в устном общении. Этот вид речевых взаимодействий отличается повышенной экспрессивностью и эмоциональностью. Авторы, трансформируя живой язык в процессе письменной обработки, стремятся максимально сохранить его уникальность и выразительность. Оценка в тексте проявляется на всех уровнях языка и обладает широким диапазоном средств выражения: лексических, фонетических, словообразовательных, морфологических и синтаксических.

В качестве материала исследования мы взяли работу А. С. Шадринной «Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского» [4]. Региональное социокультурное пространство Новокузнецка (ранее Кузнецка) фокусирует тему пребывания великого русского писателя в сибирском городе. А. С. Шадринна рассказывает о самом пребывании писателя в городе, прилагает воспоминания, письма и фотоиллюстрации, анализирует архивные источники. В большей степени внимание автора работы (и наше в том числе) привлекают эпизоды появления М. Д. Исаевой в жизни Ф. М. Достоевского. По словам А. С. Шадринной, эти двадцать два дня и предшествующие им события стали одними из самых ярких, радостных и мучительных в жизни писателя. В них отражены важные моменты истории любви Ф. М. Достоевского и М. Д. Исаевой.

Венчание в Кузнецке и «грозные и счастливые» дни, пережитые там, породили множество интерпретаций этой любви в литературе о писателе. Взгляд А. С. Шадринной на этот период жизни Ф. М. Достоевского выделяется среди других литературоведческих исследований. Для А. С. Шадринной отношения писателя с его первой женой – это трогательная и искренняя история любви.

Опираясь на исследование А. С. Шадринной, мы анализируем стиль работы через средства выражения оценки и эмоционально-экспрессивной окраски. Для семантико-стилистического анализа были выбраны главы «Пролог», основная часть, посвященная истории знакомства и любви Ф. М. Достоевского и М. Д. Исаевой – три приезда

Фёдора Михайловича в Кузнецк, а также «Послесловие к кузнецким дням Ф. М. Достоевского». В первую очередь мы анализируем, как А. С. Шадрина представляет, что такое для Ф. М. Достоевского М. Д. Исаева и Кузнецк, т.е. наше исследование не просто строится на анализе оценочности, а на изучении средств выражения личностного отношения А. С. Шадриной к тому, что Ф. М. Достоевский именно в Кузнецке обрел свою первую супругу и венчался с ней в Одигитриевской церкви 6 февраля 1857 г.

Главы «Пролог» и «Послесловие к кузнецким дням Ф. М. Достоевского» в большей степени содержат эмоционально-оценочные фрагменты, в отличие от «Трех приездов Ф. М. Достоевского в Кузнецк», где А. С. Шадрина старается изображать события с опорой на диктум. Нас интересует воссозданный образ М. Д. Исаевой, воссозданное отношение к ней Ф. М. Достоевского и «кузнецкий накал страстей», который оставил отпечаток на всей дальнейшей жизни писателя. Важным в книге А. С. Шадриной является отношение к тому, что именно Кузнецк сыграл такую роль в жизни Ф. М. Достоевского – книга представляет краеведческий дискурс.

Основаниями для выбора фрагментов, отражающих вышеперечисленные стороны, стали субъективный и объективный дискурс, где первый как раз отражает оценочность автора работы. Смена эмоционально-экспрессивной окраски помогает определить, где А. С. Шадрина диктумно описывает кузнецкие дня писателя, а где появляется модусный компонент [5].

Так, например, в «Прологе» появляется оценочный фрагмент, говорящий о том, кем в жизни Ф. М. Достоевского была М. Д. Исаева: *«В жизни Достоевского была М. Д. Исаева, поэтому были кузнецкие дни в его биографии. В Кузнецке он не написал ни строчки, но здесь шла борьба за чувство и вместе с ним право нового обретения себя как личности после перенесенных страданий. В сибирском самостоянии Ф. М. Достоевского ей единственной принадлежит эта исключительная миссия»* [4, с. 8]. *«Была М. Д. Исаева»* – многозначительность, т.е. не просто присутствовала, а была в бытийном значении, как человек, как смысл, как состояние. В этом фрагменте проявляется личностная оценка автора текста появления в жизни Ф. М. Достоевского М. Д. Исаевой, а значит и появления Кузнецка: именно М. Д. Исаева становится смыслом для Ф. М. Достоевского и причиной быть в сибирском городе. Антитеза: *«В Кузнецке он не написал ни строчки, но здесь шла борьба за чувство и вместе с ним право нового обретения себя как личности после перенесенных страданий»*, – будто сопоставляет Ф. М. Достоевского как писателя и как человека, как себя старого, до Кузнецка и М. Д. Исаевой, и после.

Слово «самостояние» подчеркивает новое становление себя и перерождение, становится ключевым словом во всех двадцати двух днях писателя. Само слово не фиксирует словарь В. И. Даля, а значит, это пушкинский след: «Самостоянье человека залог величия его» [6, с. 266]. Возвышенная лексика фрагмента подчеркивает оценочность и отношение самой А. С. Шадриной к важности М. Д. Исаевой в жизни писателя.

Приведём следующие фрагменты, которые представляют «перерождение» Ф. М. Достоевского в Кузнецке: *«Готовность Ф.М. Достоевского к большому многострадальному чувству в сибирский период жизни была предопределена его внутренним перерождением и человеческой зрелостью <...> В реальной жизни было неизбежно-грозное, даже трагическое, сугубо в духе Достоевского»* [4, с. 9]; *«И, наконец, самое главное, что наполнило его жизнь и душу новым состоянием, в котором даже страдание осмысливалось как большое счастье, была встреча с М. Д. Исаевой»* [4, с. 10].

Фрагменты «Пролога» отличаются выразительностью концептуального подхода и точностью фактографического описания. Концептуальная часть отражает авторское восприятие кузнецких событий как борьбу за чувство и стремление к новому обретению себя. В представленных фрагментах используется экспрессивная лексика: *«глубокий накал страстей», «страстная и мятежная натура»* [4, с. 10]. Все они вместе формируют оценку А. С. Шадринной кузнецких дней писателя как дней страдальческих и счастливых одновременно. Во фрагментах выделяются ключевые доминанты: любовь, страдание, перерождение, личность; они усиливают оценочность, повышая эмоционально-экспрессивную окраску суждений А. С. Шадринной. Исследователь за счет доминант пытается не просто воссоздать образы М. Д. Исаевой и Ф. М. Достоевского, но и показать их как живых людей, как личности, глубоко чувствующие и страдающие. Особенно важным становится для А. С. Шадринной показать Ф. М. Достоевского как личность, «воскресшую заново» в этом сибирском городе.

Основная часть исследования А. С. Шадринной строится на трех приездах Ф. М. Достоевского в Кузнецк: «Первый приезд Ф. М. Достоевского в Кузнецк», «Второй приезд Ф. М. Достоевского в Кузнецк», «Третий приезд Ф. М. Достоевского в Кузнецк». Эти главы объединены фактами о Кузнецке и эволюции «грозного чувства». Семантические повторы помогают подчеркнуть особенности внутреннего мира Достоевского: *«Не идеализируя образ Марии Дмитриевны, невозможно не отдать ей должного как исключительно светлой личности, оказавшей своим чувством нравственную поддержку Достоевскому в один из трагических периодов его жизни»* [4, с. 29–30]. Эти фрагменты характеризуют внутренний мир писателя, включая его моральные принципы, духовное состояние и размышления о нравственности. Они также демонстрируют значимость М. Д. Исаевой в жизни Ф. М. Достоевского, подчеркивая её духовно-нравственное влияние. Кроме того, текст акцентирует внимание на роли этой женщины в судьбе писателя. Часто во фрагментах встречается прилагательное «нравственный», что формирует этическую оценочность. Ф. М. Достоевский не просто воскресает как личность, а как нравственная личность, перерождается морально, и особую роль в этом перерождении А. С. Шадрина отводит М. Д. Исаевой как «нравственной поддержке» писателя.

Ещё один способ употребления эмоционально-экспрессивных средств – это повторение и систематизация уже известных, сказанных ранее фактов [7]. Для этого применяются разнообразные стилистические приёмы, которые помогают передать динамику и напряжённость в размышлениях, чаще всего это риторические вопросы

(«Удивительно ли, что Фёдор Михайлович всей душой потянулся к этой женищине?» [4, с. 18]) и вопросно-ответное единство: «Какими же достоинствами обладала эта женищина, внушившая столь глубокое, страстное чувство любви человеку, которому через русскую литературу предстояло подняться на вершины человеческого духа?» [4, с. 29–30].

Эти фрагменты формируют образ М. Д. Исаевой как исключительно светлой личности, которая стала не просто «нравственной поддержкой» для Ф. М. Достоевского. Помимо риторических вопросов и вопросно-ответной формы, оценочность создается в большей степени возвышенной лексикой и эпитетами («глубокое, страстное чувство любви», «вершины человеческого духа», «исключительно светлой личности»), а также указательными местоимениями («этой женищине», «эта женищина») [8].

Недолгое присутствие в Кузнецке и венчание с М. Д. Исаевой стали для Ф. М. Достоевского самыми счастливыми днями, возможно, во всей его жизни. А. С. Шадрина дает оценку этим дням в следующих фрагментах: «Очевидно, здесь, в Кузнецке, под влиянием близости любимого существа, вдали от служебных обязанностей, от мест, неприятных тяжелыми воспоминаниями, Федор Михайлович чувствовал себя если не вполне счастливым, то удовлетворенным более или менее» [4, с. 33]; «Участники кузнецкого торжества Достоевских, свидетели их счастья, в те часы, вероятно, не предполагали, что они приобщены к вневременному событию своим присутствием, осознание этого пришло гораздо позднее» [4, с. 35]; «И все это время рядом с Федором Михайловичем сама Мария Дмитриевна, отсюда полнота чувств и ощущение полнокровности бытия» [4, с. 37]. «Полнокровность бытия» ощущается писателем возле «любимого существа», М. Д. Исаевой.

В анализируемых фрагментах наблюдается усиление экспрессивной окраски, что является отражением переживаний Ф. М. Достоевского: обретенное им счастье, пришедшее после длительных страданий, понимается как состояние, выходящее за пределы обыденного. «Полнокровность бытия» говорит о том, что писатель приобретает лёгкость жизни в своем счастье, без оглядки на прошлое и будущее.

Завершающая глава нашего исследования – «Послесловие к Кузнецким дням Ф. М. Достоевского» – характеризуется особым вниманием А. С. Шадриной к внутреннему миру Ф. М. Достоевского. «В этих размышлениях незримо присутствует образ Марии Дмитриевны, чувство к ней не изжило себя, но переродилось в сострадание, боль за нее, и не было душевного покоя» [4, с. 40]; «Вместе с Марией Дмитриевной из его жизни уходила в прошлое никогда не забываемая десятилетняя сибирская эпопея, формировавшая Достоевского-писателя и мыслителя. Как воспоминание Мария Дмитриевна принадлежала теперь не только Достоевскому, она ушла от него в мир бессмертия, растворившись в литературно-художественных образах творчества писателя» [4, с. 43]. В этих фрагментах в полной мере проявляется оценочность и вместе с тем усиление эмоционально-экспрессивных средств, подводящих итог размышлениям А. С. Шадриной о роли М. Д. Исаевой в судьбе Ф. М. Достоевского.

Таким образом, работа А. С. Шадринной представляет собой живое воспоминание о самых тяжелых и самых светлых днях Ф. М. Достоевского в Кузнецке, его любви, страдании и перерождении. Важную роль играют проанализированные нами оценочные фрагменты, которые раскрывают «накал страстей» за счет повышенной эмоционально-экспрессивной окраски. Для своего исследования А. С. Шадринна выбрала короткий временной отрезок и малоизученные эпизоды жизни Ф. М. Достоевского [9]. Она предложила свой взгляд на эти события и доказала их важность для формирования личности писателя и его творчества.

Список источников

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
2. Пичкур А. И. Оценочность политического текста. Функционально-семантические аспекты языковых явлений. Куйбышев : КГУ, 1989. С. 70–91.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений // Оценка, событие, факт / отв. ред. Г. В. Степанов. М. : Наука, 1988. 338 с.
4. Шадринна А. С. Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского (г. Кузнецк, 1856–1857 гг.). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1995. 158 с.
5. Сиротинина О. Б. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта: Наука, 2003. С. 343–347.
6. Пушкин А. С. Полное собрание стихотворений в одном томе. М. : Эксмо, 2011. 765 с.
7. Сиротинина О. Б. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня : сб. ст. / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 317–321.
8. Пирожков Г. П. Формирование Родиной краеведческого дискурса на основе локальных исследовательских практик (вторая половина XIX начало XX в.). Тамбовский филиал Московского государственного университета культуры и искусств, 2012. 8 с.
9. Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. М. : МПУ, 1993. 341 с.

Раздел II. Современные подходы к изучению текста и дискурса

УДК 811.161.1'38'42

Коммуникативная стилистика текста: теория смыслового развёртывания текста и перспектива её развития

Communicative stylistics: the theory of semantic development of the text and the prospects for its development

Нина Сергеевна Болотнова

Nina Sergeevna Bolotnova

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Аннотация. Рассматриваются особенности теории смыслового развёртывания текста как одного из направлений коммуникативной стилистики, связь данной теории с теорией регулятивности и текстовых ассоциаций, понятийно-терминологический аппарат теории смыслового развёртывания текста, а также перспектива развития данного научного направления.

Abstract. The article examines the features of the theory of semantic development of the text as one of the areas of communicative stylistics, the connection of this theory with the theory of regulation and text associations, conceptual and terminological apparatus of the theory of semantic development of the text, as well as the prospects for the development of this scientific direction.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика текста, теория смыслового развёртывания, лексическая структура текста, семантика, содержание, смысл текста, семантическая структура текста

Keywords: communicative stylistics of text, theory of semantic development, lexical structure of text, semantics, content, meaning of text, semantic structure of text

Теория смыслового развёртывания как одно из направлений коммуникативной стилистики текста тесно связана с другими ее направлениями: *теорией регулятивности* и *теорией текстовых ассоциаций*, но имеет свою специфику. Она включает особый понятийно-терминологический аппарат и реализацию иного подхода к механизмам формирования смысла в сознании воспринимающего текст адресата.

Остановимся на этом подробнее с позиций уже сделанного в прошлые годы и перспективы на будущее, учитывая значимость изучения механизмов смыслового

развертывания текста в процессе его восприятия, интерпретации и понимания личностью. Коммуникативная стилистика текста опирается на достижения функциональной лексикологии, разрабатываемой в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в РГПУ им. Герцена (см. работы В. В. Степановой, Н. Е. Сулименко, В. Д. Черняк и др.), функциональной стилистики (труды М. Н. Кожиной, М. П. Котюровой, Е. А. Баженовой, Н. В. Данилевской и др.) и стилистики декодирования (работы М. Риффатера, И. В. Арнольд).

Для коммуникативной стилистики текста как научного направления, разрабатываемого с 1990-х гг., характерен *коммуникативно-деятельностный подход* к тексту [1, 2]. При этом текст рассматривается как основная форма коммуникации, как результат текстообразующей деятельности автора и как объект познавательной деятельности адресата. Ключевым понятием в этих процессах является *лексическая структура текста*, учитывая особую роль слова как базисной единицы языка, как основного средства передачи информации, способного осуществлять воздействие, обладающего большим коммуникативным потенциалом, стимулирующим ассоциативную деятельность участников коммуникации.

Под *лексической структурой текста* понимается «коммуникативно ориентированная на адресата, концептуально обусловленная ассоциативно-семантическая сеть, отражающая различные связи и отношения словных и неоднословных единиц лексического уровня» [3, с. 87]. Именно лексическая структура текста при участии единиц других уровней его языковой организации, играющих вспомогательную роль, является ключом к его смысловому развертыванию в сознании адресата. Выделены разные типы лексических структур текстов по месту центрального узлового звена (ключевой лексической микроструктуры) в общей макроструктуре текста, по количеству ключевых звеньев, по характеру отношений между ними в общей системе текста, по имплицитности / эксплицитности доминантной лексической микроструктуры и т.д. [1, 3]. Разные типы лексического структурирования текста определяют особенности процесса формирования смысла у адресата.

Смысловое развёртывание текста рассматривается нами как динамика представления в сознании личности фрагмента концептуальной картины мира автора, вербализованного в структуре текста. При этом дифференцируются понятия *семантика текста*, его *содержание* и *смысл*. Хотя данные понятия связаны, но они не тождественны. Под *семантикой текста* нами понимается выраженная в языковой форме информация. Е. А. Баженова и М. П. Котюрова определили данное понятие как «значения составляющих текст языковых единиц, обладающих способностью во взаимодействии друг с другом отражать объективную действительность» [4, с. 388]. Уточним, что это «объективно закодированный в тексте различными языковыми средствами результат взаимодействия значений составляющих текст языковых единиц, отражающих интенции автора и его картину мира» [3, с. 183].

Содержание текста, согласно нашей концепции, формируется не только с опорой на его семантику, но и предполагает учёт других уровней и подуровней в общей структуре текста. При этом мы исходим из того, что текст имеет *информативно-*

смысловой и формирующийся на его основе *прагматический уровень*, рассматриваемые в коммуникативной стилистике в лингвистическом и экстралингвистическом аспектах. *Информативно-смысловой уровень* содержит с лингвистической точки зрения фонетический, морфологический, лексический, синтаксический подуровни. В экстралингвистическом аспекте это *предметно-денотативный, тематический и сюжетно-композиционный подуровни*.

Прагматический уровень основывается на *информативно-смысловом*, репрезентируется его средствами при условии выполнения ими воздействующей функции. Прагматический уровень включает *эмоциональный, образный, идейно-эстетический* подуровни, если речь идёт о художественных произведениях. В лингвистическом аспекте *прагматический уровень* содержит подуровни: *экспрессивно-стилистический* и *функционально-стилистический* (у первого в качестве единиц рассмотрены *экспрессемы*, имеющие экспрессивную и эмоционально-оценочную окраску, у функционально-стилистического подуровня единицами являются *стилемы*: стилистические приемы, типы выдвижения) [1, с. 41–48; 5, с. 326–333].

Очевидно, что *смысл текста* имеет не только объективный, но и субъективный характер, так как это «субъективное отражение содержательного плана текста в сознании адресата на основе его тезауруса и ценностных ориентиров» [3, с. 189]. Одни адресаты могут воспринимать только поверхностный смысл текста, другие – глубокий смысл, включающий содержательно-концептуальную и подтекстовую информацию (термины И. Р. Гальперина). На формирование смысла текста оказывает влияние не только семантика текста, но и другие уровни его содержательного плана, например, композиция.

Понятийно-терминологический аппарат теории смыслового развёртывания текста включает такие понятия, как *смысловая структура текста* и *смысловый признак* описываемой в тексте реальности. Под *смысловой структурой текста* нами понимается взаимосвязь лингвистически репрезентированных в тексте смысловых признаков описываемых реалий разного ранга и масштаба, воплощенных в тексте и соотносящихся с миром действительности и актуализирующих картину мира автора.

В процессе приобщения адресата к тексту осуществляется «накапливание» и «укрупнение» смысловых признаков реалий разного ранга и уровня обобщения, т.е. происходит процесс смыслового развёртывания текста в сознании адресата. За основу данной концепции нами была взята теория Г. С. Клычкова и Е. Д. Шварц о том, что «связность текста, его семантическая организация осуществляются на уровне семантического признака или семантического параметра» [6, с. 5].

В процессе развёртывания текста *смысловый признак* описываемой реальности может быть материализован или на уровне сем, если речь идет об одной из сторон элемента ситуации; либо на уровне лексических единиц – в описании элемента ситуации; или на уровне высказывания, если речь идёт о координации элементов ситуации. Таким образом, наблюдается иерархическая организация информативных сигналов различных реалий текстового мира (от отдельных элементов ситуаций до целых си-

туаций), стимулирующая интерпретационную деятельность адресата. При этом актуализируются сложные и многоаспектные связи различных элементов текста, творчески интерпретируемые адресатом в процессе его знакомства с текстом и погружения в его смысловую организацию.

Основными типами смысловых отношений между лексическими единицами, актуализирующими *смысловые признаки реалий текстового мира*, в нашей концепции являются универсальные *отношения дополнения, усиления и контраста*. Они проявляются на разных уровнях в иерархии расширяющихся контекстов, как было рассмотрено нами ранее [1, 2], на уровне текстовой синтагматики («по горизонтали» и текстовой парадигматики («по вертикали»)).

При *отношениях дополнения* смысловые признаки описываемых реалий линейно-последовательно и непротиворечиво передают информативные сигналы различных явлений: субъектов, объектов, действий, признаков, функций и т.д. (сравним здесь и далее фрагменты из разных стихов А. А. Ахматовой: *Дорогу вижу от ворот, и тумбы белеют чётко в изумрудном дёрне*).

Отношения усиления основаны на однократном или многократном повторении смысловых признаков различных явлений в процессе текстового развёртывания (например: *Жарко веет ветер душный. Солнце руки обожгло*).

При *отношениях контраста* происходит противопоставление одного или разных элементов воплощенного в тексте мира (сравним: *Возникают, стираются лица / Мил сегодня, а завтра далёк*). Данные виды отношений дополнения, усиления, контраста могут проявляться в рамках отдельных высказываний, блока высказываний и целого текста, играя важную роль в интерпретационной деятельности адресата.

Согласно нашей концепции, в процессе смыслового развёртывания текста в сознании адресата происходит актуализация различных *текстовых смысловых межсловных и внутрисловных парадигм, имеющих общие смысловые признаки разных рангов и уровней обобщения*. Данные парадигмы формируются на основе различных типов ассоциаций: стандартных и нестандартных, языковых, когнитивных, тематических, референтных и др. [2].

Таким образом, *теория смыслового развёртывания текста* связана с *теорией текстовых ассоциаций*. Такая же связь есть и с теорией регулятивности текста как еще одного направления коммуникативной стилистики. Смысловые текстовые парадигмы с точки зрения *теории регулятивности* рассматриваются в коммуникативной стилистике как регулятивные структуры разных типов (синонимического, антонимического, гипо-гиперонимического, референтного, тематического и других типов), характерные для конкретной системы текста, организованной авторским замыслом.

В русле теории смыслового развёртывания текста в коммуникативной стилистике текста написано много работ (в биобиблиографическом указателе по научному направлению, изданном в 2024 г. [7, с. 96–109], отмечена 101 работа ряда авторов: Е. А. Баклановой, В. В. Благова, Н. С. Болотновой, М. В. Бондарева, Ю. Е. Бочкаревой, С. М. Карпенко, А. В. Курьянович, Н. Г. Петровой, И. А. Пушкарёвой, А. В. Шutowой и др.).

По данному направлению коммуникативной стилистики защищено две кандидатские диссертации. Так, И. А. Пушкаревой [8] изучено взаимодействие текстовых смысловых лексических парадигм на материале лирики М. И. Цветаевой, выявлены их цепная и параллельная связи и соотношение с актуализированными в поэтических текстах концептами. В диссертации Е. А. Баклановой [9] рассмотрены имплицитные смыслы в рассказах В. Набокова, выявлены регулятивные средства актуализации идиостиля писателя на уровне автоимплицитов – текстовых структур разного типа, имеющих коммуникативный сигнал скрытой информации, описаны их типы.

Отдельные положения теории смыслового развёртывания текста используются в других работах по коммуникативной стилистике. В основном это труды, в которых смысловое развёртывание текстов разных видов и жанров (художественных (поэтических и прозаических)), медиатекстов, рекламных, эпистолярных, связывается с теорией регулятивности или текстовых ассоциаций (работы Ю. Е. Бочкарёвой, А. В. Болотнова, М. В. Бондарева, О. Л. Кабаниной и др.).

Иной подход к смысловому развёртыванию текста был реализован в русле выявления классификации *различных кодов* текстов разных типов: художественных, текстов нонсенса [10], медиатекстов [11, 12]. В частности, были выделены и описаны такие коды и ключи к ним в художественном тексте, как *языковой*, *предметный*, *сюжетно-композиционный*, *эмотивный*, *образный*, *коммуникативный*, *эстетический* [3, с. 55–56].

В медиатекстах рекламы О. В. Орловой [11, с. 130] выделен *манипулятивно-прагматический код*, обобщающий остальные коды рекламного текста. В медиатекстах разных жанров (см.: [12, с. 34–36]) с учетом их многоуровневой структуры нами выделен *языковой код*, *предметный* (лингвистически и (или) аудио или визуально материализованные, концептуально и коммуникативно обусловленные сигналы, актуализирующие различные реалии, их связи и отношения, отражающие описываемое событие (информационный повод); *образно-культурологический код* (система прагматически обусловленных сигналов культурной информации, формирующих образы в сознании адресата); *композиционный код* как система информативных сигналов, связанных с композиционным развёртыванием текста и монтажом его элементов разной природы (рисунков, фотографий, эмотиконов и т.д.); *коммуникативный код* – сигналы использованных авторов коммуникативных тактик, стратегий, ролей, отражающих авторскую интенцию; *эмотивный код* (система эмотем, формирующих эмоциональную тональность текста). Общий *смысловой код* может быть рассмотрен как обобщение различных информативных и прагматических сигналов, представленных в медиатексте.

Этот подход с опорой на изучение разных кодов текста с учетом его жанрово-стилистических особенностей представляется достаточно перспективным, учитывая расширение типологии различных информационных сигналов, включая многообразные иконические знаки в медиакommunikации.

Другим перспективным подходом в развитии теории смыслового развёртывания текста является, на наш взгляд, *изучение лингвокогнитивных механизмов текстового*

развертывания [13] с опорой на его лексическую структуру и выходом на особенности речемыслительной деятельности автора, «стоящего» за текстом. Например, выявление данных механизмов в различных поэтических текстах представляет интерес для анализа мировосприятия авторов и разных типов их поэтического мышления, начало изучения которого было положено еще И. Я. Чернухиной, которая высказывала гипотезы о *семном и семемном типах мышления* разных авторов [14].

Что касается исследования *лингвокогнитивных механизмов текстового развертывания*, в этом плане представляет интерес кандидатская диссертация О. Л. Кабаниной [15], которая определила контраст как регулятивную универсалию в творчестве М. И. Цветаевой и доказала, что этот тип смыслового развёртывания ее поэтических текстов не просто является доминирующим у автора, но и отражает особенность её мировидения в целом.

Так или иначе, текст с его сложным многоаспектным и многоуровневым устройством, как и личность автора, «стоящего» за текстом, содержат еще много загадок, стимулирующих поиск различных путей их декодирования, связанных с интерпретационной деятельностью адресата.

Список источников

1. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992. 313 с.
2. Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994. 212 с.
3. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста : словарь-тезаурус Томск, 2008. 384 с.
4. Баженова Е. А., Котюрова М. П. Смысловая структура (смысл) текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003. С. 388–392.
5. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие. 2-е изд., доп. Томск, 2006. 631 с.
6. Клычков Г. С., Шварц Е. Д. Семантические признаки: роль в текстообразовании // Семантические признаки и их реализация в тексте. Волгоград, 1986. С. 3–12.
7. Болотнова Н. С., Болотнов А. В., Карпенко С. М. Коммуникативная стилистика текста : биобиблиографический указатель по научному направлению. Томск, 2024. 274 с.
8. Пушкарева И. А. Смысловые лексические парадигмы в лирике М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999. 22 с.
9. Бакланова Е. А. Слово и имплицитный смысл в ранних рассказах В. В. Набокова (на материале сборника «Возвращение Чорба») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 30 с.
10. Болотнова Н. С. Смысловой код и коммуникативная стратегия текста (к методике анализа текста нонсенса) // Теоретические и прикладные аспекты филологии : сб. науч. тр., посвященный 10-летию кафедры русского языка и литературы Института языковой коммуникации Томского политехнического университета. Томск, 2004. С. 227–231.
11. Орлова О. В. Художественный и рекламный текст: принципы регулятивности // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2006. Вып. 5 (56). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 129–133.
12. Болотнова Н. С. Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста : учеб. пособие. Томск, 2015. 156 с.

13. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: лингвокогнитивные механизмы смысловой интерпретации поэтического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2021. Вып. 6 (218). С. 38–48. doi: 10.23951/1609-624X-2021-6-38-48

14. Чернухина И. Я. Поэтическое речевое мышление. Воронеж, 1983. 189 с.

15. Кабанина О. Л. Контраст как лексическая регулятивная универсалия в поэзии М. И. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 23 с.

**Методика анализа мегаконцепта «женщина» в поэтическом тексте
(к постановке вопроса)**

**Methodology for analyzing the megaconcept "woman" in a poetic text
(to the question)**

Надежда Владимировна Захарчевская
Nadezhda Vladimirovna Zakharchevskaya

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Научный руководитель: Алексей Владимирович Болотнов
Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
stylistica@tspu.ru

Scientific supervisor: Alexey Vladimirovich Bolotnov
Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia
stylistica@tspu.ru

Аннотация. Разрабатывается комплексная методика анализа мегаконцепта на материале поэзии Серебряного века. В качестве объекта исследования выступает мегаконцепт «женщина», определяемый как лингвокультурный тренд эпохи, аккумулирующий её философские, социальные и эстетические доминанты. На основе предшествующего опыта изучения функционирования мегаконцепта в разных видах дискурса предпринимается попытка создания пошаговой авторской методики изучения мегаконцепта, включающей в себя три этапа: реконструкция инвариантного ядра концепта; анализ индивидуально-авторской структуры мегаконцепта; коммуникативно-стилистический анализ дискурсивного функционирования мегаконцепта «женщина» в лирике изучаемого поэта.

Abstract. The article is devoted to the development of a comprehensive methodology for analyzing the megaconcept based on the poetry of the Silver Age. The object of research is the megaconcept "woman", defined as a linguistic and cultural trend of the era, accumulating its philosophical, social and aesthetic dominants. Based on previous experience in studying the functioning of a megaconcept in different types of discourse, an attempt is being made to create a step-by-step author's methodology for studying a megaconcept, which includes 3 stages: reconstruction of the invariant core of the concept; analysis of the individual author's structure of the megaconcept; communicative and stylistic analysis of the discursive functioning of the megaconcept "woman" in the lyrics of the poet under study.

Ключевые слова: мегаконцепт, лингвокультурный тренд, коммуникативная стилистика, поэтический дискурс, Серебряный век, методика анализа, архетип, лирическая героиня

Keywords: megaconcept, linguistic and cultural trend, communicative stylistics, poetic discourse, Silver Age, analysis methodology, archetype, lyrical heroine

Современная наука активно развивается в рамках антропоцентрической парадигмы, особую значимость представляют исследования, в качестве центрального объекта изучения и научного поиска которых становятся личность человека, его сознание, опыт, способы самовыражения. Филологические исследования – не исключение. Лингвистика становится наукой не только о четких языковых структурах и системах, а областью исследования, которая переходит на другой уровень, рассматривая взаимосвязь человека, языка и культуры.

При таком подходе требуется разработка специального инструментария, а следовательно, введение новых терминов и понятий, способных сочетать и описать многомерные связи между индивидуальным сознанием, культурным контекстом и языковым воплощением. Одним из таких терминов и понятий, приобретающих особую значимость в рамках лингвокультурологии, когнитивистики и коммуникативной стилистики текста, становится *мегаконцепт*. Под *мегаконцептом* нами понимается лингвокультурный тренд эпохи, который включает в себя «характерные для определенного времени повторяющиеся культурные феномены, выраженные в языке, формирующиеся под влиянием исторических, политических, социальных, философских и духовных особенностей в жизни общества» [1, с. 71].

На наш взгляд, комплексное изучение мегаконцепта особенно ярко можно продемонстрировать на материале поэтических текстов. Именно в лирических произведениях мегаконцепт проявляется через систему образов, концептов, ассоциаций и регулятивных средств. По замечанию М. М. Бахтина, слово – это комплексная, диалогичная единица, – это «не вещь, а вечно подвижная, вечно изменчивая среда диалогического общения. Она никогда не довлеет одному сознанию, одному голосу. Жизнь слова – в переходе из уст в уста, из одного контекста в другой контекст, от одного социального коллектива к другому, от одного поколения к другому поколению» [2, с. 119]. Поэтический текст, таким образом, аккумулирует в себе не только личный опыт автора, но и культурные коды, исторические контексты.

Ранее в современной лингвистике *мегаконцепт* рассматривался в работах многих ученых: Н. В. Орловой [3], Е. Г. Малышевой [4], Х. М. Кадачиевой [5], О. В. Шкуран [6], М. Н. Зыряновой [7], Е. С. Сидорова [8], А. Н. Матрусовой [9]. Сделаем акцент на некоторых предлагаемых исследователями методиках.

В диссертационном исследовании Н. В. Орловой *мегаконцепт* рассматривается как когнитивно-языковая структура, которая представляет собой системную организацию этических знаний и представлений в сознании носителей русского языка, отражаемую в разноуровневых средствах языка [3, с. 3–8]. Исследователь анализирует функционирование мегаконцепта «мораль/нравственность» в разных видах дискурса, уделяя особое внимание школьным сочинениям обучающихся младших и старших классов. По мнению Н. В. Орловой, методика «челночного» анализа позволяет осуществить «перевод с метаязыка семантического анализа на язык описания знаний и представлений... Язык описания знаний и представлений – это практически во всех случаях естественный русский язык» [3, с. 16].

Особый вклад в изучение понятия *мегаконцепт* внесла М. Н. Зырянова, чье диссертационное исследование посвящено изучению мегаконцепта «творчество» на материале стихотворений Д. А. Пригова. Под мегаконцептом М. Н. Зыряновой понимается «многомерное ментальное образование, формируемое достаточно разными по своей когнитивной природе компонентами: концептами, имеющими полевую структуру (“творец”, “результат творчества”), и концептом-фреймом (“процесс творчества”))» [7]. В связи с этим, по мнению исследователя, методика изучения содержания мегаконцепта заключается в описании «ряда соподчиненных (иерархизованных) концептов», поскольку «эта структура позволяет целенаправленно искать в художественном произведении (в данном случае поэтических текстах Пригова) репрезентанты каждого из концептов» [7, с. 60]. Методика лингвоконцептологического анализа, представленная М. Н. Зыряновой, отличается четкостью и обоснованностью. Концепция данной методики анализа мегаконцепта заключается в рассмотрении его как сложного, иерархизованного единства более простых ментальных единиц (концептов и фреймов), изучение которых осуществляется поэтапно: от инвариантных значений, закреплённых в общенациональном языке, к вариативным смыслам индивидуального авторского дискурса Д. А. Пригова.

Несмотря на теоретическую и практическую ценность существующих методик, дальнейшее развитие теории мегаконцепта видится нам перспективным в рамках коммуникативного подхода. Такой подход предполагает переход от анализа *мегаконцепта* как статичной когнитивной модели к его комплексному изучению в динамике, в качестве лингвокультурного тренда эпохи.

Как уже было отмечено А. В. Болотновым в работе «Коммуникативная стилистика: модель структуры концепта и ее отражение в тексте», при анализе концепта, воплощенного в тексте, «целесообразно учитывать не только систему представлений, понятий, эмоций личности автора о той или иной реальности <...>, но и отражение фрагмента общечеловеческого опыта и знания узусуальных культурно-языковых и стилистических особенностей текста, осознанно или неосознанно получающих отражение в содержании и средствах воплощения каждого концепта в тексте. В изучении этого важно опираться на теорию архетипов К. Г. Юнга и понятие концепта, в структуру которого логично включить архетип» [10, с. 83]. Важным инструментом становится предложенная исследователем структурная модель концепта, включающая ядерную, приядерную, предъядерную и периферийную зоны.

Опираясь на данную методику концептуального анализа, а также опыт других исследований функционирования мегаконцептов в разных видах дискурса, нами предлагается авторская методика изучения мегаконцепта «женщина» в поэтическом дискурсе. Её цель – комплексный анализ мегаконцепта «женщина» в поэзии Серебряного века на материале творчества М. И. Цветаевой и А. А. Ахматовой. Представим основные этапы исследования мегаконцепта согласно этой методике.

Первый этап. Реконструкция инвариантного ядра концепта. Цель данного этапа – выявить и описать устойчивый культурный слой мегаконцепта «женщина» в

России на рубеже XIX–XX вв. и определить его потенциальную связь с ключевыми событиями личной биографии М. И. Цветаевой и А. А. Ахматовой.

Рассматривая *мегаконцепт* как лингвокультурный тренд эпохи, важно сделать замечание, что он формируется на пересечении общего исторического контекста и индивидуального опыта поэта. Как отметил А. В. Болотнов, «в текстовой деятельности уникальное и универсальное, сознательное и бессознательное, связанные с коллективным и личностным опытом социума и отдельного человека, интегрируются, отражаясь осознанно и неосознанно в концептосфере создаваемых и воспринимаемых личностью текста» [10, с. 81]. Конкретизируем данный этап предложенной нами методики.

1.1. *Анализ социального дискурса эпохи.* Идеи женской эмансипации, концепция «новой женщины», смена гендерных ролей (образы курсистки, женщины-творца, «роковой» светской дамы).

1.2. *Изучение философско-эстетических трендов.* Культ Вечной Женственности у символистов (Вл. Соловьев), интерес к архетипам по Г. К. Юнгу (Анима, Мать, София), декадентские образы «*femme fatale*» и др.

1.3. *Привлечение исторического контекста.* Войны, революции, смена общественного строя, повлиявшие как на судьбу поэта, так и на судьбу всей страны.

1.4. *Привлечение биографических сведений.*

Второй этап. Анализ индивидуально-авторской структуры мегаконцепта. На данном этапе предполагается выявление иерархической организации и содержательного наполнения мегаконцепта «женщина» в поэтической системе поэта. Это предполагает:

2.1. *Выявление номинативного поля мегаконцепта.* Составление частотного списка лексем, репрезентирующих мегаконцепт.

2.2. *Выстраивание иерархии частных концептов, составляющих мегаконцепт «женщина».*

2.3. *Анализ ключевых концептов по модели, предложенной А. В. Болотновым:*

- Ядерная зона (архетип). Определение базового архетипа по теории архетипов Г. К. Юнга (Анима, Мать, София).

- Приядерная зона (образ-символ). Выявление устойчивых авторских образов.

- Предъядерная зона (понятие-деталь). Фиксация конкретных лексем и предметных деталей.

- Периферийная зона (интерпретация). Описание контекстуальных смыслов.

Третий этап. Коммуникативно-стилистический анализ дискурсивного функционирования мегаконцепта «женщина» в лирике изучаемого поэта.

3.1. *Анализ коммуникативного поведения лирической героини поэта.* Выявление типовых речевых тактик, стратегий и ролей лирической героини.

3.2. *Анализ регулятивных средств, с помощью которых поэт создает образ своей лирической героини.*

3.3. *Интертекстуальный анализ, направленный на «выявление межтекстовых ассоциативных связей и приёмов»* [11, с. 116].

Итогом последовательного анализа, состоящего из трёх этапов, станет целостное описание мегаконцепта «женщина» как динамического лингвокультурного тренда, раскрытого в единстве его культурного генезиса, индивидуально-авторской структуры и дискурсивного воплощения.

Список источников

1. Захарчевская Н. В., Болотнов А. В. Регулятивные средства и способы воплощения мегаконцепта «женщина» в лирике М. И. Цветаевой как отражение лингвокультурного тренда эпохи // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 69–77. URL: https://vestnik.tspu.ru/archive?year=2025&issue=4&article_id=9465&format=html (дата обращения: 02.01.2026).
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. Москва ; Augsburg : Im Werden Verlag, 2002. 333 с. URL: https://imwerden.de/pdf/bachtin_poetika_dostoevsky.pdf (дата обращения: 15.01.2026).
3. Орлова Н. М. Библейский текст как прецедентный феномен : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 44 с. URL: https://old.sgu.ru/sites/default/files/dissnews/old/synopsis/Orlova_0.pdf (дата обращения: 10.01.2026).
4. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования : дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2011. 403 с.
5. Кадачиева Х. М., Абдулкадырова Х. М. Ценностная концептосфера современных британских СМИ // Фундаментальные исследования. 2014. № 12 (часть 3). С. 635–639. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36166> (дата обращения: 10.01.2026).
6. Шкуран О. В. Мегаконцепт «подвиг» в русском языковом пространстве и его диахронический Срез // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой педагогической и научной деятельности проф. Галины Васильевны Звёздовой и приуроченной к её юбилею, Липецк, 21–22 марта 2017 г. Ч. 1. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского, 2017. С. 133–139.
7. Зырянова М. И. Особенности лингвокогнитивного исследования мегаконцепта «творчество» в художественной речи // Вестник ЧелГУ. 2010. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lingvokognitivnogo-issledovaniya-megakontsepta-tvorchestvo-v-hudozhestvennoy-rechi> (дата обращения: 11.01.2026).
8. Сидоров Е. С. «Свои» и «Чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья (на материале устных текстов конца XX – начала XXI века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2020. 23 с. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/146675?show=full> (дата обращения: 05.01.2026).
9. Матрусова А. Н. Любовь и разлука: судьба в концептосфере Булата Окуджавы (к 100-летию поэта) // Русский язык за рубежом. 2024. № 6 (307). С. 11–17. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=76868052> (дата обращения: 02.01.2026).
10. Болотнов А. В. Коммуникативная стилистика: модель структуры концепта и ее отражение в тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 80–88. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82354585_71280038.pdf (дата обращения: 02.01.2026).
11. Москвин В. П. Методика интертекстуального анализа // Известия ВГПУ. 2015. № 3 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-intertekstualnogo-analiza> (дата обращения: 05.01.2026).

Сетевая медиакommunikация: к изучению феномена

Network media communication: towards the study of the phenomenon

Алексей Владимирович Болотнов

Alexey Vladimirovich Bolotnov

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Аннотация. Уточняется понятие сетевой медиакommunikации. Рассмотрены различные подходы к ее изучению, представлен обзор разных точек зрения на данный феномен в соотношении с другими понятиями, определена перспектива его дальнейшего изучения. Акцентируется внимание на связи сетевой медиакommunikации с понятием *информационное поле*, рассматриваются его виды.

Abstract. This article clarifies the concept of network media communication, examines various approaches to its study, presents an overview of various perspectives on this phenomenon in relation to other concepts, and identifies prospects for its further study. The focus is on the connection between network media communication and the concept of an information field, and its types are considered.

Ключевые слова: сетевая медиакommunikация, медиасреда, социальные сети, социальные медиа, информационные поля: Глобальной сети, СМИ, языковой личности, текста

Keywords: network media communication, media environment, social networks, social media, information fields of the Global Network, media, linguistic personality, text

Сетевая медиакommunikация относится к числу особенно актуальных феноменов, имеющих междисциплинарный характер, отражающих глобальные процессы в современном мире и исключительно значимых в жизни каждого современного человека и общества в целом. Трудности в определении данного понятия связаны с его многоплановостью, с текучестью и динамикой, с появлением и формированием новых каналов связи и совершенствованием информационно-коммуникационных технологий, связанных с цифровым способом передачи информации и воздействия на массового адресата.

Медиакommunikация рассматривается нами как непрерывно развивающаяся, открытая, имеющая нелинейный характер многослойная сверхсложная структура *информационных полей* различных типов: Глобальной сети, СМИ, текстов, информационно-медийных личностей [1, с. 265]. Считаем, что сетевая коммуникация тесно связана с различными информационными полями [1, с. 263]: *информационным полем Глобальной сети*, рассматриваемой нами как «пространство Интернета, где существуют гипертексты и ссылки на информационные поводы, осуществляется многоаспектная дискурсивная медиакommunikация»; *информационным полем СМИ* как «единицы медиакommunikации, в структуру которой входит, во-первых, ньюсмейкер – носитель некоего имиджа, медиаперсона; во-вторых, информационная площадка (СМИ

или сайт, или информационное агентство)»; *информационным полем языковой личности*, определяемым как «пространство общения или индивидуальный дискурс, который складывается из дискурсивных практик в различных сферах коммуникации человека в процессе его профессиональной, творческой и личной жизни», куда «можно отнести репутацию и авторитет человека, цитируемость (публичность, известность) той или иной личности, вступающей в общение»; *информационным полем текста*, определяемым нами как «самозарождающаяся, иногда поддерживаемая и формируемая реакция на информационный повод <...> проекция текста на общественное сознание, отражает феномен существования текста, живущего своей самостоятельной жизнью, отдельно от автора и эпохи, как самостоятельная единица влияния») [1, с. 263]. В структурно-лингвистическом аспекте *медиасреда* предстает как огромное открытое, развивающееся гипертекстуальное пространство, характерное для современной сетевой медиакоммуникации.

Слово *сеть* определяется в толковом словаре как «1. Переплетение, изделие из закрепленных на равных промежутках, перекрещивающихся нитей, верёвок, проволоки. 2. перен. О множестве переплетенных, скрещенных черт, линий. 3. Система коммуникаций, расположенных на каком-н. пространстве. 4. Совокупность расположенных где-н. однородных учреждений, организаций» [2, с. 714]. В Русском ассоциативном словаре к числу ассоциаций на это слово-стимул, наряду с отражением в реакциях прямого значения слова (*рыба 13, электрическая 8, рыболовная 5, рыбацкая, с рыбой 3* и др.), отмечены: *агентов, дорог, ловушка, радио...2; агентурная, коммуникаций, компьютер, магазинов, несвобода, телефон, услуг, ЭВМ 1* [3, с. 584]. Таким образом, в языковом сознании носителей русской лингвокультуры *сеть* ассоциируется с идеей взаимосвязи между людьми, СМИ и социальными институтами.

Метафорический характер названия рассматриваемого феномена сетевой медиакоммуникации допускает его многоаспектное рассмотрение. Г. В. Градосельская отмечает: «Сеть выстраивается как система возможных переходов от одной реакции к другой. Сетевое рассмотрение процесса восприятия и обучения позволяет его дискретизировать и выявлять его основные принципы. В литературе этот подход носит название “нейронные сети”; его особенность в том, что он иллюстрирует процесс, а не статические величины» [4, с. 7].

Сетевая медиакоммуникация связана с понятиями «социальные сети» и «социальные медиа», играющими исключительно важную роль в общении и жизнедеятельности современного человека. Е. Пак предлагает так рассматривать это соотношение, отмечая сложность границ между данными понятиями: «Социальные сети представляют собой формы технических коммуникаций, предназначенных для организации социальных взаимоотношений и взаимодействий, визуализацией которых являются социальные графы, а за счет интернет-технологии они получили актуальное звучание и значение. Сегодня к социальным сетям можно отнести и блог-платформы, и видео- и фотохостинги, а также сервисы, выполняющие функции социальных сетей...» [5, с. 86]. Социальные сети включают неформальное общение, возможное продвижение

участниками разных видов деятельности, включая воздействие на аудиторию. Согласимся с исследователем, который утверждает: «Сегодня социальные сети представляют собой социально-инновационный феномен» [5, с. 87].

Современные сетевые СМИ (новые медиа), представленные в социальных сетях, меняют свой формат, приспосабливаясь к новым условиям, желая сохранить свою потенциальную аудиторию: «Они не только объединяют людей со схожими интересами или деятельностью, но и образуют непрерывный поток медиавещательных диалогов» [5, с. 87]. На терминологическую неопределенность понятия «сетевые медиа (Интернет-СМИ)» указывает С. Г. Корконосенко [6, с. 405]. Ученый считает: «Сетевые, Интернет, онлайн – все это характеристики цифровых технологических платформ, с помощью которых осуществляется массовая коммуникация» [6, с. 405]. «Терминологическую нестрогость» ученый относит и к понятию *социальные сети*, или *социальные сетевые медиа*, и к понятию *сетевые медиа* [6, с. 06], отмечая, что социальные сети – «ресурсы, созданные, как правило, для неофициального общения на основе групповых интересов или для обмена личной информацией» [6, с. 406]. «“Медиа” относится к широкой совокупности технологических средств коммуникации. “СМИ” понимаются как формы периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием, т.е. это весьма ограниченный круг медиа» [6, с. 406]. Сюда включаются печатные издания, теле- и радиоканалы, программы, сетевые издания.

А. Асташкин, отмечая полифункциональность информационных площадок, предлагает классификацию социальных медиа, выделяя: 1) ресурсы, ориентированные на общение (социальные сети, блоги, сайты отзывов и знакомств, а также приложения и сайты, связанные с геокоммуникациями...); 2) ресурсы для совместного редактирования информации (например, «Википедия»); 3) мультимедийные социальные медиа (порталы с возможностью обмена мультимедийными файлами и их комментирование) [7, с. 202]. Исследователь особо подчеркивает роль мессенджеров: «Телеграм берет на себя медийную и форумную роль – набирают силы каналы от СМИ и блогеров, публичные чаты в активных целевых группах» [7, с. 203].

Остановимся на основных подходах к изучению сетевой медиакommunikации в современных условиях, обобщая некоторые работы исследователей.

1. *Социологический подход*. На роль сетевых измерений в социологии обращает внимание Г. В. Градосельская [4], подчеркивая значимость сетевого подхода для решения социально-экономических, политических, исторических и других задач с учетом характера информации, носителей информации, единиц анализа.

2. *Политологический подход* к сетевой медиакommunikации в Рунете освещает С. С. Малиновский [8], рассматривая данную площадку как «пространство активной циркуляции разностороннего контента и потенциально политически активных индивидов» [8, с. 167]. Вместе с тем исследователи отмечают, что «обсуждение актуальных общественно-политических вопросов в блогах, форумах, социальных сетях осуществляется активными пользователями, в то время как остальная масса не стре-

мится быть рефлексирующей общественностью и присоединяется к “разговору” в качестве невидимых участников, занимая знакомую позицию пассивного «зрителя»» [9, с. 120].

3. *Социокультурный и культурологический подходы* раскрыты в работе Т. В. Черепановой [9], которая определяет современные медиа как «сущностную составляющую не только коммуникативных механизмов, но и социокультурной реальности в целом» [9, с. 117–118]. Автор рассматривает функционирование современных систем как гипертекст, «где медийным субъектом может стать, даже сам того не предполагая, любой индивид», а трактовка медиа в значении «средства и инструмента» или его ассоциирование только с институализованными СМИ, по мнению исследователя, однозначно представляются недостаточными [9, с. 117–118]. При этом справедливо отмечается, что «в современной медиасреде утрачиваются классические культурные практики, необходимые для ее реализации» [9, с. 118].

4. *Персонологический подход* к сетевой медиакommunikации является особенно распространенным и популярным. Так, Т. В. Черепанова отмечает: «Потребность размещать в блогах и социальных сетях актуальную информацию, фото- и видеоматериал превращает в журналиста каждого интернет-пользователя» [9, с. 118]. О новых тенденциях в сетевой медиакommunikации можно судить по другим наблюдениям некоторых ученых. Так, В. Перевалов считает: «Можно смело утверждать, что есть потенциальная возможность получения и агрегатирования по персональным запросам актуальной информации от миллионов источников на бесконечно большое количество гаджетов и их мгновенного переформатирования в зависимости от условий поглощения принятой массовой информации» [10, с. 32], пишет об «индивидуализированных браузерах» и «технологии персональных облаков» [10, с. 34].

5. *Образовательно-методологический подход* к сетевой медиакommunikации рассмотрен Е. В. Ахмадулиным [11], который разработал программу сетевой модели преемственности дошкольных учреждений и начальной школы города Перми, описал «характеристики сетевой культуры и сетевого поведения, цифровых инструментов сетевого взаимодействия и повышения квалификации...», виды цифрового образовательного контента [11, с. 2]. Р. Мелешевич также пишет об эпохе перемен в медиаобразовании и необходимости использования различных платформ в связи с активным погружением в медиасреду [12].

6. *Коммуникативно-управленческий и корпоративный подходы* к сетевой коммуникации нашли отражение в сборнике статей «Корпоративные стратегические коммуникации» [13]. Авторы статей, например, описали городское публичное пространство как коммуникативную площадку [14, с. 14–35], использование мемов на белорусском рынке в коммуникации для продвижения товаров [15, с. 195–204], мультимедийные технологии в организации провокативного медийно-рекламного дискурса [16, с. 285–288], городские интернет-порталы в России [17, с. 118–122] и т.д.

7. *Лингвистический и коммуникативно-когнитивный подходы* к сетевой медиакommunikации относятся к числу особенно активно разрабатываемых в современной русистике. Сравним лишь некоторые публикации: [18–20]. Ученые анализируют

лингвокогнитивные, лингвоперсонологические, дискурсивные аспекты медиакommunikации, рассматривают обыденную политическую, педагогическую, студенческую медиакommunikации, отдельные речевые жанры, отмечают рост речевой агрессии и т.д.

8. *Мультимедийный подход в журналистике*. О необходимости трансформации в журналистике в связи с цифровой реальностью в подготовке журналистов пишет, например, М. Вальковский: «Всестороннее осмысление цифровой трансформации медиа представляется актуальной исследовательской задачей в аспекте переосмысления эмпирического опыта и практического обоснования новых подходов к подготовке студентов журфака» [21, с. 5].

Описанные подходы к сетевой коммуникации можно разрабатывать с опорой на отмеченные выше различные типы информационных полей: *социологический, политологический, коммуникативно-управленческий и корпоративный подходы* к сетевой медиакommunikации – в рамках информационного поля Глобальной сети Интернет; *социокультурный и культурологический подходы* – в рамках не только информационного поля Глобальной сети, но и информационных полей СМИ и языковых личностей; *персонологический, лингвистический и коммуникативно-когнитивный подходы* – в рамках информационных полей СМИ и языковых личностей.

Опора на данные виды информационных полей, включая их особенности, структуру, форму выражения и содержание, в перспективе позволит детальнее разработать методологию изучения сетевой медиакommunikации с учетом новых подходов, целей и задач исследователя.

Список источников

1. Болотнов А. В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности. Томск : Томский ЦНТИ, 2015. 274 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
3. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции / Ю. К. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М. : Астрель: АСТ, 2002. 784 с.
4. Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии : учеб. пособие / под ред. Г. С. Батыгина. М. : Новый учебник, 2004. 248 с.
5. Пак Е. Место и роль социальных сетевых медиа в деятельности СМИ // Мультимедийная журналистика: медиакommunikации и медиаиндустрия : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1 марта 2019 г. / О. М. Самусевич (отв. ред.) [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Федотовой. Минск : БГУ, 2019. С. 85–88. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/217217/1/> (дата обращения: 12.03.2026).
6. Корконосенко С. Г. Сетевые медиа (ИНТЕРНЕТ-СМИ) // Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. М. : Флинта, 2018. С. 405–407.
7. Асташкин А. Тенденции развития социальных медиа // Мультимедийная журналистика: медиакommunikации и медиаиндустрия : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1 марта 2019 г. / редкол.: О. М. Самусевич (отв. ред.) [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Федотовой. Минск : БГУ, 2019. С. 200–204. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/217217/1/> (дата обращения: 10.03.2026).
8. Малиновский С. С. Политическая коммуникация в РУНЕТЕ как фактор российского политического процесса : дис. ... канд. полит. наук. М., 2013. 195 с.

9. Черепанова Т. В. Влияние медиакommunikаций на трансформацию публичной сферы в современной культуре : дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2014. 142 с.

10. Перевалов В. СМИ XXI века: от massmedia к singlemedia // Мультимедийная журналистика: медиакommunikации и медиаиндустрия : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1 марта 2019 г. / О. М. Самусевич (отв. ред.) [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Федотовой. Минск : БГУ, 2019. С. 31–35. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/217217/1/> (дата обращения: 12.03.2026).

11. Ахмадулин Е. В. Методология и методы исследования журналистики и медиакommunikаций. Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2023. Электрон. текстовые дан. (1 файл: 1,76 Мб). 1 электрон. опт. диск (CD-R). 126 с.

12. Мелешевич Р. Медиаконвергенция и образование: эпоха перемен // Мультимедийная журналистика: медиакommunikации и медиаиндустрия : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1 марта 2019 г. / О. М. Самусевич (отв. ред.) [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Федотовой. Минск : БГУ, 2019. С. 173–179. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/217217/1/> (дата обращения: 10.03.2026).

13. Корпоративные стратегические коммуникации : сб. науч. ст. / редкол. : С. В. Дубовик (отв. ред.) [и др.]. Вып. 3. Минск : БГУ, 2018. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/191978/1> (дата обращения: 03.03.2026).

14. Лебедева Е. В. Городское публичное пространство как коммуникативная площадка // Корпоративные стратегические коммуникации : сб. науч. ст. / редкол. : С. В. Дубовик (отв. ред.) [и др.]. Вып. 3. Минск : БГУ, 2018. С. 14–35. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/191978/1> (дата обращения: 03.03.2026).

15. Царева А. В., Шибут И. П. Инновационные форматы сетевой коммуникации // Корпоративные стратегические коммуникации : сб. науч. ст. / редкол. : С. В. Дубовик (отв. ред.) [и др.]. Вып. 3. Минск : БГУ, 2018. С. 195–204. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/191978/1> (дата обращения: 03.03.2026).

16. Ежов И. Мультимедийные технологии в организации провокативного медийно-рекламного дискурса // Мультимедийная журналистика: медиакommunikации и медиаиндустрия : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1 марта 2019 г. / редкол.: О. М. Самусевич (отв. ред.) [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Федотовой. Минск : БГУ, 2019. С. 285–288. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/217217/1/> (дата обращения: 10.03.2026).

17. Войтик Е. Городские новостные интернет-порталы в России: современный теоретический аспект // Мультимедийная журналистика: медиакommunikации и медиаиндустрия : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1 марта 2019 г. / редкол.: О. М. Самусевич (отв. ред.) [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Федотовой. Минск : БГУ, 2019. С. 118–122. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/217217/1/> (дата обращения: 10.03.2026).

18. Трофимова Г. Н., Барабаш В. В. Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакommunikации). М. : РУДН, 2020. 273 с.

19. Обыденная коммуникация: дискурсы, аксиология, жанры / под науч. ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. Барнаул : АлтГПУ, 2021. 238 с.

20. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ. Т. III: Лингвоконфликтологический аспект / науч. ред. Н. Д. Голев ; отв. ред. Е. В. Новгородова. Кемерово, 2022. 384 с.

21. Вальковский М. Цифровая медиареальность и трансформация журналистики // Мультимедийная журналистика: медиакommunikации и медиаиндустрия : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1 марта 2019 г. / редкол.: О. М. Самусевич (отв. ред.) [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Федотовой. Минск : БГУ, 2019. С. 3–7. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/217217/1/> (дата обращения: 10.03.2026).

**Граница между человеком и искусственным интеллектом:
лингвостилистические маркеры ученического
и сгенерированного текстов**

**The boundary between human and artificial intelligence:
linguostylistic markers of student and generated texts**

Антон Анатольевич Каширин^{1, 2}, Ольга Андреевна Лахтина²

Anton Anatolyevich Kashirin^{1, 2}, Olga Andreevna Lakhtina²

¹ Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

² Средняя общеобразовательная школа № 40, Томск, Россия

Secondary School No. 40, Tomsk, Russia

Аннотация. Представлены результаты сопоставительного анализа итоговых сочинений выпускников 11-х классов и текстов, сгенерированных нейросетями. Выявлены устойчивые лингвостилистические маркеры: машинные тексты отличаются сверхнормативной гладкостью и формальным совершенством, но уступают ученическим в личностном начале, оригинальности интерпретаций и выразительности. Установлено, что критерий грамотности малоэффективен для идентификации авторства; более чувствительными являются параметры качества речи и нестандартности мысли. Предложены методические рекомендации для развития у школьников навыков личностного высказывания в цифровую эпоху.

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of final essays of graduates and texts generated by neural networks. Stable linguostylistic markers are identified: machine texts are characterized by supernormative smoothness and formal perfection, but are inferior to student essays in personal expression, originality of interpretations and expressiveness. It is established that the literacy criterion is ineffective for authorship identification; the parameters of speech quality and non-standard thinking are more sensitive. Methodological recommendations for developing students' skills of personal expression in the digital age are proposed.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, итоговое сочинение, лингвостилистический анализ, «живой» текст, «машинный» текст, идентификация авторства

Keywords: artificial intelligence, neural network, final essay, linguostylistic analysis, "live" text, "machine" text, authorship identification

В условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни особую актуальность приобретает вопрос о месте и роли искусственного интеллекта (ИИ) в образовательной практике. Нейросетевые модели последнего поколения продемонстрировали способность генерировать тексты, которые по формальным параметрам нередко превосходят работы, создаваемые обучающимися. Эта реальность ставит перед педагогическим сообществом и исследователями языка целый комплекс проблем.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, с одной стороны, широким проникновением инструментов ИИ в школьную практику и, как следствие, обеспеченностью учителей возможностью использования нейросетей для автоматического выполнения творческих работ (см., например: [1]). С другой стороны, исследовательский интерес связан с необходимостью переосмысления понятия «авторство» в цифровую эпоху, а также с поиском объективных параметров, позволяющих разграничивать тексты, порождённые человеком, и тексты, созданные ИИ. В современной русистике, особенно в рамках коммуникативной стилистики текста [2], медиалингвистики [3] и лингвоперсонологии [4], всё более востребованными становятся исследования, ориентированные на анализ текстовой деятельности языковой личности в условиях новых информационных реалий.

В задачи статьи входит описание сопоставительного анализа итоговых сочинений выпускников 11-х классов и текстов, сгенерированных нейросетевыми инструментами, на ту же тему.

Цель исследования – выявить устойчивые лингвостилистические и содержательные различия между ученическими сочинениями и текстами, сгенерированными нейросетями, определить маркеры «живого» и «машинного» текста, а также оценить эффективность официальных критериев оценивания для дифференциации этих двух типов текстов.

Эмпирическую базу исследования составили итоговые сочинения обучающихся 11-х классов МАОУ СОШ № 40 г. Томска, выполненные в декабре 2025 г. в рамках обязательного экзаменационного испытания. Общая численность генеральной совокупности – 84 работы (48 девушек, 36 юношей). Все сочинения были проверены экспертами в соответствии с официальными критериями оценивания, утверждёнными для организаций, реализующих образовательные программы среднего общего образования (обязательные требования к объёму и самостоятельности написания; критерии № 1–5: 1) соответствие теме (обязательный критерий), 2) аргументация с привлечением литературного материала (обязательный критерий), 3) композиция и логика рассуждения, 4) качество письменной речи, 5) грамотность).

Для анализа выбраны сочинения, написанные на тему «Светлые и трагические стороны любви». Из шести предложенных тем выбрали эту тему 63 обучающихся (35 девушек, 28 юношей). Внутри этой группы 32 работы получили зачёт по всем пяти критериям, а 31 сочинение было оценено как «зачёт» при условии, что критерии 3–5 были выполнены частично.

Далее была сформирована репрезентативная выборка из 15 сочинений, отражающая разнообразие качества работ. Выборка включает восемь работ с полным зачётом по всем критериям и семь с частичным выполнением критериев 3–5.

Параллельно с ученическими сочинениями был сформирован корпус текстов, сгенерированных нейросетями. Использованы три наиболее доступные модели: DeepSeek, YandexGPT, GigaChat. Каждая модель получила одинаковые промпты на тему «Светлые и трагические стороны любви». Были использованы два типа промптов: промпт А – нейтральный академический («Напишите итоговое сочинение на

тому... Используйте литературные примеры») и промпт Б с установкой на имитацию школьного стиля («Напишите сочинение от лица ученика 11 класса. Допустимы просторечия, личные оценки, небольшая стилистическая небрежность»). Всего было сгенерировано шесть текстов (по одному академическому и одному «школьному» варианту от каждой модели).

Инструментарий анализа включал три уровня. Первый уровень – проверка по официальным критериям оценивания итогового сочинения. При этом акцент в сравнительном анализе переносился на содержательные параметры и качественные характеристики. Второй уровень – количественные параметры: лексическое разнообразие (уникальные слова / общее число слов), средняя длина предложения, доля сложных предложений. Третий уровень – качественные параметры: наличие личностного начала (присутствие «Я-автора», личной оценки, эмоций), следование шаблону / оригинальность (степень соответствия стандартной композиционной схеме «тезис – аргументы – вывод», наличие нестандартных композиционных или стилистических решений), типичные стилистические и логические особенности.

Анализ 15 ученических сочинений показал, что основные трудности у обучающихся связаны с композиционно-логической стройностью (критерий № 3), качеством речи (№ 4) и грамотностью (№ 5). В группе с частичным выполнением критериев 3–5 наиболее частотными недочётами стали: нарушение логики, бедность лексики, речевые штампы, фактические ошибки. Так, в одном из сочинений зафиксирована сбивчивая логика: *«Их любовь, которая поначалу была прекрасной и весёлой, привела к ужасной для обоих людей судьбе. <...> Любовь и правда имеет светлые и трагические стороны. Ни один человек не застрахован от трудностей жизни и любви»*. В отдельных работах наблюдаются искажения лексем, встречаются фактические ошибки при упоминании персонажей и обращении к пересказу произведений (ср.: *«Николай решил замаскировать пятно под деревья»* – о рассказе А. И. Куприна «Куст сирени»).

При этом в сильных ученических сочинениях отмечаются высокие показатели лексического разнообразия, развёрнутые метафоры, оригинальные интерпретации. Автор одной из работ использует выразительный образ: *«Любовь бывает разной, иногда она согревает сердце, разливаясь по нему реками радости и тепла, а иногда рвёт душу в клочья и уничтожает всё хорошее на своём пути»*. Другая обучающаяся демонстрирует нестандартный подход, иллюстрируя трагическую сторону любви через образ Швабрина в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина: *«Настойчивость и упрямость может разорвать все взаимоотношения, которые до этого связывали людей»*. Анализируя новеллу О. Генри «Дары волхвов», ещё одна обучающаяся формулирует вывод: *«Автор показывает, что сильная любовь во многом может проявляться трагично или побуждать совершать поступки во вред себе, но в конце концов все эти жертвы становятся абсолютно оправданы»*.

Количественные показатели ученических работ различаются в зависимости от группы. Обучающиеся с полным зачётом демонстрируют средний уровень лексического разнообразия – коэффициент 0,52, среднюю длину предложения 12,3 слова и

долю сложных предложений 38 %. В группе с частичным зачётом эти показатели ниже: меньшее лексическое разнообразие – 0,44, длина предложения – 9,8 слова, доля сложных конструкций – 24 %.

Все шесть машинных текстов продемонстрировали абсолютную формальную правильность: ни в одном из них не зафиксировано орфографических, пунктуационных или грамматических нарушений. Даже в текстах, сгенерированных по промпту с установкой на имитацию школьного стиля, нейросети не воспроизводят естественных для обучающихся ошибок, сохраняя «сверхнормативную гладкость».

Академические тексты (промпт А) от всех трёх нейросетей получили высокую оценку по формально-языковым и содержательным параметрам. Отмечен высокий уровень лексического разнообразия – 0,71, средняя длина предложения – 16,5 слова, доля сложных предложений – 62 %. Однако личностное начало в них практически отсутствует: нет местоимения «я», нет личных оценок, текст строится как безличное, объективное рассуждение. При этом глубина аргументации достаточно высока. DeepSeek в анализе «Гранатового браслета» А. И. Куприна отмечает: *«Трагедия героя оказывается светлой: она пробуждает в душе княгини способность к глубокому сопереживанию»*. GigaChat даёт обобщающий вывод: *«Однако именно в этой двойственности заключается её подлинная сила: любовь возвышает человека, учит состраданию и самопожертвованию»*.

Тексты, сгенерированные по промпту Б (имитация школьного стиля), сохраняют высокие формальные показатели: высокий уровень лексического разнообразия – 0,68, средняя длина предложения – 14,2 слова, доля сложных предложений – 48 %. Однако они успешно имитируют личностное начало за счёт обилия «Я-автора», восклицаний и риторических вопросов. DeepSeek использует яркие эмоциональные конструкции: (ср.: *«Читаешь и просто в шоке от того, как сильно можно любить!»*; *«Это же ужасно: когда чувство не просто безответное, а ещё и осуждается обществом»*). YandexGPT активно вводит личное мнение: *«Я думаю, что любовь – это как огонь. Она может согреть, осветить путь, а может и сжечь дотла»*. GigaChat также использует личную оценку: *«Мне его очень жаль, ведь такая любовь приносит не только свет, но и огромную боль»*.

Характер аргументации в академических текстах более аналитичен, в имитирующих – эмоциональная оценка нередко замещает анализ. Тем не менее все машинные тексты сохраняют идеальную композиционную стройность, строго следуя схеме «тезис – аргумент 1 – аргумент 2 – вывод».

Сравнение количественных параметров показывает, что ученические сочинения с полным зачётом уступают ИИ-текстам по всем формальным показателям. Наиболее заметное различие – синтаксическая сложность: ИИ-тексты используют значительно более развёрнутые конструкции, часто с несколькими придаточными частями, тогда как обучающиеся, даже сильные, тяготеют к более простому синтаксису.

Сопоставление по официальным критериям выявило следующие закономерности. По критерию № 1 «Соответствие теме» обе группы получают зачёт, однако в ученических работах иногда наблюдается уход в общие рассуждения, в машинных –

точное следование формулировке. По критерию № 2 «Аргументация» обучающиеся сильной группы используют литературный материал с элементами анализа. Так, в одном из сочинений автор выходит на уровень метарефлексии: *«Любовь сама по себе является и силой и слабостью, она вдохновляет и радует, но делает человека беззащитным и уязвимым»*. Такие обобщения отсутствуют в ИИ-текстах, где выводы носят более стандартный и универсальный характер.

По критерию № 3 «Композиция и логика» ученические работы сохраняют трёхчастную структуру, но внутри аргументов возможны сбои. ИИ-тексты демонстрируют идеальную композиционную стройность. По критерию № 4 «Качество письменной речи» сильные ученики используют разнообразную лексику и выразительные средства, включая нестандартные метафоры. ИИ-тексты также богаты лексически, но их образность часто носит клишированный характер. Так, YandexGPT (промпт А) и DeepSeek (промпт А) начинают сочинение аналогичными стандартными оборотами (ср.: *«Любовь – одно из самых сильных и противоречивых чувств»*; *«Любовь – это, пожалуй, самое противоречивое из человеческих чувств»*).

Наиболее сложным для идентификации оказывается сопоставление сильных ученических сочинений с ИИ-текстами, созданными по промпту «в стиле школьника». В этих ученических работах формальные показатели приближаются к машинным, но сохраняются маркеры «живого» текста: оригинальные интерпретации (например, рассуждение о Швабрине), индивидуальные метафоры, естественная синтаксическая небрежность (незавершённые конструкции, речевые повторы). Напротив, ИИ-тексты, даже имитирующие школьный стиль, выдаются отсутствием естественных стилистических погрешностей – при использовании разговорных оборотов они сохраняют синтаксическую и стилистическую гладкость, не свойственную речи обучающихся.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что нейросети демонстрируют высокий уровень формальной правильности и структурной стройности, но уступают ученическим работам в личностной составляющей и глубине анализа. Однако выявленные различия имеют более сложную природу, чем простое противопоставление «живого» и «машинного».

Нейросети «выигрывают» по формальным параметрам, поскольку обучаются на больших массивах образцовых текстов, что позволяет им усваивать нормы языка и композиционные схемы на уровне, недоступном среднестатистическому обучающемуся. Однако эта же особенность приводит к тому, что их тексты лишены индивидуальных черт, свойственных человеческому письму.

Официальные критерии оценивания успешно выявляют формальные недостатки, но не всегда фиксируют отсутствие «живого» авторского голоса. В частности, критерий грамотности оказывается недостаточным для идентификации машинного текста, поскольку нейросети пишут безошибочно. Более чувствительными оказываются параметры, связанные с качеством письменной речи и оригинальностью мысли.

Проблема идентификации авторства в эпоху ИИ требует пересмотра подходов к оцениванию. Объективные маркеры (сверхнормативная гладкость, клишированность) могут быть использованы, но их устойчивость при разных промптах и моделях ИИ нуждается в дальнейшем изучении. Особую сложность представляют случаи, когда ученик пишет «как машина» (слишком правильно, но без души), а нейросеть имитирует живой стиль.

Полученные результаты позволяют предложить следующие методические рекомендации для учителей.

Во-первых, включать в уроки задания на анализ и редактирование текстов, сгенерированных нейросетями. Сравнение разных версий, поиск логических и фактических ошибок, сопоставление с ученическими работами помогут обучающимся осознать специфику «машинного» письма и выработать навыки критического восприятия информации. Например, можно предложить сравнить академический текст DeepSeek (промпт А) с имитирующим DeepSeek (промпт Б) и обсудить, почему первый кажется более «правильным», но менее живым.

Во-вторых, развивать у школьников умение аргументировать личную позицию, избегать клише, привлекать нетривиальный литературный материал. Именно эти навыки остаются недоступными для ИИ и составляют главную ценность ученического текста.

Перспектива дальнейшего исследования связана с расширением выборки, анализом других жанров школьных текстов, а также с совершенствованием методологической базы.

Список источников

1. Русланова К. К., Напреенко Г. В. Речевой портрет нейросети (на материале сочинения, сгенерированного чат-ботом ChatGPT) // Лингвистика и вызовы современной парадигмы общественных отношений: междисциплинарное, межкультурное, межъязыковое взаимодействие : материалы междунар. форума. Воронеж, 2025. С. 251–273.
2. Болотнова Н. С., Болотнов А. В. Медиадискурс ученого в интервью как отражение идиостиля языковой личности // Теория медиа и медиалингвистика: научно-исследовательские подходы, достижения, перспективы : сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2025. С. 168–170.
3. Дускаева Л. Р. Речевая репрезентация эмотивности в постах научно-популярных телеграм-каналов // Медиалингвистика. 2025. Т. 12, № 4. С. 526–547.
4. Голев Н. Д., Мельникова В. С. О роли искусственного интеллекта в научных исследованиях (на примере использования текстовгенеративных возможностей нейросетей в сфере юрислингвистики) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 518. С. 15–23.

Раздел III. Дискурсивные практики языковой личности в коммуникативно-когнитивных аспектах

УДК 81'373

Модели свернутого общения персонажей в диалогическом фрагменте художественного текста

Models of condensed communication between characters in a dialogical text fragments

Наталья Валерьяновна Изотова

Natalya Valeryanovna Izotova

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. В художественном тексте общение персонажей представлено диалогическим фрагментом текста, включающим персонажную речь, авторскую речь, которые имеют разное графическое оформление. Модель диалога в художественной прозе проецируется на естественное речевое общение, сохраняя основные признаки устного общения. В письменном оформлении диалог персонажей может трансформироваться в связи с возможностью представления реплик персонажей разными формами чужой речи, внутренней речью, содержанием авторской речи, включающей элементы персонажной речи. В восприятии читателя смысловое единство диалога персонажей сохраняется.

Abstract. The character communication is represented by a dialogical text fragment, including character speech and the author's speech, which have different graphic representations. The dialogue model in fiction is projected onto natural communication, preserving the major characteristics of oral communication. In written form characters' dialogue can be transformed in relation to the possibility of representing characters' lines through various forms of other's speech, internal speech, and the content of the author's speech, which includes elements of character speech. In the reader's perception characters' dialogue preserves the semantic unity.

Ключевые слова: диалогический фрагмент текста, персонажная речь, авторская речь, модель диалога, свернутое общение

Keywords: dialogical text fragment, characters' speech, author's speech, dialogue model, condensed communication

Общение персонажей художественного произведения, как правило, представлено диалогическим фрагментом текста, в котором должны найти отражение признаки, необходимые для формирования в сознании читателя модели естественного

общения, организуемой в произведении сочетанием персонажной речи (реплики персонажей) и авторской речи. Авторская речь в диалогическом фрагменте текста может включать: ремарочный компонент, в котором обозначен субъект речи и глагол говорения, вводящий реплику; ситуативные компоненты; различные комментарии, необходимые с точки зрения автора произведения для создания полноценной ситуации общения. В художественном произведении компоненты диалогического фрагмента имеют графические показатели, позволяющие читателю «увидеть» процесс общения персонажей в письменном тексте. Основными графическими показателями являются: тире, обозначающее начало реплик персонажей; отделение речи персонажа с помощью тире от ремарки при её постпозиции; расположение реплики при смене говорящего с новой строки на вертикальном уровне расположения единиц диалога. Содержащий персонажную и авторскую речь диалогический фрагмент текста, представляющий в форме прямой речи реплики персонажей и формирующий смысловое целое, позволяет создать максимально приближенную модель устного общения, проецирующуюся на читательский опыт коммуникации.

На отражение устной разговорной речи в художественном тексте обращали внимание многие исследователи, уделяя внимание вопросам представления персонажной речи и ее сходству с особенностями устной разговорной речи, специфике введения прямой речи автором, особенностям формирования диалогических структур в художественном тексте [1–5]. Писатель в прозаических произведениях имеет возможность с помощью соединения персонажной и авторской речи сформировать общение персонажей, которое будет в наибольшей степени соотноситься с представлением читателя о модели общения в естественной ситуации. При этом речь персонажа должна быть оформлена как прямая речь, поскольку именно эта форма речи позволяет в письменном тексте передать имеющиеся особенности устной разговорной речи разного уровня, которые выбирает писатель согласно имеющейся у него задаче.

Общение персонажей в письменной форме может быть свернуто, сокращено без ущерба для смысла, что связано с передачей речи персонажей разными формами речи, включением содержания речи персонажа в авторскую речь, включением в диалогический фрагмент реплики в форме внутренней речи. Замена прямой речи свидетельствует о сворачивании модели естественного общения с сохранением содержания, что возможно в письменном тексте. Персонажная речь может быть свернута в авторском компоненте диалогического фрагмента текста до представления речи одного персонажа глаголом говорения. Содержание таким образом оформленной писателем реплики раскрывается в содержании реплики другого персонажа. Сокращенная до глагола говорения реплика и традиционно оформленная реплика в форме прямой речи являются компонентами диалогического фрагмента текста.

«Перед уходом Сашина мать подходит к бабушке и, краснея, **шепчет** ему что-то на ухо.

– Не дам! – бормочет бабушка, хмуря брови и шамкая губами. – Ни копейки не дам! Пусть отец достает ей на башмаки в своих трактирах, а я ни копейки... Будет

вас баловать! Вам благодетельствуешь, а от вас кроме дерзких писем ничего не видишь. Чай, знаешь, какое письмо прислал мне намердни твой муженек... “Скорей, пишет, по трактирам буду шататься да крохи подбирать, чем перед Плюшкиным унижаться...” А? Это отцу-то родному!

– Но вы его простите, – просит Сашина мать. – Он так несчастен, так нервен...

Долго **просит** она. Наконец, дедушка гневно плюет, открывает сундучок и, загораживая его всем туловищем, достает оттуда желтую, сильно помятую бумажку... Женщина берет двумя пальцами бумажку и, словно боясь опачкаться, быстро сует ее в карман...» [6, с. 92–93].

Диалог персонажей в приведенном фрагменте состоит из четырех произнесенных реплик, из которых только две оформлены прямой речью. Другие две реплики женщины представлены в авторской речи только глаголами говорения: «шептать» с одновременным указанием на особенность негромкости произнесения и глаголом «просить», подчеркивающим необходимость обращения. Содержание реплик, представленных этими двумя глаголами, один из которых («шептать») находится в начале диалогического фрагмента, другой глагол («просить») завершает диалогический фрагмент, становится понятным из содержания реплики другого персонажа. Значения глаголов говорения, заменяющих реплики и обрамляющих реплики с прямой речью, способствуют также осмыслению отношений между персонажами и участвуют в формировании полноценного содержания общения.

«Учитель военной прогимназии, коллежский регистратор Лев Пустяков, обитал рядом с другом своим, поручиком Леденцовым. К последнему он и направил стопы в новогоднее утро.

– Видишь ли, в чем дело Гриша, – **сказал он поручику после обычного поздравления с Новым годом**. – Я не стал бы тебя беспокоить, если бы не крайняя надобность. Одолжи мне, голубчик, на сегодняшний день твоего Станислава. Сегодня, видишь ли, я обедаю у купца Спичкина. А ты знаешь этого подлеца Спичкина: он страшно любит ордена... <...>. Дай, сделай милость!

Все это проговорил Пустяков, заикаясь, краснея и робко оглядываясь на дверь. Поручик **выругался, но согласился**» [7, с. 302].

В примере этикетная часть реплики (поздравление с Новым годом) введена в ремарочный компонент диалогического фрагмента текста. Диалог между персонажами состоялся, поскольку в конце фрагмента реакция второго персонажа дана в авторской речи двумя глаголами со значением говорения: один из которых содержит также эмоциональную реакцию на реплику («выругался»), второй глагол («согласился») сообщает о положительной реакции на просьбу (решение дать на время орден).

«Соседи, завтракая, **разговорились** довольно дружелюбно. Муромский попросил у Берестова дрожек, ибо **признался**, что от ушибу не был он в состоянии доехать до дома верхом. Берестов проводил его до самого крыльца, а Муромский уехал не прежде, как **взяв с него честное слово** на другой же день (и с Алексеем Ивановичем) **приехать отобедать** по-приятельски в Прилучино» [8, с. 110].

Диалог персонажей в тексте вводится глаголом говорения «разговориться», информирующим читателя о начале интенсивного взаимного процесса общения. Диалог развивается далее с помощью представления автором содержания реплик персонажей без оформления реплик формой прямой речи.

Модель свернутого общения в прозаическом произведении может включать произнесенные персонажем реплики, содержание которых передано внутренней речью. Писатель считает необходимым познакомить читателя с возможной реакцией персонажа, но по определенным причинам реакция персонажа остается невысказанной, что позволяет автору показать процесс осмысления персонажем ситуации. Читателю при этом предоставляется возможность «услышать» внутренний голос персонажа, содержание которого может объяснять и причины невербализованности реакции.

«— Я хочу сделать что-нибудь для голодающих, — начал я и, помолчав немного, продолжал: — Деньги, разумеется, великое дело, но ограничиться одним только денежным пожертвованием и на этом успокоиться, значило бы откупиться от главнейших забот. Помощь должна заключаться в деньгах, но главным образом в правильной и серьезной организации. Давайте же подумаем, господа, и сделаем что-нибудь.

Наталья Гавриловна вопросительно посмотрела на меня и пожала плечами, **как бы желая сказать: “Что же я знаю?”**» [7, с. 463].

Внутренняя реплика, как правило, вводится ремаркой, в которой представлены невербальные компоненты общения, сопровождающие и подчеркивающие эмоциональное состояние персонажа, являющегося причиной молчания.

В художественном прозаическом произведении у автора есть возможность различных вариантов оформления общения персонажей. Письменная форма обладает графическими инструментами формирования диалогического фрагмента текста. Реплики персонажей, оформленные прямой речью и предоставляющие поочередно речевые ходы персонажам, часто введенные ремарками и расположенные на вертикальном уровне развития текстового фрагмента, являются основным способом описания в прозаическом произведении диалогического общения. Модели такого общения могут быть свернуты с помощью введения содержания реплик персонажей в авторскую речь в основном с помощью глаголов, имеющих значение процесса говорения с дополнительными характеристиками процесса, введением реплики в форме внутренней речи. Такие модели полноценны с точки зрения содержания, они являются емкими не только по структуре, но и по смыслу, в формировании которого участвует читатель.

Список источников

1. Милых М. К. Прямая речь в художественной прозе. Ростов н/Д, 1958. 240 с.
2. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 2003. 377 с.
3. Эпштейн М. Парадоксальные речевые акты в литературе. Трансформативы и контраформативы // Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования : сб. ст. М., 2016. С. 113–123.

4. Дюзенли М. В. Стандартные операторы ввода прямой речи как маркеры идиостиля писателя // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 199–210.

5. Уржа А. В., Ван Ц. К вопросу о функционально-семантической классификации средств введения прямой речи в текст и о ее применении в исследовании поэтики произведения Ч. 1 // Новый филологический вестник. 2024. № 2 (69). С. 340–349.

6. Чехов А. П. В приюте для неизлечимо больных и престарелых // Полное собр. соч. и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Т. 3. М., 1975. С. 90–93.

7. Чехов А. П. Орден // Полное собр. соч. и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Т. 2. М., 1975. С. 302–305.

8. Пушкин А. С. Барышня-крестьянка // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 5. М., 1960. С. 98–118.

9. Чехов А. П. Жена // Полное собр. соч. и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Т. 7. М., 1977. С. 456–499.

**Особенности представления невербальных компонентов общения
в речевом плане повествователя (на материале повести
А. П. Чехова «Скучная история»)**

**Representation specifics of non-verbal components of communication
in the speech plan of the narrator (based on the short story
by A. P. Chekhov "A Boring Story")**

Елизавета Романовна Скрыпник

Elizaveta Romanovna Skrypnik

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. Анализируются способы представления невербальных компонентов общения в повести А. П. Чехова «Скучная история», написанной от первого лица, с чем связана специфика описания неречевого поведения персонажей. Интерпретация невербальных компонентов общения дается рассказчиком. Повествователь определяет причины осуществления жестов других персонажей и собственных, в том числе потенциальных. Рассказчик раскрывает значение неречевых компонентов общения, что влияет на объём его комментария и выбор языковых единиц для описания невербальных компонентов общения.

Abstract. The paper analyzes the ways of representation of nonverbal communication in A. P. Chekhov's short story "A Boring Story", written in the first person. This explains the specifics of describing a character's nonverbal behavior. The narrator interprets the nonverbal communication components. The narrator determines the reasons for other characters' gestures and his own, including potential ones. The narrator reveals the meaning of nonverbal communication components, which, in turn, influences the scope of the narrator's commentary and the choice of linguistic means to describe them.

Ключевые слова: невербальные компоненты общения, повествователь, личное повествование, коммуникативное поведение, ремарка

Keywords: nonverbal communication, narrator, first-person narrative, communicative behavior, remark

Повествование в повести А. П. Чехова «Скучная история» ведется от первого лица. Николай Степанович, «заслуженный профессор» [1, с. 251], делится с читателем событиями из своей прошлой и настоящей жизни. В способе представления жизненных ситуаций для персонажа «характерна свобода позиции – несвязанность с определенными идеологическими платформами и “литературными” принципами изображения, раскованная медитация, соединяющая в себе элементы философского рассуждения, вещной внимательности и психологического самовыражения» [2, с. 435]. Рассказчик сам определяет, в какой последовательности и насколько по-

дробно представлять жизнеописание. По мнению А. Е. Агратина, повествование Николая Степановича – это «воссоздание обыденной жизни <...>, состоящей из перечня временных циклов, масштабы которых могут измеряться минутами, часами, днями и даже годами» [3, с. 409]. События дней профессора итеративны, поскольку Николай Степанович живет как «по расписанию», которое меняется только в зависимости от времени года. Его действия, действия членов его семьи, как вербальные, так и невербальные, предопределены: утром происходит ритуальный диалог с женой, после профессор уходит читать лекцию, далее работает дома, прерываясь на посетителей, потом ведет бесполезный диалог с женой и в конце дня проводит время у приемной дочери Кати, где снова ведутся сценарные диалоги. Как правило, каждое действие сопровождается осуществлением определенных невербальных компонентов общения.

Повествователю известно не только содержание речи других персонажей, но и специфика их реакций. Характеристики коммуникативного поведения персонажей, речевые и неречевые, «вливаются в общую их характеристику <...> и нередко выступают на первый план» [4, с. 36], раскрывая «субъективность, исповедальность» внутреннего мира героя [5, с. 29].

Николай Степанович подробно описывает не меняющийся во времени внешний вид жены и одинаковое содержание ее речи, обращая внимание на ненамеренность ежедневного появления персонажа («Она входит ко мне в юбке, непричесанная, но уже умытая, пахнущая цветочным одеколоном, **и с таким видом, как будто вошла нечаянно, и всякий раз говорит одно и то же**» [1, с. 254]). Профессор также характеризует тон голоса жены при обсуждении различных, не интересующих его вопросов («...жена моя не признает опыта и аккуратно каждое утро рассказывает и о нашем офицере, и о том, что хлеб, славу богу, стал дешевле, а сахар подорожал на две копейки – **и всё это таким тоном, как будто сообщает мне новость**» [1, с. 254]), и ее взгляд, вызванный семейными финансовыми трудностями («В недоумении я спрашиваю себя: неужели эта старая, очень полная, неуклюжая **женщина, с тупым выражением мелочной заботы и страха перед куском хлеба, со взглядом, отуманенным постоянными мыслями о долгах и нужде**, умеющая говорить только о расходах и улыбаться только дешёвизне – неужели эта женщина была когда-то той самой тоненькой Варей, которую я страстно полюбил за хороший, ясный ум, за чистую душу, красоту...» [1, с. 255]).

Постоянными характеристиками рассказчик наделяет швейцара Николая, описывая его привычку произносить слова («Впустив меня, **он крикает и говорит**: – Мороз, ваше превосходительство!» [1, с. 258]) и отмечая изменения в мимике персонажа после определенного действия («Сообщив мне новость, **Николай придает своему лицу строгое выражение**» [1, с. 259]). При представлении общих сведений о своем приятеле-филологе Михаиле Федоровиче повествователь обращает внимание на воспринимаемые им особенности произношения персонажа («Самое характерное в его манере говорить – это **постоянно шутиливый тон**, какая-то помесь филологии с балагурством, как у шекспировских гробокопателей. Он всегда говорит о серьезном, но никогда не говорит серьезно. Суждения его всегда резки, бранчивы, но

благодаря мягкому, ровному, шутливому тону как-то так выходит, что резкость и брань не режут уха, и к ним скоро привыкаешь» [1, с. 284–285]).

Постоянные характеристики невербальных компонентов есть и у неперсонализированных персонажей – лиц, бывающих у профессора дома. Коллеги, студенты и докторанты часто посещают Николая Степановича. Они не представлены по именам, не имеют индивидуальных черт, но получают свойственную своей социальной группе общую невербальную характеристику. Коллеги профессора смеются и тихо разговаривают (**«Оба смеемся, хотя не говорим ничего смешного. Усевшись, наклоняемся друг к другу головами и начинаем говорить вполголоса»** [1, с. 264]), студенты меняют четкость и тон голоса, направленность взора (**«начинает он, заикаясь и не глядя мне в лицо»** [1, с. 265], **«говорит уныло»** [1, с. 266]) и обладают особым взглядом, субъективно осмысляемым рассказчиком (**«И в его добрых глазах я читаю: “Прийти-то можно, но ведь ты, скотина, опять меня прогонишь!”»** [1, с. 266]), докторанты краснеют и имеют противоречащее взгляду выражение лица (**«Докторант молчит, и только около его скул выступает легкая краска. Лицо его выражает глубокое уважение к моему знаменитому имени и учености, а по глазам его я вижу, что он презирает и мой голос, и мою жалкую фигуру, и нервную жестикуляцию»** [1, с. 267]).

Повествователь комментирует и собственное невербальное поведение. Николай Степанович характеризует себя со стороны, отмечая особенности произношения (**«Говорю я неудержимо быстро, страстно»** [1, с. 261]).

Постоянные характеристики невербального поведения некоторых персонажей могут быть представлены по-разному во временном отношении. Но, несмотря на изменчивость, невербальные компоненты этих персонажей не перестают быть постоянными. Рассказчик, описывая особенности коммуникативного поведения приемной дочери Кати в разном возрасте, осмысляет его в отдельных временных промежутках: в детстве ее восприятие было наивным и добрым, что представлено в толковании взгляда и выражении лица (**«непременно смотрит на что-нибудь со вниманием»** [1, с. 268], **«неизменно глаза <...> выражали одно и то же, а именно: «Всё, что делается на этом свете, всё прекрасно и умно»** [1, с. 268], **«к постоянному выражению доверчивости на ее лице примешивалась еще грусть – и только»** [1, с. 268]); в возрасте 14–15 лет воодушевление Кати театром передается характеристикой процесса говорения (**«говорила с таким удовольствием и с таким жаром»** [1, с. 269]); теперь же на ее лице отмечается угнетенность и смятение (**«выражение холодное, безразличное, рассеянное, как у пассажиров, которым приходится долго ждать поезда»** [1, с. 274]). Повествователь не только подробно характеризует невербальные компоненты своей воспитанницы, но и интерпретирует их: взгляд юной Кати, представленный как потенциальная реплика, и голос, звучание которого выявляет ее интерес к театру, иллюстрируют искреннее желание познавать мир. Невербальные компоненты Кати в юности противопоставлены выражению лица во взрослом возрасте, что свидетельствует о безысходности жизни, разочарованности ею.

Наряду с часто повторяющимися событиями, в жизни профессора происходят и непредсказуемые ситуации. В процессе устного общения Николаю Степановичу заранее неизвестно, что скажет его собеседник, если тема не обсуждалась прежде. Он не всегда знает, какая невербальная реакция будет у другого персонажа в процессе коммуникации, что влияет на объем комментирования рассказчиком процесса говорения. При описании внезапного появления Кати в Харькове речь повествователя вводится одиночным глаголом говорения 'бормотать' (**«бормочу я»** [1, с. 309]), содержащим в лексическом значении сему нечеткости и степени громкости произношения. Лексемой передается внутреннее состояние персонажа, чувствующего растерянность и недоумение переднаряду неожиданной искренностью Кати.

Ремарки могут включать глаголы говорения с нейтральным значением, которое расширяется наречием (**«отвечает она холодно»** [1, с. 309]), деепричастными оборотами, которые включают описания невербальных компонентов общения, сопровождающих процесс говорения и подчеркивающих тяжелое внутреннее состояние персонажей: **«говорит она, бледнея и сжимая на груди руки»** [1, с. 308], **«говорю я, натянуто улыбаясь»** [1, с. 309], **«продолжает, заикаясь и не глядя на меня»** [1, с. 308], **«продолжает она, задыхаясь и дрожа всем телом»** [1, с. 308], **«встает и, холодно улыбнувшись, не глядя на меня, протягивает мне руку»** [1, с. 310]. Функцию глаголов говорения в структуре ремарки выполняют также глаголы с эмоциональным значением: **«рыдать»** (**«рыдает она, хватая меня за руку и целуя ее»** [1, с. 309]) и **«плакать»** (**«плачет она, протягивая ко мне руки»** [1, с. 309]). Они обозначают процесс плача и сопровождаются описанием невербального поведения Кати. Рыдание и плач персонажа соединяются с другими невербальными жестами тактильного характера, выражающими просьбу о помощи (**«хватать за руку»**, **«протянуть руки»**). Катя, не получая поддержки от Николая Степановича, начинает рыдать, т.е. **«громко плакать, судорожно всхлипывая»** [6, с. 1136].

Содержание ремарок, сопровождающих речь Кати в этом эпизоде, определяет изменение ее внутреннего состояния: тяжелое дыхание сменяется бледностью и нехваткой воздуха, появляется дрожь в теле, которая переходит в рыдания и плач. Гнетущее ощущение несостоятельности жизни не получает необходимого персонажу внешнего отклика в виде слов поддержки профессора. Внутреннее состояние Кати снова меняется, на что указывает последовательность расположения следующих единиц: одиночный глагол (**«плачет»**), глагол с качественным наречием (**«отвечает холодно»**), глаголы в сочетании с деепричастными оборотами (**«встает, холодно улыбнувшись»**, **«не глядя на меня, протягивает руку»**).

Николай Степанович описывает в том числе свои потенциальные невербальные реакции, осуществление которых возможно, но не всегда им реализуется. Во время лекции у профессора появляется желание нарушить привычный ход занятия неожиданным жестом руками и резким повышением голоса: **«Среди лекции к горлу вдруг подступают слезы, начинают чесаться глаза, и я чувствую страстное, истерическое желание протянуть вперед руки и громко пожаловаться. Мне хочется прокричать громким голосом, что меня, знаменитого человека, судьба приговорила к**

смертной казни, что через каких-нибудь полгода здесь в аудитории будет хозяйничать уже другой. **Я хочу прокричать, что я отравлен**» [1, с. 264].

В мыслях Николай Степанович конструирует иную реальность, однако в действительности его намерения «протянуть вперед руки», «громко пожаловаться», «прокричать громким голосом» не воплощаются. Повествователь сначала описывает свой жест, определяет особенности своего произношения и только впоследствии представляет содержание возможного высказывания. Такой порядок описания невербального поведения позволяет предположить, что желания осуществить жест руками и кричать, вызванные накопившимся недовольством жизнью, являются для Николая Степановича осмысленными, но нереализованными, что находит отражение во внутренней речи («я отравлен», «меня <...> судьба приговорила к смертной казни»).

Таким образом, в речь повествователя включены общие сведения о типичном невербальном поведении персонажей, представленные, как правило, подробно. Описание невербальных компонентов общения может содержать объяснение осуществления определенного жеста. Ремарки, сопровождающие речь персонажей в заранее неизвестных коммуникативных ситуациях, представлены более кратко. Несмотря на небольшой объем комментария, рассказчик точно определяет невербальные реакции. В речевом плане повествователя фиксируются в основном особенности невербальных компонентов персонажей, сопровождающих их речь с точки зрения Николая Степановича, а также возможные невербальные реакции самого профессора.

Список источников

1. Чехов А. П. Скучная история. Т. 7. М., 1977. С. 251–310.
2. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. СПб., 2016. 704 с.
3. Агратин А. Е. Возможное событие в «Скучной истории» А. П. Чехова // Преподаватель XXI век. 2015. № 2, ч. 2. С. 408–416.
4. Барлас Л. Г. Стилистические комментарии в рассказе «Скучная история» // Язык прозы А. П. Чехова. 1981. С. 36–42.
5. Чубарова В. Н. «Скучная история» А. П. Чехова: опыт интерпретации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2009. № 4. С. 24–33.
6. Большой толковый словарь русского языка / под общ. ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2004. 1536 с.

**Стратегии презентации писателя как автора художественных текстов
в медиакommunikации (на материале дискурсивных практик
Т. Мейко, А. Матвеевой, Д. Драгунского)**

**Strategies for the self-presentation of fiction writers
in media communication: a case study of the discursive practices
of T. Meyko, A. Matveeva, and D. Dragunsky**

Юлия Борисовна Извекова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Научный руководитель: Нина Сергеевна Болотнова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

stylistica@tspu.ru

Scientific supervisor: Nina Sergeevna Bolotnova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

stylistica@tspu.ru

Аннотация. На материале дискурсивных практик Т. Мейко, А. Матвеевой и Д. Драгунского исследуются стратегии презентации писателя как автора художественных текстов в медиакommunikации. Опираясь на драматургический подход И. Гофмана, автор выявляет три модели: «поэтическая интимизация» (Т. Мейко), «медийное просветительство» (А. Матвеева) и «ностальгический нарратив» (Д. Драгунский). Предложенная типология демонстрирует, что эффективность медиаобраза обусловлена его органичностью художественному миру писателя.

Abstract. This article examines the self-presentation strategies of writers (T. Meyko, A. Matveeva, D. Dragunsky) in media communication. Drawing on Erving Goffman's dramaturgical approach, the author identifies three models: "poetic intimization" (creating a trusting, lyrical atmosphere), "media enlightenment" (an educational and expert role), and "nostalgic narrative" (appealing to the past). The study demonstrates that the effectiveness of a writer's media image is determined by its organic connection to the artistic world of their literary works.

Ключевые слова: самопрезентация писателя, медиакommunikация, дискурсивные практики, Т. Мейко, А. Матвеева, Д. Драгунский

Keywords: writer's self-presentation, media communication, discursive practices, T. Meyko, A. Matveeva, D. Dragunsky

Проблема трансформации образа автора и изменение роли писателя в современном медиапространстве находится в фокусе внимания представителей различных гуманитарных дисциплин – философии, социологии литературы, медиалингвистики и теории коммуникации. В русистике сложилось несколько ключевых направлений анализа.

Философско-культурологический подход. Отправной точкой для осмысления трансформации авторства служит концепция Ролана Барта, провозгласившего в эссе «Смерть автора» переход от фигуры автора-творца к автору как «медиатору» [1, с. 384]. Развивая эту традицию, современные исследователи фиксируют фундаментальные изменения: авторство из элитарной деятельности превратилось в деятельность повседневную. Как отмечает В. Е. Кострюков, «произошла радикальная трансформация отношений автора и аудитории. Если раньше автор был ограничен цензурой, диктуемой властью или церковью, то в цифровую эпоху главным цензором автора становится именно аудитория» [2, с. 86]. Теоретик медиа А. Мирошниченко выводит формулу: «публикуюсь – значит, существую», подчеркивая, что в эпоху социальных сетей количество авторов выросло с 200–300 миллионов за всю историю письменности до 2 миллиардов [3, с. 77].

Медийный подход. В контексте новых медиа Т. В. Черниговская вводит понятие «жидкий мир», где «один человек может быть представлен в 10 лицах и никнеймах» [4]. В таких условиях для авторов ключевое значение приобретает цифровая идентичность как новый вид идентичности, отражающий осознание субъектом себя в качестве неотъемлемой части глобального виртуального пространства.

Социологический подход. В рамках данного направления фундаментальное значение имеют работы В. А. Капцева, который исследует критерий медийности писателя и прослеживает переход его общественного статуса в медийные модификации [5]. Ю. Р. Вакуленко на примере Захара Прилепина анализирует формирование медиаобраза современного писателя, приобретающего статус «медиаидола» [6]. А. В. Болотнов исследует информационно-медийную языковую личность синкретичного типа, совмещающую несколько видов деятельности [7].

Таким образом, формируется междисциплинарное исследовательское поле, в рамках которого новая роль писателя как медийной персоны изучается в нескольких аспектах: философско-культурологическом, медийном, социологическом, коммуникативном и имиджевом.

Объектом настоящего исследования выступают дискурсивные практики современных русских писателей Татьяны Мейко, Анны Матвеевой и Дениса Драгунского. Выбор данных авторов обусловлен их репрезентативностью: все трое являются активно действующими литераторами, при этом они демонстрируют различные модели присутствия в медиасреде.

Предмет исследования – стратегии презентации указанных авторов как создателей художественных текстов: коммуникативные приемы и тактики, с помощью которых писатели конструируют свой образ в глазах аудитории, связывая медийную персону с фигурой творца.

Цель работы – выявить, систематизировать и сравнить коммуникативные стратегии, используемые Т. Мейко, А. Матвеевой и Д. Драгунским для конструирования своего образа в медиапространстве.

Теоретической основой служит драматургический подход И. Гофмана, в рамках которого рассматривается социальное взаимодействие как управление впечатлениями [8, с. 21]. Опираясь на теорию деятельности, Н. А. Федорова разграничивает понятия *стратегия* (мотивационный уровень), *тактика* (уровень цели) и *техника* (операционный уровень) [9]. В цифровую эпоху социальные сети становятся для писателя «творческой лабораторией» [10, с. 59], а медийный образ конструируется в новых форматах: лонгриды, посты-комментарии, прямые эфиры [11].

Анализ дискурсивных практик

Татьяна Мейко: стратегия «поэтической интимизации» и визуализации чувства. Татьяна Мейко выстраивает коммуникацию с аудиторией через стратегию, которую можно определить как «поэтическая интимизация». Её публичный образ строится на предельной искренности, слиянии личного и творческого, а также на уникальном синтезе текста и визуального образа.

Медиаканалы. Ключевым медиаканалом для Мейко является книга как целостный художественный проект. Она не просто пишет тексты, но и выступает в роли куратора, издателя и дизайнера, интегрируя в свои сборники работы самобытных томских художников. Автор подчеркивает эту особенность: «Про книги я люблю говорить, потому что не только пишу их, но и оформляю сама» [12]. Помимо книг, важную роль для Т. Мейко играют локальные, «живые» площадки: библиотеки, дома творчества, встречи с читателями и работа в литературной студии для детей [13]. Эти каналы позволяют выстраивать прямой, без использования цифровых технологий контакт с аудиторией.

Тематика. Для Т. Мейко характерно, что бытовые зарисовки и личные переживания органично перетекают в сказочный сюжет. Говоря о своей поэтической эволюции, она признается: «В стихах мне не хватало чуда» [13]. Источниками вдохновения служат: семейная история (сказка «Фрайтаг», которую рассказывала бабушка-немка [12]), природа («хочется взять всю красоту природы, присвоить и передать через сказки» [23]), фольклор северных народов [12], собственные дети и внуки [13].

Стилистика и язык. Стиль общения Т. Мейко – это стиль исповедальности и предельной открытости. Она рассказывает о детском поиске ответа на вопрос «для чего человек живет на свете», о разочаровании в школе, о первых творческих шагах с непосредственностью, создающей эффект «подсмотренного» разговора [13]. Повествование фрагментарно, построено на ассоциативных связях, что создает ощущение живого, неотредактированного потока мысли.

Роль визуального кода. В стратегии Т. Мейко визуальный компонент играет структурообразующую роль. Каждая её книга – диалог текста с уникальной визуальной вселенной конкретного художника: «Пестрые перышки» (картины из перьев), «Томские сказки» (корнепластика), «Сказки Среднего мира» (вырезанки) [12]. Визуальный код становится не иллюстрацией, а полноправным источником смысла. Она

даже пишет сказки, вдохновленные конкретными работами, как, например, «Перышко», посвященное Нине Реморовой [12].

Доминирующая стратегия. В результате отмеченного формируется образ, в котором граница между частным лицом и публичной фигурой практически стерта. Т. Мейко предстает не как «писательница», вещающая с кафедры, а как «близкий друг-лирик», который делится самым сокровенным. Повседневность напрямую превращается в поэзию и сказку, не теряя интимности. Даже работа с фольклором подается через личное переживание: «Вообще мироощущение северных народов очень близко нам, живущим в Сибири» [12]. Эта стратегия позволяет сохранять удивительную близость с аудиторией – от детей на творческих встречах до читателей, узнающих в её сказках свои вопросы о смысле жизни. Её напутствие молодым – «Будьте внимательны, бережны к себе, к своим мыслям, фантазиям, дорожите первыми строчками, детскими рисунками» [12] – становится её творческим кредо.

Анна Матвеева: стратегия «медийного просветительства» и интеллектуального авторитета. Анна Матвеева выстраивает коммуникацию, последовательно избегая роли «чистого» беллетриста. Её стратегию можно определить как конструирование образа «писателя-интеллектуала» – фигуры, чей авторитет распространяется далеко за пределы литературы, захватывая сферы искусства, языка, истории и общественной рефлексии.

Медиаканалы. Матвеева делает ставку на каналы, где возможен глубинный разговор: развернутые интервью в интеллектуальных и качественных СМИ («Москвич Маг» [14], «Амурская правда» [15]), лекции и творческие встречи. Примечательно, что даже в общении со студентами она выбирает формат, требующий вовлеченности: «Я периодически общаюсь со студентами нашего, Уральского университета, а в декабре прошлого года встречалась со студентами журфака МГУ» [16]. О своем опыте лектора она говорит сдержанно, отделяя эпизодические выступления от профессиональной деятельности, что подчеркивает весомость её слова в академической среде: «лекции всё же носят эпизодический характер» [16].

Тематика. Круг тем неизменно широк и связан со сферой культуры. Центральное место занимает литература как часть жизни. Например, тему «уральского магического реализма» она переводит в плоскость общекультурных ассоциаций, дистанцируясь от узких жанровых рамок [16]. Значительный пласт высказываний посвящен изобразительному искусству: она демонстрирует экспертное знание, рассуждая о Модильяни («он не принадлежит ни к каким школам и направлениям» [16]) или о религиозных символах в искусстве [16]. Важной темой становится городская мифология и история, что проявилось в книге «Горожане»: «Прежде чем приступить к написанию, я много и усердно читала о каждом герое. Весь 2015 год ушел на чтение специальной литературы» [16]. Позже, рассуждая о Москве, она также использует «культурную оптику», замечая «красивый дом с лепными украшениями» и восстанавливая его историю [14]. Она регулярно выходит на уровень острых культурных комментариев, критикуя неподготовленность современных журналистов [15], иронизируя над

модой на писательство («пишут все, и меня это, честно говоря, несколько пугает» [17]) и рассуждая о кризисе чтения без морализаторства [16].

Стилистика и язык. Стилль Матвеевой – стилль «вдумчивого наблюдателя». Её ответы строятся как мини-эссе, с четкой структурой и выводами. Она рефлексиирует по поводу собственного творчества с долей здоровой самоиронии: «О премиях я уже ничего не думаю. Пока решила взять паузу... Потому что всё это – для людей с железными нервами» [16]. Язык насыщен интертекстуальными отсылками и культурными аллюзиями (ср., например, цитаты из Овидия [16]). Даже обсуждая собственные тексты, она избегает пафоса, предпочитая ироничную дистанцию: «Какие героини, такая и интонация» [16].

Коммуникативные тактики. Вместо информирования А. Матвеева использует тактику объяснения механизмов возникновения замысла. Говоря о «Перевале Дятлова», она объясняет: «...меня захватила история... я ею по-настоящему заболела и, как водится, пока не изложила ее на бумаге, она меня не отпустила» [16]. Она не боится давать оценки, что является маркером экспертной позиции. Опыт работы в жюри премии она называет «очень сложным», потому что «оценивать труд коллег тяжело» [16]. В 2023 г. она прямо оценивает состояние профессии: «...нынешним журналистам в массе своей... не хватает широты знаний и общей эрудиции» [15]. Наконец, она постоянно осуществляет отсылку к культурному контексту, встраивая себя и собеседника в общее интеллектуальное поле. Например, рассказ о поездке в Катар она завершает историей встречи с алжирцем, который «прочел “Доктора Живаго” по-английски и был так очарован, что начал учить русский!» [17].

Доминирующая стратегия. Анна Матвеева предстает не просто как автор художественных текстов, но как интеллектуальный авторитет, чье мнение значимо в широком гуманитарном контексте. Её суждения о языке, искусстве, городской среде основаны на глубоком знании предмета и рефлексии, а не на эмоции. Её переезд в Москву и признание: «Москва – лучший город на Земле!» [17] – звучит как вывод человека, умеющего сравнивать и ценить культурную среду. Даже говоря о самом личном – дневнике бабушки, – она сохраняет позицию исследователя: «Я работала с бабушкиным архивом как редактор, а кое-какие фрагменты даже дописывала» [15]. Это закрепляет статус хранителя культурной памяти и профессионального вербализатора сложных жизненных процессов.

Денис Драгунский: стратегия «бытописания» и ностальгического нарратива. Денис Драгунский формирует свой публичный образ через стратегию «бытописания» и ностальгического нарратива. В отличие от позиции «эксперта» А. Матвеевой, Д. Драгунский выступает в роли рассказчика, «летописца эпохи», чьи медиаметки органично продолжают его малую прозу.

Медиаканалы. Ключевыми каналами стали платформы для коротких текстов. Свою литературную карьеру он начинал как автор «Живого журнала» с задачей «сделать рассказ, чтоб он уместился на экране компьютера без прокруток, без скроллинга» (2024) [18]. Этот опыт сформировал его как мастера сверхкраткой новеллы. Помимо

блогов, Драгунский дает интервью крупным изданиям («Сноб» (2024) [18], «Газета.Ру» (2023) [19], ТАСС (2025) [20]), сохраняя интонацию неторопливого рассказчика.

Тематика. Центральная тема – повседневная жизнь, увиденная сквозь призму личного опыта: короткие бытовые зарисовки («скетчи»), городские наблюдения (Москва детства: «переулки между Тверской и Никитской, Петровка и Каретный ряд» (2023) [19]). Огромный пласт занимают мемуарные заметки. Книга «Подлинная жизнь Дениса Кораблева» стала ответом на уникальную ситуацию прототипа героя «Денискиных рассказов»: «быть прототипом, а в глазах 99 % читателей – героем любимой детской книги трех поколений» (2025) [20]. Ностальгическая интонация пронизывает рассказы о советском и постсоветском быте: о «трамваях за три копейки», об игрушках, о друзьях детства, «таких как Мишка Слонов» (2023) [19].

Стилистика и язык. Стил ь узнаваем: его отличает лаконичность (наследие «Живого журнала»), афористичность, мягкий юмор. Он часто формулирует мысли ёмко: «Мысль рождается между пальцами и клавиатурой» (2024) [18]. Юмор проявляется в самоиронии, например, когда он комментирует свое участие в создании отцовских рассказов: «Смешно, честное слово» (2023) [19]. Важнейшая составляющая – ностальгическая интонация, создающая эффект присутствия и оживляющая детали ушедшего мира. Читатели благодарят за то, что книга «как будто бы стряхнула пыль с моей памяти» (2023) [19].

Коммуникативные тактики. Основная тактика – сторителлинг. Он сам признается: «Я любил за столом рассказывать истории». Причем в истории всё должно быть «коротко и увлекательно. С фабульными переломами и “пуантом” в финале» (2024) [18]. Другая тактика – апелляция к общему прошлому. Он аккуратно напоминает о реалиях советского детства, создавая мост между поколениями. Даже рассуждая о современной литературе, он возвращается к опыту прошлого: «Писатели боятся затрагивать определенные темы... Литература всегда находит способы выразить свои мысли через большие метафоры» (2025) [20].

Доминирующая стратегия. Формируется устойчивый образ «летописца эпохи». Драгунский позиционирует себя как человека, фиксирующего детали уходящей реальности с позиции включенного наблюдателя, «бытописателя». Его творчество, по его собственным словам, – это «длинная экспедиция вглубь себя» [18]. Медийная активность воспринимается как прямое продолжение его малой прозы. Многие новеллы выросли из записей в «Живом журнале», а интервью часто строятся как серия связанных историй. Он остается «тонким наблюдателем», обсуждающим серьезные темы через призму личного опыта и литературных аналогий, сохраняя мягкую иронию и тепло интонации.

Таким образом, ключевое различие стратегий лежит в способе использования личного опыта для конструирования авторского образа и коммуникации с аудиторией: от полного слияния жизни и творчества у Т. Мейко до аналитической дистанции у А. Матвеевой и нарративной фиксации коллективной памяти у Д. Драгунского. Каждая из стратегий решает уникальную задачу: Т. Мейко создает пространство для

эмоционального сотворчества, А. Матвеева формирует интеллектуальную повестку, а Д. Драгунский выступает медиатором уходящей реальности через сторителлинг.

Список источников

1. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1994. С. 384–391.
2. Кострюков В. Е. Трансформация авторства при переходе от традиционных медиа к цифровым // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Филология. 2022. Т. 4, № 4. С. 83–93.
3. Мирошниченко А. Когда умрут газеты. М. : Книжный мир, 2011. 224 с.
4. Черниговская Т. В. Цивилизация призраков. Возьмут ли информационные монстры власть над людьми? // Аргументы и факты. 2019. URL: <https://aif.ru> (дата обращения: 03.03.2026).
5. Капцев В. А. Трансформация образа современного писателя: от общественного статуса к медийному имиджу. Минск : БГУ, 2014. 120 с.
6. Вакуленко Ю. Р. Захар Прилепин – современный медиаидол. Как формировался медиаобраз литературного деятеля // Медиа. Информация. Коммуникация. URL: <https://mic.org.ru> (дата обращения: 03.03.2026).
7. Болотнов А. В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности. Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2015. 274 с.
8. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А. Д. Ковалева. М. : КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с.
9. Федорова Н. А. Проблема самопрезентации в современной социальной психологии: использование понятийного аппарата теории деятельности // Институт психологии Российской академии наук. URL: <http://www.ipras.ru> (дата обращения: 05.03.2026).
10. Конюшкевич М. И. Эссеистика В. Степана с точки зрения модели коммуникации // СМИ и художественная культура: Медийный образ автора: от мифотворчества к пиар-менеджменту : сб. науч. тр. Вып. 6. Минск : БГУ, 2018. URL: <https://elib.bsu.by> (дата обращения: 05.03.2026).
11. Гундарин М. В. «Новые медиа», посвященные литературе: эволюция форм и жанров // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 26–29 марта 2025 г.). Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2025. С. 45–48.
12. Татьяна Мейко: «Про книги я люблю говорить, потому что не только пишу их, но и оформляю сама»: интервью в Томской областной библиотеке им. А. С. Пушкина. Ноябрь, 2024. URL: <https://www.elib.tomsk.ru> (дата обращения: 03.03.2026).
13. Татьяна Мейко: «В стихах мне не хватало чуда» // Сибаналитика. [б.г.]. URL: <https://ros-nauka.ucoz.ru> (дата обращения: 04.03.2026).
14. Матвеева А. Анна Матвеева, Екатеринбург: Четыре из пяти московских литературных мест оказались для меня новыми // Москвич Mag. 2021. 18 марта. URL: <https://moskvichmag.ru> (дата обращения: 01.03.2026).
15. Соколовская Л. Бестселлер из бабушкиного дневника: интервью с известной писательницей Анной Матвеевой // Амурская правда. 2023. 2 октября. URL: <https://ampravda.ru> (дата обращения: 27.02.2026).
16. Интервью с Анной Матвеевой для Lit-ra.info (2016 г.). URL: <https://lit-ra.info> (дата обращения: 26.02.2026).
17. Ерошенко А. Литератор Анна Матвеева: «Столица очень тепло меня приняла, и теперь у меня два родных города» // Вечерняя Москва. 2025. 22 мая.
18. Интервью с Денисом Драгунским для «Сноба» (2024 г.). URL: https://dzen.ru/a/ZoLSD0e3egJ__UF3 (дата обращения: 25.02.2026).

19. Моргунова А. «Мне повезло стать главным героем любимой детской книги». Интервью с Денисом Драгунским // Газета.Ру. 2023. 19 сентября. URL: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 21.02.2026).

20. Барановская М., Аврамчик А. Денис Драгунский: литература – это искусство, а не зеркало политики // ТАСС. 2025. 14 января. URL: <https://tass.ru/interviews/22861207> (дата обращения: 21.02.2026).

**Стилистические средства выражения иронии в поэтическом тексте
(на материале стихотворения Ю. Д. Левитанского «Гость»)**

**Stylistic means of expressing irony in a poetic text
(based on the poem "The guest" by Y. D. Levitansky)**

Зарринахон Мукимджоновна Дусматова
Zarrinakhon Mukimdzhonovna Dusmatova

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Научный руководитель: Нина Сергеевна Болотнова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
nsb@tspu.ru

Scientific supervisor: Nina Sergeevna Bolotnova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia
nsb@tspu.ru

Аннотация. Исследованы особенности выражения иронического подтекста в стихотворении Ю. Д. Левитанского «Гость» с точки зрения теории коммуникативной стилистики текста. Рассмотрены языковые и композиционные регулятивные средства, формирующие скрытый оценочный план произведения в сознании читателя. Установлено, что иронический эффект возникает на основе контраста жизненных позиций, метонимического раздвоения образа и взаимодействия регулятивных средств различных уровней в системе текста.

Abstract. This article examines the expression of ironic subtext in Yuri Levitansky's poem "The Guest" from the perspective of the theory of communicative textual stylistics. It examines the linguistic and compositional regulatory means that shape the work's hidden evaluative plan in the reader's mind. It establishes that the ironic effect arises from the contrast of life positions, the metonymic bifurcation of the image, and the interaction of regulatory means at various levels within the text.

Ключевые слова: стилистический приём, ирония, поэтический текст, Юрий Левитанский

Keywords: stylistic device, irony, poetic text, Yuri Levitansky

Теория регулятивности, активно развивавшаяся в отечественной лингвистике на рубеже XX–XXI вв., заняла одно из ведущих мест в коммуникативной стилистике текста. В рамках данного подхода художественный текст рассматривается как система средств, направленных на управление познавательной деятельностью читателя. Регулятивные средства отражают авторский замысел и стратегию текстового развертывания, выполняя определённые психологические функции в процессе интерпретационной деятельности адресата.

В аспекте настоящего исследования особую значимость приобретает положение о том, что иронический смысл не задаётся напрямую, а формируется системой регулятивов, которые ориентируют читателя на выявление скрытого оценочного плана. Ирония в поэтическом тексте возникает в результате взаимодействия лингвистических и экстралингвистических средств, направляющих интерпретацию.

Средства регулятивности художественного текста традиционно дифференцируются на **лингвистические** (ритмико-звуковые, лексические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, стилистические) и **экстралингвистические** (композиционные, логические, графические) [1, с. 389].

Понятие иронии является многозначной и сложной категорией современной лингвистики. Традиционно ирония определяется как форма косвенного выражения оценки, основанная на расхождении между буквальным значением и его истинным, подразумеваемым смыслом.

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой ирония определяется как «троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки, нарочито облеченной в форму положительной характеристики или восхваления» [2, с. 185].

Ирония есть «поношение и противоречие под маской одобрения и согласия; явлению умышленно приписывают свойство, которого в нем заведомо быть не может (“Откуда, умная [осёл], бредешь ты голова?”, И. А. Крылов) или оно отсутствует, хотя по логике авторской мысли его надо было ожидать» [3, с. 132].

Т. В. Матвеева рассматривает иронию как особый способ смысловой организации высказывания, основанный на несовпадении прямого и подразумеваемого значения. По её определению, «ирония – употребление слова или высказывания со смысловым сдвигом, который создает комический эффект, рождающий насмешку» [4, с. 136]. Существенным признаком иронии исследователь считает наличие оценочной позиции говорящего. В связи с этим Т. В. Матвеева подчёркивает, что есть лёгкая ирония, грустная, добродушная, злая ирония [4, с. 136].

Т. В. Матвеева также акцентирует внимание на отсутствии у иронии обязательных формальных маркеров. По её словам, «чаще всего ирония не имеет специального лексического и синтаксического выражения» и распознаётся «на основе контраста между содержанием словесного ряда и спецификой интонации, между смыслом сказанного и известным по опыту», а также благодаря «особому контексту». В таком контексте, по наблюдению исследователя, активно используются «логические несоответствия, приём обманутого ожидания, антитеза, гипербола, оценочная перифраза и др.». Вместе с тем Т. В. Матвеева, уточняя стилистический статус иронии, пишет, что «если ирония основана на переносе лексического значения, она входит в число тропов» [4, с. 136].

Цель нашего исследования – определить особенности функционирования иронии в поэтическом тексте и описать языковые средства её реализации.

Материалом исследования послужило стихотворение Ю. Д. Левитанского «Гость» из сборника «Листья летят» (1956 г.) [5].

Выбор творчества Юрия Левитанского обусловлен тем, что для его поэтики характерно тонкое взаимодействие внешне простого повествования и скрытой оценочности, реализуемой через иронию. Стихотворение «Гость» занимает значимое место в системе его лирики как текст, концентрирующий основные черты авторской манеры – философскую проблематику, диалогичность и смысловую двуплановость.

В данном поэтическом тексте Ю. Д. Левитанского ирония выступает одним из ключевых способов смысловой и ценностной интерпретации изображаемой действительности.

Уже в начальных строках стихотворения ирония намечается имплицитно сдержанным описанием обстановки: *«Мне было грустно. / Сыпал дождик мелкий, / чуть слышно, по-мышинному, шурша»*. Лексемы *дождик*, *по-мышинному* формируют приглушённое настроение, на фоне которого последующее появление гостя приобретает оттенок смыслового контраста. Иронический эффект здесь ещё не направлен на персонажа напрямую, но подготавливает почву для дальнейшего оценочного смещения.

Образ гостя вводится в текст без прямого оценочного комментария со стороны лирического героя. В строках *«И гость вошёл. / Он вытащил вначале / лимоны и бутылку коньяку»* констатируется лишь факт его появления и перечисляются бытовые детали. Персонаж раскрывается посредством косвенной характеристики – через действия, предметные атрибуты и интонацию повествования. Такая стратегия создаёт эффект внешней нейтральности, на фоне которой постепенно формируется ироническое восприятие образа.

Развёртывание иронии связано с приёмом контрастного сопоставления жизненных путей лирического героя и гостя: *«Теперь, имея степень кандидата, / он ненадолго объявился тут»*. Формально нейтральное указание на социальный статус приобретает ироническое звучание в контексте военного прошлого, обозначенного строками: *«Я вспомнил сорок первый. В мокрой глине – / горячий подмосковный листопад»*. Контраст между опытом войны и благополучной академической карьерой усиливает скрытую оценку, не выраженную напрямую.

Особенно показательной в плане выражения иронии является сцена социального самоутверждения гостя и упоминание о тесте: *«Да, он женат. И тесть уже хлопочет, / чтоб взять его в столицу. / Но пока...»*.

Слово *«хлопочет»* в данном контексте становится регулятивным сигналом. Формально оно обозначает заботу, участие, стремление помочь [6, с. 1065]. В коммуникативной перспективе оно актуализирует зависимость героя-гостя от внешних покровителей. Ирония возникает за счёт скрытого контраста – научная степень (*«имея степень кандидата»*) и опора на семейные связи как условие профессионального продвижения. Таким образом, социальная «солидность» героя обесценивается намёком на карьерную несамостоятельность.

Кульминацией иронического изображения становится приём раздвоения образа: *«и было двое их, казалось мне: / рябой пиджак широкого покроя / и некто в той пиджачной глубине»*. Здесь метонимический образ *пиджака* подменяет собой лич-

ность героя, что позволяет Левитанскому иронически подчеркнуть утрату индивидуальности и внутреннего содержания. Ирония строится на семантическом несоответствии – внешний «солидный вид» противопоставляется внутренней пустоте.

Особую роль в выражении иронии играет речевая характеристика гостя. Его рассуждения о «жизни классиков», «усадеббах», «уют» и «покое» внешне окрашены в возвышенные тона, однако в контексте стихотворения воспринимаются как оторванные от реальности и потому иронически сниженные:

– *А ты все сочиняешь?*
Между прочим,
квартирка у тебя невелика...
Ведь были же у классиков усадьбы,
уют,
сосредоточенность,
покой.
Вот это жизнь!
Сидеть бы да писать бы,
не думая о бренности мирской...

Приём обманутого ожидания усиливается репликой лирического героя: «– *А ты знаком с лопатой сапёрной? / А соберёшь винтовочный затвор?*». В этих строках ирония переходит в открытую форму нравственного противопоставления.

В финальной части поэтического текста иронический подтекст достигает максимальной выразительности: «*Он взял коньяк, лимоны сгреб с тарелки, / всё молча по карманам разложил...*». Жест молчаливого присвоения символически завершает образ. Лимоны и коньяк, с которых начинался визит, становятся маркером мелочности и внутренней пустоты. Внешняя «солидность» окончательно разоблачена.

Финальный образ дождя – «*...оставит только слякоть, только лужи, / к подошвам прилипающую грязь*» – выполняет функцию метафорического комментария. Дождь «*дорожит каждой каплей*», тогда как гость «*сгребает*» и «*раскладывает по карманам*». Контраст усиливает нравственный подтекст и закрепляет ироническую оценку.

Таким образом, ирония в стихотворении выполняет не только выразительную, но и смыслообразующую функцию. Через систему стилистических средств (контраст, метонимию, оценочную конкретизацию, приём раздвоения образа) Ю. Д. Левитанский формирует критическое отношение к персонажу-гостю и одновременно утверждает ценностную позицию лирического героя, которая связана с идеей личной ответственности и подлинного жизненного опыта.

Список источников

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд., доп. Томск : Издательство ТГПУ, 2006. 631 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.

3. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М., 1987. 752 с.
4. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 562 с.
5. Официальный сайт поэта Юрия Левитанского, 2011–2025. URL: <https://levitansky.ru/> (дата обращения: 08.01.2026).
6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007. 1175 с.

**Славянизмы как стилистическая категория в творчестве
Л. А. Никоновой (на примере слов с компонентом БЛАГ-)**

**Slavisms as a stylistic category in the works by L. A. Nikonova
(on the material of words with the component "BLAG-" ("GOOD"))**

Екатерина Андреевна Олейник

Ekaterina Andreevna Oleynik

Основная общеобразовательная школа № 43, Новокузнецк, Россия

General Secondary School No. 63, Novokuznetsk, Russia

Научный руководитель: Ирина Алексеевна Пушкарева

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт, Кемеровский государственный университет, Новокузнецк, Россия

irina_pushkareva2016@mail.ru

Scientific supervisor: Irina Alekseevna Pushkareva

Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute, Kemerovo State University,

Novokuznetsk, Russia

irina_pushkareva2016@mail.ru

Аннотация. Использование славянизмов в художественных текстах играет важную стилистическую роль: с их помощью автор наделяет текст высоким звучанием. Выявлена специфика славянизмов с компонентом БЛАГ- в творчестве Любови Алексеевны Никоновой, что формирует представление о стилистическом своеобразии региональной лирики и об ее идейном содержании.

Abstract. Slavisms play a significant stylistic role in the literary texts making their style more elevated. The article examines slavisms with the component "BLAG-" ("GOOD") in the works by Lyubov' Alekseevna Nikonova, which contributes to the study of stylistic features, ideas, and contents of the regional poetry.

Ключевые слова: славянизм, творчество Л. А. Никоновой, поэзия, региональная лирика, компонент БЛАГ-

Keywords: a slavism, works by L. A. Nikonova, poetry, regional poetry, the component BLAG- ("GOOD")

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02824, <https://rscf.ru/project/25-28-02824/>, проект «Литература поликультурного региона: аксиологические доминанты, язык и стиль (на материале русскоязычных текстов шорских и русских писателей Кузбасса)».

Актуальность исследования обусловлена тем, что славянизмы являются значимым стилистическим элементом русского языка, позволяющим создавать возвышенную, торжественную эмоциональную окраску в художественных произведениях. Славянизмы как стилистические средства русского литературного языка – слова или

обороты, заимствованные русским языком из старославянского или из более позднего церковнославянского языка русской редакции [1, с. 385].

Творчество Любови Алексеевны Никоновой представляет собой неотъемлемую часть региональной поэтической традиции Кемеровской области – Кузбасса. Новокuzнецкий поэт использует славянизмы в лирике, газетных публикациях. Л. А. Никонова (03.01.1951–04.05.2012) – поэт, прозаик, педагог, с 1985 г. член Союза писателей России. Следует подчеркнуть, что Л. А. Никонова была сотрудником Кузбасской православной духовной семинарии. В своем творчестве автор поднимает важные духовные темы, пишет о Боге, о душе, об испытаниях, используя славянизмы и другую лексику высокого стиля. Поэтому представляется важным вопрос о роли славянизмов в творчестве Л. А. Никоновой, об отражении в них индивидуального художественного выражения и национальной культурной специфики.

Рассуждая о своеобразии славянской лексики, важно вспомнить слова Н. И. Толстого, который утверждал следующее: «Славяне постепенно принимали христианство, а с христианством и ту систему духовных и культурных ценностей, которая требовала своего письменного, книжного, и богослужебного, устного, выражения» [2, с. 81]. Обращаясь к лирике Л. А. Никоновой, стоит заметить, что поэт является продолжателем русской духовной традиции, поскольку поднимает сакральные темы через использование славянизмов.

Г. Б. Карпенко подчеркивает: «В силу исторических обстоятельств – большей самостоятельности и независимости Руси, России – русский литературный язык стал прямым восприемником церковнославянской традиции» [3, с. 227]. Обращаясь к этому высказыванию, важно обозначить: славянизмы – это слова старославянского или церковнославянского происхождения. Таким образом, различают старославянизмы и церковнославянизмы. Следует отметить, что в представленной работе речь идет о старославянизмах как части русского языкового наследия.

Изучение славянской лексики является актуальной проблемой на сегодняшний день, так как существует сложность отнесения лексических единиц к славянизмам как стилистической категории: «Вопрос о славянизмах является одним из основных в общей проблеме возникновения и развития русского литературного языка, в определении его генетической свободы» [4, с. 488]. Вопрос считается дискуссионным, поскольку многие слова утратили свою возвышенную окраску, примкнув к общеупотребительной лексике. Г. О. Винокур отмечает: «Совсем другое дело славянизм в стилистическом смысле. Это есть славянизм не по происхождению, а по употреблению» [5, с. 443]. В этом случае имеются в виду слова, не являющиеся в настоящее время общеупотребительными и встречающиеся только в письменных памятниках истории русского языка.

Как справедливо отмечает Ж. К. Киынова, «славянизмы – ментально значимые единицы языка, в которых сконцентрированы многовековой опыт, культурные и религиозно-православные ценности русского народа, поэтому в этих словах сохранились существенные с точки зрения носителей языка представления и понятия – эле-

менты “картины мира”» [6, с. 85]. Действительно, обращение к языку является важнейшим способом постижения народной культуры, мировоззрения, обычаев и традиций. Старославянская лексика отражает уникальное возвышенное восприятие окружающей среды, жизни, способствует сохранению исторической культурной памяти и духовных ценностей.

Важно акцентировать внимание на том, что употребление славянизмов является средством формирования высокого стилистического колорита в лирике. Изучение старославянской лексики, в свою очередь, позволит не только создать представление об индивидуальном художественном стиле автора, но и будет содействовать глубокому пониманию идейного замысла стихотворений, что позволит раскрыть специфику национальной культурной идентичности.

Творчеству Л. А. Никоновой посвящены работы А. С. Сазыкина [7], Е. Д. Трухан [8], И. А. Пушкаревой [9], однако вопрос о славянизмах в лирике писателя специально не рассматривался. Материал исследования – стихотворения Л. А. Никоновой, взятые из хрестоматии «Писатели Кузбасса», рекомендованной для обучающихся и учителей [10]. В ходе исследования мы рассмотрели 19 художественных произведений, выделив из них три стихотворения, в которых содержатся славянизмы с компонентом БЛАГ-, образованным от праславянского **bolgos* со значением «хороший» [11, с. 90].

В стихотворении «Годами складывалось счастье...» находим славянизм *блаженных*: «В полях, в блаженных вздохах леса...» [10, с. 335]. В старославянской культуре этот эпитет *блаженный* обозначает состояние высшей степени счастья (стоит отметить историческое чередование звуков *г/ж*). Л. А. Никонова наделяет данным качеством природу, лесные вздохи, тем самым показывая сакральность окружающего мира, его чистоту и возвышенность. Важно заметить, что неслучайно автор упоминается словосочетание *чистая аскеза*, подтверждающее священность природы: чистота, духовная ценность видятся в красоте русского пейзажа, в умиротворении и в отказе от всего лишнего ради духовного роста. Тема счастья оказывается центральной, с помощью славянизма *блаженные* поэт делает образ природы одухотворенным, неприкосновенным. Следовательно, с помощью лексики высокой окраски автор раскрывает идею единения человека с окружающей средой, представляя ее торжественной и выступающей на первый план по контрасту с материальным, мелким, незначительным, что подчёркивает повтор формы множественного числа («помадками и сладкими пенками» [10, с. 335]).

Стихотворение «Бедные люди» [10, с. 336] содержит славянизм *благодатнее*, являющийся формой простой сравнительной степени имени прилагательного *благодатный*. Необходимо акцентировать внимание на том, что благодать – это божественная энергия, сила, с помощью которой человек преодолевает в себе греховное начало. Л. А. Никонова иллюстрирует антиутопическое видение мира: падение, регресс, говоря о духовной катастрофе: «Смутным просторам не стать благодатнее». Поэт показывает, что мир, находящийся в состоянии духовного упадка, отказывается

принимать божественный дар, милость Творца. В этом случае можно отметить контекстные антонимы *оскудение* и *благодать*, с их помощью автор противопоставляет опустошенное и возвышенное, подчеркивая масштабность трагедии и создавая эффект мрачного будущего, утраченного блага.

Славянизм *благодатнее* в представленном стихотворении выступает единственным словом высокой лексики, обозначающим потерянный духовный ориентир. С помощью этой лексической единицы приведенное художественное произведение обретает форму плача, показывая крушение государств и народов. Нужно обратить внимание на сквозную тему бедности, показывающую опустошенную действительность без принятия важных духовно-нравственных ценностей: «Всюду зола и смолье». В этом случае образ золы, пепла усиливает мотив разрушения и подчеркивает внутреннюю пустоту, духовное падение. В библейском контексте посыпание головы пеплом является символом скорби, траура, следовательно, поэт затрагивает проблему потери связи мира с категорией сакрального, что приводит к крушению и страданию.

Единственным утешением для лирической героини становятся дыхание и голос возлюбленного, выступающие символами чистоты, любви, высшей ценности на фоне духовного разорения. Это то, что держит человека в тяжелый жизненный период, придает уверенность и надежду на мирное будущее, исходной позицией этого будут нравственное очищение человечества и просветление.

Сопоставляя эти два стихотворения, необходимо заметить межтекстовую антитезу образов: в первом тексте через использование славянизма *блаженный* автор показывает светлое состояние окружающего мира, наделяя его торжественностью: «Где воздух – как святые слезы...» [10, с. 335], что позволяет говорить о священности природы и ее благостном влиянии на человека, а во втором стихотворении поэт демонстрирует упадок мира, связанный с потерей нравственного ориентира. Этот тезис подчеркивается фразой «Предел оскудения» [10, с. 336], подтверждающей разрушение, причиной которого является отрешенность от духовного. Славянизм *благодатнее* выступает в представленном контексте символом недостижимого идеала, однако принятие благодати считается единственным способом прихода к нравственной чистоте.

Стихотворение «Мне бы Вас забавлять жемчугами росинок...» [10, с. 45] относится к любовной лирике, центральной темой в нем является ощущение счастья, сопряженное с присутствием возлюбленного. В заключительной строфе автор прибегает к использованию славянизма *блаженства*, который обозначает наивысшую степень радости. Здесь славянизм выступает в роли репрезентанта предельного состояния человеческой души, включает в себя сакральное значение любви как главной ценности жизни: «Но от счастья я плачу слезами страданья / И блаженства вместить не могу». В стихотворении прослеживается столкновение двух пластов: земного, связанного с ощущением радости, мечтаниями, и возвышенного, священного, вызывающего слезы. Для лирической героини блаженство – это соприкосновение с Божественным, состояние святости, высшего откровения, которое невозможно вместить в душе из-за светлости чувств, чистоты и праведности.

Следует обратить внимание на то, что поэт противопоставляет счастье страданию, при этом создавая единое состояние блаженства, что обусловлено его религиозным пониманием человеческой души. Страдание в этом контексте – стесненность сердца глубокими, искренними чувствами, которые являются Божественным даром. Слезы становятся символом очищения души, возвышающейся над обыденным. Такой контраст позволяет понять, что без внутреннего потрясения невозможно пережить подлинные чувства и ощутить важные нравственные ценности. Безусловно, автор демонстрирует возвышенность человеческих отношений, высокую духовность через использование старославянской лексики.

С помощью анализа славянизмов с компонентом БЛАГ- в лирике Л. А. Никоновой мы определили, что такие слова выполняют значимую роль, так как они служат для передачи сакральных понятий и являются лексическими репрезентантами нравственной чистоты, возвышенности, священности. Использование славянизмов в стихотворениях позволяет показать ступени духовного пути человека, глубину человеческого переживания, напоминает о вечных ценностях. Идейное содержание исследуемых текстов заключается в передаче нравственного опыта, старославянская лексика придает стихотворениям высокий смысл, подтверждая, что язык является хранителем чистоты.

Таким образом, славянизмы с компонентом БЛАГ- в творчестве Л. А. Никоновой являются важным стилистическим средством, формирующим индивидуальную авторскую манеру и демонстрирующим глубокое идейное содержание стихотворений, заключающееся в высокой духовности, праведности и нравственной чистоте. Обращение к старославянской лексике содействует осознанию значимых сакральных понятий, что считается ключом к пониманию русской духовной традиции и передаче уникальной системы моральных ценностей.

Список источников

1. Трошева Т. Д. Славянизмы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 385–388.
2. Толстой Н. И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 81–90.
3. Карпенко Л. Б. Славянизмы в русском языке как отражение книжной традиции // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. С. 224–228.
4. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М., 1997. С. 487–489.
5. Винокур Г. О. О славянизмах в современном русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 443–459.
6. Кинова Ж. К. Семантико-стилистические особенности славянизмов в аспекте переводоведения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 155–161.
7. Сазыкин А. С. Похожи встречи на подарки. О сборнике стихотворений Л. А. Никоновой) // «...А здесь, во глубине России»: статьи о региональной литературе. Новокузнецк; Красноярск, 2021. С. 38–60.

8. Трухан Е. Д. Своеобразие и аксиологическая значимость очерка Л. А. Никоновой «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака» // Библиотечная жизнь Кузбасса. 2017. № 4 (68). С. 12–16.
9. Пушкарева И. А. Стилистический анализ регионального медиатекста: Л. А. Никонова о Ф. М. Достоевском // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации : сб. науч. ст. Новокузнецк; Красноярск, 2020. Вып. XII. С. 210–219.
10. Писатели Кузбасса. Хрестоматия. Проза, поэзия / отв. ред. А. В. Правда. Кемерово, 2007. С. 335–346.
11. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Около 10 000 слов / Э. Благова [и др.] ; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. С. 90–91.

Раздел IV. Актуальные проблемы медиакommunikации

УДК 159.922.7/8+316.62

Образ «панельки» и языковые средства его воплощения в творчестве музыканта как отражение его информационно-медийной языковой личности

The image of the "panel house" and the linguistic means of its embodiment in the musician's work as a reflection of his informational and media language personality

Кристина Евгеньевна Клышова

Kristina Evgenievna Klyshova

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Научный руководитель: Алексей Владимирович Болотнов

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

stylistica@tspu.ru

Scientific supervisor: Alexey Vladimirovich Bolotnov

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

stylistica@tspu.ru

Аннотация. Рассмотрены некоторые особенности языковой личности музыканта на основе интерпретации образа «панельки» в его творчестве. Дана характеристика образа «панельки», выявлены ключевые особенности информационно-медийной языковой личности музыканта. Проанализированы языковые средства воплощения образа «панельки» на примере творчества Ильи Золотухина.

Abstract. The article is dedicated to analyzing certain features of the linguistic personality of a musician, based on the interpretation of the "panel house" image in his work. Through examining the "panel house" image, key characteristics of the musician's informational and media language personality are revealed. The linguistic tools used to portray the "panel house" are analyzed using the example of Ilya Zolotukhin's creative work.

Ключевые слова: информационно-медийная языковая личность, медиадискурс, медиатекст

Keywords: informational and media language personality, media discourse, media text

Образ «панельки» (которая объединяет в себе и «хрущёвки», и «брежневки») начал оформляться в 1950–1960-х гг., в контексте государственной программы и стремления прорекламировать новый тип массового жилья. В кино («Пора большого

новоселья» (1959), «Черёмушки» (1962) и др.) она была символом счастья, процветания, стремления к светлому будущему, прогресса, освобождением от коммуналок. Со временем отношение к ним поменялось – так, в фильмах «Доживём до понедельника» (1962) и «Курьер» (1986) герои воспринимают панельный фон как декорацию, символ взросления и личных поисков, а радость и энтузиазм сменяется скукой и разочарованием. В «Иронии судьбы, или С лёгким паром!» (1975) панелька вовсе стала объектом сатиры и критики – см. монолог рассказчика: *«В былые времена, когда человек попадал в незнакомый город, он чувствовал себя одиноким и потерянным. Вокруг все было чужое: иные дома, иные улицы, иная жизнь. <...> А теперь во всех городах возводят типовой кинотеатр “Ракета”, где можно посмотреть типовой художественный фильм»* [4].

В 2000-х и ранних 2010-х, по замечанию Н. Р. Редькина, российского музыкального журналиста и блогера, бывшего редактора порталов о хип-хоп-культуре Rap.ru и The Flow, автора Telegram-канала «Сломанные пляски», панельки стали частью эстетики русской культуры тех лет, «наша унылая родная неизбежность» [2], которая даёт героям почву для размышлений. Так, герой музыкальных видео Mijuce периода альбома Downshifting на фоне однообразных, серых панельных домов позволяет себе погрузиться в собственные мысли и чувства, а PHARAOH в клипе на песню BLACK SIEMENS, соединяя «панельки» с эстетикой и мотивами клауд-рэпа, обращает внимание на деструктивные явления российского общества.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что образ «панельки» ранее рассматривался лишь с точки зрения визуального искусства. В рамках этой статьи мы обратим внимание на языковые средства выражения этого противоречивого образа, а также рассмотрим особенности воплощения этой темы в поэтическом дискурсе информационно-медийной языковой личности. Под информационно-медийной языковой личностью понимается «носитель языка, формирование и самореализация которого происходит под влиянием новых информационных технологий в результате участия в сетевом общении» [3, с. 264]. Разные типы информационно-медийных языковых личностей (журналиста, писателя, блогера, политика, наблюдателя, личность синкретичного типа) были выделены и описаны А. В. Болотновым [3].

Данное исследование посвящено анализу некоторых особенностей языковой личности музыканта на основе интерпретации образа «панельки» в его творчестве.

Объектом исследования стал медиадискурс Ильи Золотухина – вокалиста, автора текстов и лидера инди-фолк группы «Бонд с кнопкой». Выбор данной медиаперсоны связан с популярностью и актуальностью для современной молодёжи создаваемых им медиатекстов. Для медиатекстов Ильи Золотухина характерны яркая оценочность, образность, которая обеспечивается за счёт применения: 1) книжных слов и устойчивых выражений: *поле брани, невесомость, рельеф, далече, зияла, пилигримы, баркас*; 2) художественно-выразительных средств: *мы найдёмся зажатыми, слова мои калеченные, всю свою первую жизнь, хлипкий баркас, ядерных зим* (эпитеты); *мы как иссохшие пилигримы, средства речи безнадежнее тире между датами, ты улы-*

бался восторженной любви детей (сравнения); бездна требует обнять и поцеловать, сиротел дом (олицетворения); пепельная память, хранилище надежд (метафоры). Использование данных средств повышает градус эмоциональности песен Ильи Золотухина и позволяет ей усиливать воздействие на слушателей.

Риторические вопросы (*Что мы скажем друг другу ртами, полными сажу? Дом, зачем тебе дом?*), обращения и глаголы повелительного наклонения (см. фразы: *Прости меня, дорогой друг; Смотри на меня и не стыдись того, чем ты стал; Ходи, не умножай скорбь; Не прощайся и не прощай*) призывают слушателя к диалогу с лирическими героями песен.

Характерно использование кратких неполных и простых предложений (*Вместо слов / Обнимай меня; Столкни меня с кем-либо уязвимым; Мало было, мало было мне трещин*), бессоюзных сложных предложений (*Не оставь следов / Их здесь некому оставлять; Окрестности, искать своих / Окраины, хоронить своих*). Такие синтаксические конструкции используются для передачи мимолётных мыслей, эмоций и впечатлений лирических героев песен, а также способствуют более лёгкому восприятию текстов. Стоит отметить частое использование повторов – см. фразы: *Мы могли быть, мы могли быть агнцами; Это не сон всё, это не сон всё, а голая явь* – помогает ритмически организовать текст, а также подчеркнуть важные идеи, усиливать эмоции, особенность высказывания.

Прежде, чем мы обратимся к воплощению образа «панельки» в текстовой деятельности Ильи Золотухина, стоит обратить внимание на современную (на момент 2026 г.) интерпретацию. Для этого мы выделим тематические группы слов в песнях: «Киты умирают в лужах бензина» от рэп-исполнителя Найтивыход, «Молчи» от панк-рок-группы «Кис-Кис», «Портвейн» от певицы Алёны Швеи, «Между панельных домов» от Dead Blonde и «Дети немой страны» пост-панк-группы «Конец солнечных дней».

Тематические группы языковых средств, связанные с образом «панельки»

Детство и юность	Тоска, утрата надежд
Словосочетания: <i>подготовка к сессии; беспечная молодость; бросила школу; сожгла тетрадки и портфели; дети уродливых серых многоэтажек; снова лето потеряно (лето – любимое время года у школьников и студентов); дети панельных домов</i> Фразы: <i>не знали про завтра, не знали ни капли мы; я буду лишь воспоминанием, этапом или стадией; моё счастье в том, чтобы вырасти и уехать подальше отсюда; моя юность кажется вечностью; я не слушаю взрослых, мне прощают всю юность; ядовитой улыбкой сверстников провожаю; я из хрущёвки принцесса</i>	Словосочетания: <i>меж уродливых домов; больная память; невозможно обнять; покоится чья-то надежда; вид на улицы бесконечные; фасады панельных могил; опусти глаза вниз; дожить до утра; провинциальная драма; ты такой замороченный</i> Фразы: <i>не был никогда счастливым; я по тебе скучаю; закопают за подъездами пятиэтажек, я знаю, что я лишний, и я не тот, кто нужен; мысли горечи полные; быт съедает всё самое лучшее; мы с тобой, ошибки, нас уже не исправить; терпеть это суждены</i> Предложение: <i>Сколько бы дней не прошло / Я не забуду того / Того, что разрывало мне сердце / Убивало надежды и мечты сожгло</i> прецедентный текст: <i>нет уж места для нового, яркого, чистого, вечного</i> (трансформация фразы <i>Сейте разумное, доброе, вечное</i> из стихотворения «Сеятелям» А. Н. Некрасова)

Анализ языковых единиц, приведённых в таблице, позволяет понять, что «панелька» – образ противоречивый. С одной стороны, в интерпретации авторов медиатекстов она представляет собой мрачное, опасное место, где царят тоска и разруха. С другой стороны, «панелька» связана с детством и юностью, периодами человеческой жизни, связанными со свободой от проблем и забот, простыми радостями и эмоциями, которые сложно получить, будучи взрослым. «Панелька» в современной интерпретации – одновременно источник боли и воплощение тёплых воспоминаний, ностальгии по утраченным временам.

Эта же интерпретация присутствует в тексте песни Ильи Золотухина «Кухни». Песня представляет собой ностальгическую зарисовку о пространстве, которое становится символом памяти, надежд и утраченных возможностей. Кухня, по мысли исследователей Л. Н. Алёшиной и О. И. Лыткиной, является не только набором блюд, местом приготовления пищи и названием мебельного гарнитура, но и частью культурно-бытового уклада русского ментального пространства: «Кухня, процесс “кухонных посиделок” – это своеобразный ритуал, посредством которого русский человек осознаёт себя представителем русской культуры» [1, с. 37]. «Кухонные посиделки» происходят в *бережных и нежных хрущёвках* (олицетворение, прилагательные *бережных* и *нежных* часто связаны с родительскими фигурами, главными лицами в жизни любого ребёнка), *хранилище надежд для потомков* (метафора, обозначает сокровенные мечты и желания, которые прячутся внутри однотипных серых панельных зданий). Фраза «*Молоко на губах обсохло*» – трансформация устойчивого выражения «*молоко на губах не обсохло*», иронически употребляемого в адрес молодого, неопытного человека, – показывает, что лирический герой и его окружение выросли, а следовательно, изменились, и они уже никогда не будут такими, как прежде. Сочетание *могло быть*, значение которого – неопределенность и возможность, связанные с тем, что описанный сценарий мог произойти в прошлом, в предложении «*Всё могло быть неплохо*» выражает сожаление лирического героя об упущенных возможностях, тоску, которая находится в его настоящем. Сожаление и тоска лирического героя усиливаются с помощью повторов – см.: *Молоко на губах обсохло / Всё могло быть неплохо / Всё могло быть неплохо; На этих кухнях / Радостны дни твои / Радостны дни твои / Радостны дни твои*. Интересен повтор глагола повелительного наклонения *приходи* в предложении «*Когда устанешь, приходи, приходи, приходи / На кухни...*», цель которого – создать ощущение, что «панелька» всегда будет готова принять и выслушать того, кто вырос в её стенах, кто доверял ей всё самое сокровенное, что было в его голове.

В качестве заключения обобщим выделенные нами языковые особенности дискурса информационно-медийной личности музыканта. Для неё характерны: 1) яркая оценочность и образность, которая реализуется в использовании слов и словосочетаний книжного стиля и художественно-выразительных средств; 2) «любимые» художественно-выразительные средства – эпитеты, сравнения, метафоры, олицетворения; 3) использование кратких неполных и простых предложений, бессоюзных сложных предложений.

Список источников

1. Алешина Л. Н., Лыткина О. И. Лингвокультурема «кухня» в современном русском языке // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2020. № 3 (77). С. 35–41.
2. Telegram-канал «Сломанные пляски». URL: <https://t.me/brokendance> (дата обращения: 10.01.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей Telegram.
3. Болотнов А. В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности. Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2015. 274 с.
4. Ирония судьбы, или С легким паром! [Видеозапись] : [2 серии] / реж. Э. Рязанов. М. : Мосфильм, 1975. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/77331/> (дата обращения: 10.01.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей сайта Кинопоиск.

**Медиаобраз Приволжского федерального округа через призму
тематических доминант (на материале текстов сайта
Международной выставки-форума «Россия»)**

**Media image of the Volga federal district through the prism
of thematic dominants (based on the texts of the website
of the International exhibition-forum "Russia")**

Лю Сыди^{1, 2}, Лю Мэнди³

Liu Sidi^{1, 2}, Liu Mengdi³

¹ Хуабэйский политехнический университет, Таншань, Китай

Томский государственный университет, Томск, Россия

² North China University of Science and Technology, Tangshan, China

Tomsk State University, Tomsk, Russia

³ Хуабэйский политехнический университет, Таншань, Китай

North China University of Science and Technology, Tangshan, China

Научный руководитель: Наталья Георгиевна Нестерова

Томский государственный университет, Томск, Россия

nesterovatomsk@mail.ru

Scientific supervisor: Natalia Georgievna Nesterova

Tomsk State University, Tomsk, Russia

nesterovatomsk@mail.ru

Аннотация. Проанализирован медиаобраз одного из центральных регионов России – Приволжского федерального округа. Объектом анализа стали тексты, представленные на онлайн-страницах субъектов Российской Федерации Международной выставки-форума «Россия». Медиаобраз данного макрорегиона исследован через призму тематических доминант, под которыми подразумевались ключевые, повторяющиеся темы. Выделены четыре универсальные тематические доминанты, т.е. характеризующие все входящие в Приволжский федеральный округ регионы: сочетание традиций и современности, природное богатство и экологический туризм, промышленный и технологический потенциал, многонациональность и межконфессиональный мир. К числу уникальных тематических доминант (подчёркивающих своеобразие отдельных входящих в Приволжский федеральный округ регионов) отнесены: космос, оборонная промышленность, символические реликвии, вышивка, робототехника и др.

Abstract. The article is devoted to the media image of one of Russia's central regions, the Volga federal district. The object of analysis was the texts presented on the online-pages of the constituent entities of the Russian Federation in the International exhibition-forum "Russia". The media image of this macroregion is examined through the prism of thematic dominants, which are key, recurring themes. Four universal thematic dominants have been identified, that is, they characterize all regions included in the Volga federal district: a combination of tradition and modernity, natural wealth and ecotourism, industrial and technological potential,

multinationality and interfaith peace. The unique thematic dominants (emphasizing the uniqueness of individual regions within the Volga federal district) include: space, defense industry, symbolic relics, embroidery, robotics, etc.

Ключевые слова: медиаобраз, сайт выставки «Россия», Приволжский федеральный округ, тематические доминанты

Keywords: media image, website of the exhibition "Russia", Volga federal district, thematic dominants

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Китайского совета по стипендиям № [2023] 107.

В данной статье для ключевого понятия «медиаобраз» используется определение, предложенное Е. Н. Ильиной и Ю. Н. Драчёвой, в соответствии с которым медиаобраз региона понимается как «совокупность когнитивных представлений об этом регионе в отдельном медиатексте или группе медиатекстов, объединенных на том или ином основании (ограниченных тематически, временными рамками, определенными источниками» [1, с. 10]. Приведённое определение медиаобраза актуализирует тематический компонент, временной, источниковый – все они имеют решающее значение для нашего исследования.

Источником эмпирического материала стал сайт Международной выставки-форума «Россия» (далее – Выставка), которая проходила с 4 ноября 2023 г. по 8 июля 2024 г. на ВДНХ [2]. В данной статье анализируются тексты, представленные на онлайн-страницах субъектов Российской Федерации, относящихся к Приволжскому федеральному округу.

Цель статьи – выявить в изучаемых текстах тематические доминанты, отражающие универсальные и уникальные особенности Приволжского федерального округа как значимую составляющую её медиаобраза, и продемонстрировать их языковую репрезентацию.

Обзор научной литературы, посвящённой медиаобразу макрорегионов как медиалингвистическому феномену, содержится в статьях, в которых через призму тематических доминант нами было осуществлено изучение медиаобраза Сибири [3], Москвы и Московской области [4], Санкт-Петербурга и Ленинградской области [5]. В работах, составивших методологическую базу исследования, не встретились труды, в которых бы с лингвистических позиций специально описывались универсальные и уникальные особенности медиаобраза регионов Приволжского федерального округа. Отмеченный факт свидетельствует о новизне и актуальности избранного источника материала и аспекта его рассмотрения.

В данной статье в текстах онлайн-страниц 13 регионов Приволжского федерального округа удалось выделить как универсальные тематические доминанты, характеризующие все входящие в округ регионы, так и уникальные тематические доминанты, характеризующие специфику отдельных регионов. В рамках статьи представлены обобщённые результаты.

В ходе исследования выделены четыре универсальные тематические доминанты.

1. Сочетание традиций и современности. Практически все регионы подчёркивают гармоничное единство богатого историко-культурного наследия с динамичным развитием высоких технологий и современной экономики. Эта двойственность часто становится центральной темой регионов: *Гостеприимная земля, где царит гармония традиций и современности*; при этом древнее бортное пчеловодство соседствует с беспилотником «БАС-200» и мобильными играми про будущее (Башкортостан). Современная Марий Эл – это яркое сочетание древних культурных традиций и уникальных достопримечательностей; Современная Марий Эл соединяет в себе гармонию природной и культурной среды с динамикой развития высокотехнологичных производств и IT-компаний. Традиционное марийское нагрудное украшение – монисто представлено в умном зеркале, а рядом – продукция IT-вуза «Институт iSpring» (Марий Эл). Сфера, богато декорированная татарским национальным орнаментом в современном переосмыслении, символизирует этот синтез. С одной стороны – чак-чак и сказки Тукая, с другой – стратегический ракетносец Ту-160 и цифровой город Иннополис. Стенд приглашает адресатов погрузиться в прекрасный мир, где история и современность сливаются в удивительное единство (Татарстан); Так в Перми соединяются экспериментальная современность и традиции; Коллекция «Пермских богов» (традиция) и человекоподобный робот Арди с 600 микровыражениями лица (современность) – наглядное тому подтверждение (Пермский край). Экспозиция Саратовской области противопоставляет *ретро-панораму* набережной («было») и макет современного аэропорта и жилого квартала («будет»).

2. Природное богатство и экологический туризм. Регионы представляют себя как территории с уникальными ландшафтами, заповедниками и возможностями для рекреации, часто связывая природу с духовностью и здоровьем: *Природа здесь великолепна <...> Насладитесь её щедрым даром – мёдом диких пчёл!* Регион предлагает восхождения на *гору Иремель*, горнолыжный комплекс «*Абзаково*» и курорты на источниках (Башкортостан). *Наша экспозиция представляет землю великанов-Онаров, могучих лесов и хрустальных родников* (Марий Эл). Регион делает акцент на *реку Вятку* и *парейазавры* – наследия древней природы. Цветовая гамма стенда включает *зелёный – мягкий цвет природы* (Кировская область). Упор на *степные просторы*, давшие региону «*золото*» – и пшеницу, и археологические находки. Уникальность Оренбургской области демонстрирует *заповедник с лошадьми Пржевальского*. *Почти все шарики в России надувают оренбургским гелием*. Ульяновск – *город, разместивший первый в России промышленный ветропарк* (Ульяновская область).

Объединяющим символом для регионов, входящих в Приволжский федеральный округ, выступает Волга. Призыв увидеть *бескрайние волжские просторы, Жигулёвские горы, заповедник «Самарская Лука» и самые красивые волжские закаты*. *Саратовская набережная – самая протяжённая в Поволжье* (Самарская область). *Легендарные самолёты, белоснежные лопасти ветряков и великая русская Волга – всё это про наш регион*. *Широта Волги (до 40 км) и геопарк «Ундория»* – ключевые образы (Ульяновская область).

3. Промышленный и технологический потенциал. Во многих регионах акцент сделан на экономических достижениях, от агропромышленного комплекса до авиастроения, IT-кластеров и оборонных предприятий. Примечательно, что даже культурные регионы придают этому большое значение. *Татарстан – один из крупнейших нефтеперерабатывающих и химических центров России; Авиационный флагман – Казанский вертолётный завод холдинга «Вертолёт России». Сегодня это единственное предприятие в отрасли, осуществляющее полный цикл создания вертолётов; Инополис – цифровая столица страны (Татарстан). Ижевск – оружейная столица России; АК-12 принят на вооружение в Сухопутные войска; 919 IT-компаний живут и развиваются в Удмуртии; В 2024 году в Ижевске планируют начать сборку автомобиля «Лада Ларгус», а также его электрической модификации «Лада Е-Ларгус» (Удмуртия). Каждый пятый легковой автомобиль в России сходит с конвейера тольяттинского «АвтоВАЗа» <...> Все пилотируемые полёты в космос производятся на самарских ракетах-носителях (Самарская область). Каждый седьмой сердечный клапан, протезируемый в России, сделан в Пензе. Регион развивает промышленный кластер «Биомед» и IT (Пензенская область). Старейшие калийные шахты в мире – здесь (Пермский край). Чувашские инженеры создают системы электробезопасности и релейной защиты для передовых проектов – от Крымского энергомоста до атомного ледокола «Арктика» (Чувашия).*

4. Многонациональность и межконфессиональный мир. Регионы позиционируют себя как общий дом для десятков народов, что рассматривается как источник силы и культурного богатства. Этот аспект часто подаётся через гастрономию, праздники и совместную историю. *Население Республики Марий Эл отличается полиэтничностью и поликонфессиональностью; В регионе проживает более 50 национальностей: русские, мари, татары, чуваш, удмурты (Марий Эл). Мы из Удмуртии, родины пельменей, легендарного мотоцикла и, пожалуй, самого знаменитого в мире композитора (о П. И. Чайковском. – Авт.) <...> у нас проживает более 120 национальностей (Удмуртия). В Самарской области живут и трудятся представители 157 национальностей, ежегодно отмечается День дружбы народов, регион принимает события всероссийского и международного масштаба: у нас прошли X Всероссийский сельский Сабантуй, Волжский инвестиционный саммит и Всемирный день Халяль. Построен уникальный этнокультурный комплекс «Парк дружбы народов». Упоминается село Средняя Елюзань как самое крупное татарское село Европы (Пензенская область).*

Переходя к уникальным тематическим доминантам, отметим, что каждый регион представляет свою особую, часто символическую, визитную карточку. Например, **Республика Башкортостан** демонстрирует адресатам поставки мёда на МКС, сочетание нефтедобычи с высокими технологиями (беспилотник «БАС-200») и эпическое, почти космическое, гостеприимство: *Башкортостан всегда славился своим мёдом. Уже более двадцати лет Башкортостан является поставщиком мёда на Международную космическую станцию. Вперёд, сквозь время и пространство!; Республика Татарстан* позиционирует себя как статус международного центра

(KazanForum, Игры будущего, БРИКС), подчёркивает объекты, находящиеся под защитой ЮНЕСКО, и синтез восточной и западной культур: *В Татарстане сразу 4 знаковых места включены в список ЮНЕСКО <...> Казань официально утверждена столицей председательства БРИКС. В Удмуртской Республике* парадоксальное и гордое сочетание оборонной промышленности (АК), мирового музыкального наследия и кулинарного бренда.

В текстах на странице **Республики Марий Эл** культ священных рощ, традиционные серебряные украшения-обереги неожиданно сочетаются с образом региона технологических новаций: *Марийская земля известна заповедной природой, самобытной традиционной культурой <...> Марий Эл называют родиной глобальных IT-проектов.* В самопрезентации **Республики Мордовия** реализуется концепция «Мифологического дерева» (корни-традиции, ствол-народ, ветви-дела); это центральный образ экспозиции: *В центре ты прямиком попадёшь к Мифологическому дереву Мордовии. Здесь всё символично.* Оба региона обладают уникальными символическими реликвиями, отражающими глубокие верования их народов.

Чувашская Республика на сайте Выставки – это и *сакральный код* вышивки, и космические технологии: традиционная вышивка, которая позиционируется как отражение народной философии, и источник инженерной мысли – одинаково значимы. *Чувашия – край ста тысяч песен, ста тысяч слов и ста тысяч вышивок <...> чувашские инженеры создают системы электробезопасности... для атомного ледокола «Арктика».*

Так же и **Пермский край**: он сочетает в себе первобытную силу природы и является передовым инновационным регионом: *Пермский край – это центр робототехники России. Самарская область* подчёркивает свою роль «запасной столицы», космической и автомобильной кузницы страны, центра масштабных мероприятий. *В грозные годы Великой Отечественной войны [Самара стала] запасной столицей Советского Союза; Самара – город, связанный с космосом: Все пилотируемые космические полёты производятся на самарских ракетах-носителях, включая ту, что вывела в космос Юрия Гагарина; А Тольятти – столица российского автомобилестроения.*

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Приволжский федеральный округ – это весьма значимый макрорегион Российской Федерации. Он может гордиться богатым историко-культурным наследием, проявляющимся прежде всего в народных промыслах, языке и праздниках, формирующих основу его самобытности. С точки зрения национальной стратегической экономической ситуации, Приволжский федеральный округ занимает ключевое положение в энергетике, машиностроении, оборонной промышленности и сельском хозяйстве.

Особое внимание заслуживает уникальный ландшафт гармоничного сосуществования различных элементов. Мощные промышленные комплексы и сельскохозяйственные гиганты идут рука об руку, демонстрируя мощную экономическую силу. Древние культурные традиции и зарождающийся цифровой капитал переплетаются, наполняя региональный прогресс непрерывным потоком инновационной энергии.

Уникальные природные заповедники и развитая городская среда дополняют друг друга, сохраняя первозданное очарование экосистемы и предлагая удобства и комфорт современных городов.

В то же время уникальные особенности каждого региона дополняют друг друга. Таким образом, можно сказать, что главный посыл Приволжского федерального округа на Выставке – показать силу единства в многообразии. Каждый регион внёс неоценимый вклад в развитие и прогресс страны, коллективно формируя образ Приволжского федерального округа как динамичного, гостеприимного и жизненно важного центра России.

Список источников

1. Драчёва Ю. Н., Ильина Е. Н. Введение // Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации. Вологда, 2022. С. 7–14.
2. Международная выставка-форум «Россия». URL: <https://russia.ru/participants/region> (дата обращения: 18.01.2026).
3. Лю С., Нестерова Н. Г. Медиаобраз Сибири через призму научных достижений ее регионов: средства языковой презентации (на материале текстов сайта Международной выставки-форума «Россия») // Филология и человек. 2025. № 1. С. 40–54.
4. Лю С. Самопрезентация Москвы и Московской области на сайте Международной выставки-форума «Россия» // МНКО. 2025. № 6. С. 427–430.
5. Лю С. Медиаобраз Санкт-Петербурга и Ленинградской области на сайте Международной выставки-форума «Россия» // Казанская наука. 2026. № 1. С. 301–305.

Раздел V. Русская языковая картина мира и её отражение в текстовой деятельности

УДК 81'37

Парный концепт СВОБОДА-ВОЛЯ в русской языковой картине мира и в поэтическом тексте (на материале произведений А. С. Пушкина)

The paired concept of FREEDOM-LIBERTY in the Russian linguistic worldview and in the poetic text (based on the works of A. S. Pushkin)

Елена Владимировна Сергеева

Elena Vladimirovna Sergeeva

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

Аннотация. Рассмотрена специфика концепта СВОБОДА-ВОЛЯ, связанная с его парным именем, ярко выраженной аксиологичностью и влиянием этой аксиологичности на эстетическое содержание концепта в поэтическом тексте. Обосновывается актуальность и научная новизна исследования, связанная прежде всего с демонстрацией специфики экспликации аксиологического концепта языковой картины мира в художественном тексте и различной вербализации настоящего концепта творческой языковой личностью в поэтическом тексте. Представлены содержательные особенности художественного концепта СВОБОДА-ВОЛЯ в поэтическом творчестве А. С. Пушкина.

Abstract. This article examines the specifics of the concept FREEDOM-LIBERTY, related to its dual name, its pronounced axiological nature, and the influence of this axiological nature on the concept's aesthetic content in poetic texts. The relevance and scientific novelty of this study are substantiated, primarily by demonstrating the specific explication of the axiological concept of the linguistic worldview in literary texts and the various verbalizations of this concept by creative linguistic personalities within poetic texts. The substantive features of the artistic concept FREEDOM-LIBERTY in the poetic works of A. S. Pushkin are presented.

Ключевые слова: концепт, аксиологический концепт, художественный концепт

Keywords: concept, axiological concept, artistic concept

Среди актуальных проблем анализа художественного текста, к которым относятся регулятивные функции автора этого текста, эстетическая трансформация семантики языковых единиц, актуализация наиболее значимых смыслов с помощью

экспресsem, в современной лингвопоэтике выделяются вопросы художественной концептологии, связанные прежде всего с рассмотрением экспликации художественного концепта как составляющей языковой картины мира автора и исходной точки смыслового развертывания текста, задающей его формальное и образное развитие.

Нельзя не упомянуть при этом, что сам термин «концепт» в лингвистике последних десятилетий стал настолько широко употребительным, что это начало иногда вызывать сомнения в уместности концептуального анализа. Однако автору статьи подобный анализ представляется чрезвычайно плодотворным, особенно в сопоставительном аспекте – при соотнесении лингвоментальных феноменов языковой и художественной картины мира, а также при анализе концептуальных структур, имеющих одно имя, в текстах разных авторов. Актуальность и научная новизна настоящей статьи связаны прежде всего с возможностью продемонстрировать возможность специфики вербализации аксиологического концепта языковой картины мира в художественном тексте и различной (образной и безобразной) репрезентации одноименного концепта творческой языковой личностью в поэтическом тексте.

«Свобода» – это концепт, относимый к константам культуры (Ю. С. Степанов), представляющий собой телеономный концепт (С. Г. Воркачев), связанный с высшими духовными ценностями и нравственным идеалом. При этом свобода отражает динамику отношений между личностью и ее окружением.

Для русской языковой картины мира значимы взаимоотношения концепта «свобода» с концептом «воля», с которым он, как считает Н. Д. Арутюнова, всегда находился во взаимодействии. Следовательно, традиционный для русского языкового сознания концепт «воля» можно считать как смежным концептом, так и членом концептуальной пары, хотя при этом необходимо отметить, что воля-свобода также неотделима от воли-желания.

Парный концепт «свобода-воля» (или один из членов пары) был предметом рассмотрения и весьма известных ученых (А. Вежбицкой [1], В.В. Колесова [2]), и менее известных [3, 4], и совсем юных исследователей [5, 6]. Следует подчеркнуть, что традиционно работы в этой области связаны не только собственно с рассмотрением названного концепта как целостного феномена русской языковой картины мира [7], в сравнительно-сопоставительном аспекте [4, 8], как философского или религиозного понятия [9, 10], но и в качестве эстетического (художественного) лингвоментального феномена [11, 12].

На основе лексической репрезентации, словарных толкований и рассмотрения концепта в многочисленных исследованиях можно утверждать, что содержание специфического парного концепта СВОБОДА-ВОЛЯ в русской языковой картине мира имеет структуру, позволяющую говорить о составляющих, условно говоря, «юридической» и «философской» (религиозно-философской). Обе составляющие объединяет аксиологический компонент, обуславливающий представление о свободе-воле как высшей ценности – возможности для личности существовать и реализовать свой

духовный потенциал в социальной, политической, духовной, религиозной (вне греховой зависимости) жизни, будучи при этом ограниченной или не ограниченной осознанием необходимости правил, законов, установлений.

В художественном тексте значимость аксиологического компонента концепта чрезвычайно высока у поэтов и золотого века (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов), и Серебряного века (от А. Блока до О. Мандельштама), и советского-постсоветского периода (И. Бродский), причем при анализе подобного концепта возникает закономерный вопрос о степени его художественности даже в художественном тексте.

Концепт СВОБОДА-ВОЛЯ не просто включает содержательный компонент «важное, необходимое», он включает этот компонент как обладающий высокой степенью интенсивности – «чрезвычайно важное, жизненно необходимое». Представляется, что принципиальная важность этого микрополя в ассоциативно-семантическом поле концепта не позволяет автору значительно трансформировать его содержание. Вероятно, что именно по этой причине парный концепт СВОБОДА-ВОЛЯ имеет меньший эстетический потенциал, чем многие другие подобные лингвоментальные образования (СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, ГУМАННОСТЬ и др.)

Однако при любом исследовании рассмотренного лингвоментального конструкта должен возникнуть вопрос о третьей единице концептуального пространства – «вольность», и прежде всего в художественном тексте. Однако представляется, что высокая аксиологическая значимость и в данном случае противоречит эстетизации концепта, и его вербализация в тексте любого автора вследствие этого отнюдь не всегда будет художественно-образной.

Действительно, следует отметить, что концепт СВОБОДА-ВОЛЯ-ВОЛЬНОСТЬ в художественном тексте, особенно в «вольнлюбивой» русской поэзии XVIII–XIX вв., – концепт, во-первых, даже не парный, а тройственный, а во-вторых, отнюдь не всегда концепт художественный. Так, в творчестве раннего Пушкина этот конструкт фактически не может называться художественным концептом. Это концепт аксиологический, идеологический, политический, воплощенный при этом с помощью весьма узкого круга репрезентантов, среди которых наиболее частотны сами имена концепта и их дериваты-прилагательные. Свобода – «благо» («К морю») и «дар» («Свободы сеятель...»).

Определения-эпитеты *священная, святая* указывают прежде всего именно на аксиологическую значимость ядерного содержательного элемента: свобода – «наивысшая, божественная ценность». Имя концепта – существительные *свобода* и *вольность* употребляются как номинация наличия политических прав или нахождения не в рабстве, не в заключении: *И воззовешь – свобода!* («Генералу Пущину»), *И казней нет, и всем свобода...* («А. Шенье»), *И миру вечную свободу / Из мрака ссылки завещал* («Наполеон»), *Ужель свободны мы? ужели грозный пал?* («Александр»).

С лексическим представлением концепта СВОБОДА-ВОЛЯ-ВОЛЬНОСТЬ в так называемой свободолюбивой лирике А. С. Пушкина связано также классическое морализаторство Просвещения, по которому свобода – даже не *нерабство, неразврат*,

незлодеянье, а антирабство, антиразврат, антизлодеянье и которое диктует фактически формулу энциклопедистов: «свободой Рим возрос, а рабством погублен» («К Лицинию»).

Приоритетное положение слова *вольность* по отношению к слову *свобода* в политическом языке и поэзии XVIII в., несомненно, значимо для поэта: вольность для него – прежде всего политическая свобода, что обуславливает ее связь с законом. Ода «Вольность» самим своим названием указывает на ценности Просвещения, которые явно повлияли на репрезентацию концепта (свобода-вольность заслуживает прославления; закон – неотъемлемая часть вольности-свободы): *Хочу воспеть свободу миру – ...где крепко с Вольностью святой / Законов мощных сочетанье* («Вольность»). Вольность представлена в оде как явление именно социально-политическое (*народов вольность*).

Поэтому не случайно репрезентация концепта СВОБОДА-ВОЛЯ в конце 1810-х и в 1820-е гг. включает лишь единичные эстетические, образные элементы, в частности, метафоры *вольные птицы, свободы яркий день вставал*. Вербализация словосочетанием *звезда пленительного счастья* в знаменитом «К Чаадаеву» – наиболее яркое образное средство экспликации концепта в раннем творчестве поэта. Сходный вербализатор – *Свободы просвещенной прекрасная Заря* («Деревня»). В принципе, в знаменитом послании в Сибирь демонстрируется, как и в приведенных выше примерах, ядерный содержательный компонент «наличие политических прав» (помимо периферийного – «нахождение не в заключении»).

Отнюдь не всегда в петербургский период творчества Пушкина происходит концептуализация СВОБОДЫ-ВОЛИ-ВОЛЬНОСТИ как политического концепта. Еще один представленный в рассмотренных текстах частотный содержательный компонент концепта, также часто присутствующий в его поле в языковой картине мира, – «отсутствие зависимости от обязанностей и чувств, возможность полностью собой распоряжаться», выявляемый в текстах этого периода: *И лени моей бесплодной, всегда беспечной и свободной* («Тургеневу»), *Свободу потеряв навек, неволю сердцем обожаю* («Кн. Голицыной»), *Ты сотворен для сладостной свободы, Для радости, для славы, для забав* («Князю А. М. Горчакову»), *...в тиши свободы встречал я счастьем каждый день* («Дубравы, где в тиши...»), *рыцари лихие любви, свободы и вина* («Юрьеву»). Свобода поэта в «Разговоре книгопродавца с поэтом» – именно такая свобода.

Несомненно, важной особенностью концептуализации СВОБОДЫ-ВОЛИ-ВОЛЬНОСТИ как аксиологического лингвоментального конструкта является динамика содержания. Об эволюция концепта «свобода» в поэтических текстах А. С. Пушкина в свое время писали в своих тезисах В. Сандо и В. Б. Крячко [13], однако эти авторы ограничились рассмотрением всего четырех отдельных стихотворений, не охарактеризовав собственно изменения экспликации и их значимость.

В 1830-е гг. у зрелого Пушкина содержание концепта ВОЛЬНОСТЬ-СВОБОДА меняется, компонент «наивысшая, божественная ценность» остается ядерным, од-

нако смысловой элемент «наличие политических прав» перестает быть столь же значимым, как ранее, хотя его ценность подчеркивается по-прежнему: *Как был велик, как был прекрасен он, / Народов друг, спаситель их свободы* («Была пора...»). Однако в этот период явно актуализируются компоненты «духовная независимость» и «связь с творчеством». Творчеству чужды «рабы безумные», не знающие духовной свободы («Поэт и толпа»).

Весьма показательно, что в наиболее зрелых произведениях *свобода* (и ее дериват *свободный*) становятся основными номинантами концепта (т.е. актуализируется содержательный компонент «осознанность»). В стихотворении «Поэту» в словосочетании *дорога свободная* реализуется именно компонент «духовная и творческая независимость», который, тем не менее, номинируется по-прежнему также словом *воля*: *На свете счастья нет, но есть покой и воля* («Пора, мой друг, пора...»).

В программном стихотворении «Я памятник себе воздвиг...» лексема *свобода* может восприниматься и как репрезентация смысла «наличие политических прав», и как «чувство доброе», милосердное, противопоставленное жестокости века.

Свобода истинная, с точки зрения позднего Пушкина, – НЕ *громкие права*, НЕ *участь оспаривать налоги*, НЕ *возможность мешать царям друг с другом воевать*, НЕ *возможность морочить олухов*, т.е. отнюдь не свобода слова, не экономическая власть, не политические права. Это полная свобода личности, абсолютная духовная независимость: *свободная «совесть»*, *свободная эстетика*, *свободные «помыслы»* («Из Пиндемонти»).

Итак, можно с достаточными основаниями утверждать, что:

- не всякий концепт в художественном тексте – художественный концепт, что относится и к поэзии А. С. Пушкина;
- в поэзии А. С. Пушкина содержание концепта различается в ранний и зрелый периоды;
- в поэтических текстах конца 1810-х – начала 1820-х гг. ядерные компоненты концепта – «наивысшая, божественная ценность» и «наличие политических прав», периферийный – «отсутствие зависимости от обязанностей и чувств, возможность полностью собой распоряжаться»;
- в поэзии зрелого Пушкина сохраняются ядерные содержательные компоненты, однако поле концепта дополняется околядерным – «духовная и творческая независимость».

Список источников

1. Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. М. : Языки русской культуры, 1999. 780 с.
2. Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 612 с.
3. Егорова О. С., Кириллова О. А. «СВОБОДА» и «ВОЛЯ» как ключевые концепты русской культуры // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4, т. I (Гуманитарные науки). С. 161–167.

4. Семенова Е. М. Концепт «свобода» в языковой картине мира американского и русского народов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-svoboda-v-yazykovoy-kartine-mira-amerikanskogo-i-russkogo-narodov/viewer> (дата обращения: 02.03.2026).
5. Камзина А. Концепт СВОБОДА в русской языковой картине мира // Русский язык в XXI веке: исследования молодых : материалы VII междунар. науч. студ. конф. / отв. ред. Е. А. Журавлёва. Астана : Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2020. С. 49–51.
6. Павлова М. В. Концепт «СВОБОДА» в национальном самосознании народа // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 3. С. 355–356.
7. Лисицын А. Г. Анализ концепта СВОБОДА-ВОЛЯ-ВОЛЬНОСТЬ в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. URL: https://freereferats.ru/product_info.php?products_id=264693 (дата обращения: 05.03.2026).
8. Ардашева Т. Г. Языковые средства актуализации концепта 'свобода' в русском, английском и французском языках. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-aktualizatsii-kontsepta-svoboda-v-russkom-angliyskom-i-frantsuzskom-yazykah> (дата обращения: 01.03.2026).
9. Воробьева Е. Ю. Свобода как метафизический концепт // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 4 (39). С. 33–36.
10. Макарова Т. Г. Религиозный аспект концепта «СВОБОДА»: теоретические предпосылки // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2018. № 3 (34). С. 105–107.
11. Дергунова Е. Концепция «воля» и «свобода» в художественно-философском осмыслении С.А. Есенина // Современное есениноведение. Рязань, 2007. № 7. С. 115–119.
12. Киблик О. Н. Концепт «СВОБОДА» в творчестве А. С. Грина (на материале романа «Блистающий мир») // Libri Magistri. 2019. № 4 (10). С. 102–109.
13. Сандо В., Крячко В. Б. Эволюция концепта «свобода» в поэтических текстах А. С. Пушкина // 12-я научно-практическая конференция ВОЛГГТУ : сб. тез. докл. Волгоград : Волгоградский государственный технический университет, 2013. С. 276–277.

Языковая репрезентация концепта «Память» в поэзии В. М. Тушновой

Linguistic representation of concept "Memory" in poetry of V. M. Tushnova

Светлана Витальевна Чайковская

Svetlana Vital'evna Chajkovskaya

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Аннотация. Представлен анализ концепта «Память», репрезентированного в поэзии В. М. Тушновой. Память в лирике В. М. Тушновой эмоционально окрашена, индивидуальна, детализирована; это «память сердца», которая, подобно лучу, освещает то, что важно для человека. Память обладает неоднозначными характеристиками, может быть одновременно «проклятой» и «благословенной», вызывать радость и горечь. Лирическая героиня отмечает зыбкость и ненадежность памяти. Память, по мнению В. М. Тушновой, является средством преодоления забвения и небытия, сохранения любви в ее идеальной ипостаси, источником поэтического вдохновения и самой поэзией, помогает поддерживать связь между людьми.

Abstract. The article contains an analysis of concept "Memory" as represented in poetry of V. M. Tushnova. Memory in V. M. Tushnova's lyrics is emotionally colored, individual and detailed; it is the 'memory of heart,' which, like a ray, illuminates what is important to a person. Memory has ambiguous characteristics, it can be both "cursed" and "blessed", evoking joy and bitterness simultaneously. The lyrical heroine notes fleetingness and unreliability of memory. According to V. M. Tushnova, memory is a means of overcoming oblivion and nonexistence, preserving love in its ideal form, a source of poetic inspiration and poetry itself, and helps to maintain the connection between people.

Ключевые слова: концепт «Память», В. М. Тушнова, память сердца

Keywords: concept "Memory", V. M. Tushnova, memory of heart

Вероника Михайловна Тушнова (1911–1965) – русская советская поэтесса и переводчица. Ее дебютный сборник «Первая книга» вышел в 1945 г. и включил поэтический цикл «Стихи о дочери», а также произведения, написанные под впечатлением жизни во время Великой Отечественной войны и от работы В. Тушновой палатным врачом в госпиталях Казани и Москвы [1].

Наиболее полно и ярко поэтическое дарование В. Тушновой раскрылось в поздних сборниках «Память сердца» (1958), «Второе дыхание» (1961) и «Сто часов счастья» (1965), в любовной лирике. Как отмечает М. Ф. Пьяных, поэтесса сумела «в послевоенное время с наибольшей глубиной и психологической тонкостью передать в своей лирике жизнь влюблённой женской души» [2, с. 528].

Помимо концепта «Любовь», занимающего главное место в поэтическом мире В. Тушновой [3], весьма существенным для поэтессы является концепт «Память». Об этом свидетельствуют следующие статистические данные. В сборнике «Не отрекаются любя. Полное собрание стихотворений» [4] концепт «Память» представлен

243 лексемами: существительным «память»; словами, которые связаны с ним семантически и этимологически («вспоминание», «помнить», «вспомнить», «припомнить», «напомнить»), а также единицами с антонимичным значением («забыть», «позабыть», «забвенье»). Наиболее частотными из этих лексем являются: «помнить» в разных грамматических формах (71), «память» (39), «забыть/забывать» (38), «вспомнить/вспоминать» (32), «позабыть» (27).

Из четырех значений лексемы «память», представленных в «Толковом словаре государственного языка Российской Федерации», в поэтических текстах В. Тушновой реализуются три значения: «способность запоминать, сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления» [5, с. 61] (например, «как мало берегаешь ты, / короткая людская память» [4, с. 485]), «запас хранимых в сознании впечатлений» [5, с. 61] (например, «отдайте мое наследство <...> теплую память детства» [4, с. 324]) и «способность осмысленно воспринимать окружающее, отдавать отчет в своих поступках, чувствах; сознание» [5, с. 61] (например, «без памяти любимая, не скрою» [4, с. 496]).

Субъектом памяти чаще всего выступает лирическая героиня В. Тушновой. О ком и о чем она вспоминает?

Память лирической героини обращена, во-первых, к ее родным: «и я припомнила, что дед мой всю жизнь скитался по морям» [4, с. 99]; «я тебя вспоминаю солидной и важной, / с толстой мордочкой, / в капоре серого пуха» (о дочери) [4, с. 164]; «помню я, / по одной из московских улиц / мама, мама моя / в старой плюшевой шубке / одиноко шагает, слегка сутулясь» [4, с. 164].

Во-вторых, объектом воспоминаний лирической героини является она сама на разных этапах своей жизни. Например, в стихотворении «Котенок» героиня вспоминает о совершенном в детстве предательстве по отношению к домашнему питомцу [4, с. 199]. В стихотворении «Первая гроза» событие из жизни дочери (дочь поэтессы с группой школьников настигает в лесу гроза) становится отправной точкой для воспоминаний о своей «первой» грозе: «Всю жизнь её не забываешь! // Я помню – ливень лил журча, / и осмелевший мой товарищ прикрыл меня полой плаща. // А я не поднимала взгляда, / свою стговорчивость коря, / пытаюсь вымолвить: / «Не надо!» – / и ничего не говоря» [4, с. 170].

В-третьих, особенно важны для лирической героини воспоминания о возлюбленном и перипетиях любовных отношений. Воспоминания о встречах и разлуках любящих людей слиты у В. Тушновой с изображением прекрасной одухотворённой природы: «ночь была как музыка, как милость – торжественной, сияющей, нагой» [4, с. 47]; «помню празднество ветра и солнца, / эти лучшие наши часы», и ромашек медовые донца, / побелевшие от росы» [4, с. 54]; «не забуду той свежести и темноты / и широких белесых зарниц / вдали» [4, с. 189]. В реальной жизни любовь может иссякнуть, отношения с любимым человеком могут себя исчерпать. Лирическая героиня стремится сохранить любовь в идеальной её ипостаси в своей памяти и в поэзии для вечности. Для лирической героини В. Тушновой важно, помнит ли ее возлюбленный то же, что и она («а вдруг / ту полночь / ты по-другому / помнишь» [4, с. 250]).

Поэтому она неоднократно удостоверяется в этом, повторяя глагольную форму «помнишь», или умоляет возлюбленного не забывать, сохранять в памяти пережитое, повторяя форму повелительного наклонения «вспоминай»: «вспоминай мои слезы, губы, руки, стихи» [4, с. 276]. Сама лирическая героиня готова хранить память о любви бесконечно долго, что подчеркивается использованием лексем с семантикой длительности: «**всю жизнь** ее не забываешь» [4, с. 170], «я ночи той / **никогда** не забуду» [4, с. 188–189]; «мне-то это не позабыть **до гроба**» [4, с. 394].

В-четвертых, память лирической героини обращена к разным людям, с которыми ее сводит жизнь (см. хирург в госпитале из одноименного стихотворения [4, с. 20]; солдат, потерявший семью, в стихотворении «Письмо» [4, с. 31]).

Лирическая героиня В. Тушновой вспоминает различные события из своей жизни, испытанные эмоции («Вспоминаются все заботы, / все обиды и все печали» [4, с. 438]), а также исторические события, которым она стала свидетельницей. По поводу последних она не рефлексировала, а дает эмоциональную реакцию на сохранившееся в памяти: «разруха, холод, голод, темнота... / Об этом первое воспоминанье, / о корке хлеба – первая мечта» (о голоде в Поволжье из «Поэмы памяти») [4, с. 496].

В поэтических текстах В. Тушновой память характеризуется с помощью прилагательного «теплая» («Будьте великодушны, / отдайте моё наследство <...> / теплую память детства») [4, с. 324], антонимичных эпитетов «проклятая» и «благословенная», метафор и сравнений («прибежище душ бездомных» [4, с. 324], «только память об этом, / словно пленный гонец, / замурована где-то / в сотне плотных колец» [4, с. 386]).

Лирическая героиня В. Тушновой сетует на то, что человеческая память коротка [4, с. 485] и передает прошлое «тускло» и «зыбко» [4, с. 501]. Воспоминания могут вызывать стыд («Вспомню – краска в лицо от стыда бросается» [4, с. 471]). Не всё лирическая героиня хочет хранить в памяти: «Только пусть совершится чудо, / пусть я слово это забуду» [4, с. 470]. Память всю жизнь сопровождает человека: «от памяти нам никуда не деться, / не выжечь в мыслях прошлого огнем» [4, с. 36]. Однако для поэтессы память является безусловной ценностью.

Во-первых, память позволяет бороться с забвением и небытием. В «Поэме памяти» героиня В. Тушновой считает своим долгом собрать воспоминания о матери, восстановить и сохранить ее облик: «Я – оправдание твое, отрада, / я все, чем ты теперь еще жива» [4, с. 490].

Во-вторых, память тождественна для В. Тушновой поэзии. Поэзия рождается из реальной жизни, сохраненной памятью. Например, в стихотворении «Помню празднество солнца и ветра...» перечисление того, что помнит лирическая героиня, завершается утверждением: «Я, должно быть, тогда еще знала – / так рождается песня на свет» [4, с. 54].

В-третьих, память позволяет сохранять связи между людьми. Так, в «Поэме памяти» нравственный облик матери, отражавшийся в словах и поступках, которые помнит лирическая героиня, влияет на ее жизнь в настоящем: «А ты еще, помню, твердила все время / в большой, безутешной печали своей, / что нет ничего тяжелее, чем бремя / бесплодно прожитых и конченных дней» [4, с. 501].

Память в поэзии В. Тушновой не рациональна, а эмоциональна; это «память сердца». Сочетание «память сердца» отсылает к стихотворению К. Батюшкова «Мой гений», в котором «память сердца», утешающая героя в разлуке с возлюбленной, противопоставлена «рассудка памяти печальной». «Память сердца» избирательна, она выхватывает из окружающего мира и сохраняет любой предмет, который оказался чем-то дорог человеку, что подчеркивается с помощью метафор: «Память сердца! Память сердца! / Без дороги ходишь ты, – / луч, блуждающий в тумане, / в океане темноты» [4, с. 269]. «Память сердца» также охарактеризована формами сравнительной степени: «Ты теплее, ты добрее / трезвой памяти ума» [4, с. 270].

Память лирической героини В. Тушновой отличается конкретностью и детализированностью. Героиня помнит предметы вещного мира («мама моя / в старой плюшевой шубке» [4, с. 164]; «в капоре серого пуха» [4, с. 164], «фикус», «пышный китайский розан» [4, с. 324], «в разошедшемся старом буфете набор разношерстных тарелок и чашек» [4, с. 497]), внешность («возникает твоя дорогая улыбка, / и усталые плечи, и руки худые, / и глаза твои ясные и молодые» [4, с. 501]), природные явления и детали пейзажа («я не забуду / этот дождик – тоненький, реденький» [4, с. 397]; «помню только – / звезды над горами» [4, с. 464]). Отдельная вещь, запомнившаяся деталь могут превратиться в сознании лирической героини в символ: так, в стихотворении «Кукла» игрушка, потерянная девочкой на «железных скрещенных путях» [4, с. 23], превращается для лирической героини в знак мирной жизни, «обломок детства» [4, с. 23]. Привезенные в подарок из Самарканда яблоки вызывают в памяти лирической героини картины довоенной жизни и становятся ее своеобразным символом: «Я видела осеннюю прогулку, / сырой асфальт и листья без числа. // Я шла родным московским переулком / и яблоки такие же несла» [4, с. 49].

Проведенный анализ поэтических текстов В. Тушновой позволяет выделить следующие направления ассоциирования [6], отражающие разные грани концепта «Память»:

1. Память – преодоление забвения (долг поэтессы – дать умершим людям, прошедшим событиям и ушедшим в прошлое чувствам новое бытие в стихах).
2. Память – любовь (позволяет сохранить любовь в её идеальном виде).
3. Память – поэзия (поэтесса не создает в стихах новую поэтическую реальность, а передает в поэтических строчках «память сердца»).
4. Память – связь между людьми (вспоминая близких людей, лирическая героиня В. Тушновой находит в памяти нечто важное и нужное для ее сегодняшней жизни).

Список источников

1. Вероника Михайловна Тушнова // Русские писатели. Поэты (советский период). Биобиблиографический указатель. Т. 26: Н. Тихонов – И. Уткин / отв. за том Е. П. Семенова. СПб. : Российская национальная библиотека, 2005. С. 367–403.

2. Пьяных М. Ф. Тушнова Вероника Михайловна // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги : биобиблиографический словарь : в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. М. : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 3 : П–Я. С. 527–529.
3. Чайковская С. В. Вербализация концепта «Любовь» в поэзии Вероники Тушновой // Русская речевая культура и текст : материалы XIII Международной научной конференции (Томск, 16–17 мая 2024 г.) / под общ. ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск : Изд-во ТГПУ, 2024. С. 32–39.
4. Тушнова В. Не отрекаются любя. Полное собрание стихотворений. М. : Эксмо, 2021. 518 с.
5. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации : в 2 т. Т. 2 (П–Я) / под науч. ред. Н. М. Кропачева, С. А. Белова, С. А. Кузнецова. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2025. С. 5–6.
6. Болотнова Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2007. Вып. 2 (65). С. 74–79.

**Лексико-семантическая группа «Сверхъестественные существа
в гипотезах и массовой культуре»
в русском языке, речи и сознании говорящих**

**Lexico-semantic group "Supernatural beings in hypotheses and mass culture"
in the Russian language, speech, and speakers' consciousness**

Екатерина Александровна Северина

Ekaterina Alexandrovna Severina

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
Саратов, Россия

Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Научный руководитель: Ольга Юрьевна Крючкова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия
vpks@rambler.ru

Scientific supervisor: Olga Yuryevna Kryuchkova

Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia
vpks@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается лексико-семантическая группа «Сверхъестественные существа в гипотезах и массовой культуре»: структура группы, словарное представление единиц группы, их речевое функционирование (на материале Национального корпуса русского языка) и ассоциативные связи (на материале Русского ассоциативного словаря).

Abstract. The article examines the lexical-semantic group "Supernatural beings in hypotheses and mass culture": the structure of the group, the dictionary representation of the group's units, their speech functioning (based on the data from the Russian National Corpus) and associative connections (based on the data from the Russian Associative Dictionary).

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, наименования сверхъестественных существ, Национальный корпус русского языка

Keywords: lexical-semantic group, designations of supernatural beings, Russian National Corpus

Исследование динамики лексической системы русского языка в XX–XXI вв. затрагивает проблему формирования специализированных лексико-семантических групп, отражающих влияние глобальной массовой культуры и научно-фантастического дискурса. В отечественном языкознании отмечается, что подобные процессы свидетельствуют об активном взаимодействии языка и экстралингвистической реальности. Как подчеркивает М. А. Кронгауз, изучая неологизмы и заимствования, можно наблюдать, как язык «осваивает новые понятия и приспосабливается к меняющемуся миру» [1].

Исследование лексико-семантической группы, объединяющей наименования сверхъестественных существ в гипотезах и массовой культуре (таких как *инопланетянин, йети, супергерой*), позволяет проследить механизмы лексикализации новых концептов и их интеграции в русскую языковую картину мира. Важным аспектом такого анализа является несоответствие между активным употреблением подобных номинаций в речи и их фиксацией в нормативных словарях, что отмечается в современных работах по лексикографии [2]. Этот разрыв указывает на незавершенность процессов адаптации и на то, что словарные дефиниции часто отстают от живого узуса, фиксируя лишь вторичные или иронические значения.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) «Сверхъестественные существа в гипотезах и массовой культуре» сформирована на основе лексикографических источников [3–5] и данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [6] в составе 15 единиц: *Бетмен/Бэтмен, бигфут, гуманоид, женщина-кошка, инопланетянин, йети, Лох-Несское чудовище/Лохнесское чудовище/Несси, марсианин, пришелец* (в знач. «инопланетянин»), *снежный человек, спайдермен/спайдермэн, супергерой, супервумен/супервумэн, супермен/супермэн, человек-паук*. Она отражает мощное влияние глобальной медиакультуры и научной фантастики на языковое сознание носителей русского языка.

Лексикографический анализ свидетельствует о значительном разрыве между узуальным употреблением данных номинаций и их фиксацией в нормативных словарях. Большинство единиц, в частности *Бетмен/Бэтмен, бигфут, Лох-Несское чудовище / Лохнесское чудовище / Несси* и др., отсутствуют в толковых словарях. Это указывает на незавершенность процесса лексикализации и на то, что лексикография отстает от реальных процессов в живой речи.

В современных толковых словарях русского языка [7–10] зафиксировано семь лексических единиц: *гуманоид, инопланетянин, йети, марсианин, пришелец, супергерой, супермен/супермэн*.

По данным лексикографических источников значение сверхъестественного существа первично у слов *гуманоид, инопланетянин, йети, марсианин*. У слов *гуманоид, йети* и *марсианин* оно единственное.

Для лексемы *пришелец* значение сверхъестественного существа вторично, однако в одном из используемых в исследовании толковых словарей оно указывается как первичное, ср.:

Пришелец – м. 1. Существо из другого мира, с другой планеты; инопланетянин. 2. Пришлый, не местный человек [10, с. 996].

При этом даже для зафиксированных единиц словарные дефиниции часто отражают лишь переносные или иронические значения, ср.:

Супергерой – м. О мужчине, обладающем яркими качествами героя [10, с. 1290];

Супермен [мэ] – м. (ирон.). Человек, к-рый считает себя стоящим выше других [8, с. 1161].

Это контрастирует с активным использованием данных лексем в речи в их прямом значении вымышленного персонажа с особыми способностями, ср. в НКРЯ:

В большевистском героическом нарративе они превратились в аналогов рыцарей Круглого стола или **супергероев** из Вселенной Marvel: костюмированные секретные личности, **обладающие сверхспособностями** (Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017));

Они имеют мало общего с неуязвимыми **суперменами**, людьми из железа, робопандами и робертами (Александр Волков. Жить среди механических «людей» // Знание – сила. 2013).

Исследование функционирования данных единиц на материале НКРЯ показывает их относительно низкую общую частотность (0,0018 % от объема корпуса), что закономерно для новой и активно формирующейся лексической группы. При этом ядро подгруппы образуют единицы *инопланетянин*, *марсианин* и *пришелец*, демонстрирующие наибольшую частотность употребления (от 774 до 996). На периферии находятся такие лексемы, как *супервумен* (4 употребления) и *спайдермен* (7 употреблений).

Материалы НКРЯ ярко иллюстрируют тематическую общность группы, ср.:

Ему никто не мешает возиться со своими игрушками: его дом забит фигурами Бэтмена, Человека-паука, Женщины-кошки и прочих суперменов (Ирина Прусс. Отец, муж, мальчишка // Знание – сила. 2010).

Важнейшей характеристикой функционирования данных лексем является активное развитие переносных метафорических значений, которые становятся основой для экспрессивных и оценочных характеристик человека. Например, лексемы *инопланетянин* и *марсианин* часто применяют к людям, чьи поступки или облик кажутся необычными, чуждыми или непонятными, ср.:

Так почему же все смотрят на меня так, словно я инопланетянин?! (Николай Довгай. Человек с квадратной головой // Менестрель. 2012);

В Тимирязевском музее его многочисленные сотрудники смотрели на меня как на марсианина или ископаемое, вроде неандертальского воскрешенного – никто никогда, кроме экскурсий, в музее не бывает (Варлам Шаламов. Дневники (1954–1979)).

Лексема *супергерой* приобретает значение человека, совершающего самоотверженный поступок, а *Бэтмен* – того, кто неожиданно появляется для помощи и так же таинственно исчезает, ср.:

Затем, в последние 5 секунд, наш персонаж спасает тонущую собачку, и зрители видят, что он настоящий добрый супергерой (Родная речь (2003) // Лесное хозяйство. 01.05.2003);

Милиция появлялась неожиданно, словно Бэтмен (Анвар Тавобов. Глаз да глаз кругом (2002) // Вечерняя Москва. 10.10.2002).

Это свидетельствует о глубокой семантической адаптации заимствованных концептов, их встраивании в систему русской языковой картины мира через механизмы метафоризации.

Наблюдается также устойчивая сочетаемость с определенными концептуальными областями, например, номинация *пришелец* образует словосочетание *пришелец из космоса*, ср.:

О советском дизайне обычно говорят как о *пришельцах из космоса* (Елена Игумнова. Красавицы и чудовища // Теория моды. 2013).

Значительную роль в функционировании рассматриваемых единиц играет связь с прецедентными текстами и феноменами (комиксами, фильмами), что подтверждается отсылками к конкретным произведениям, ср.:

Вот Кристофер Нолан (режиссер нескольких *фильмов о Бэтмене* – «РР») – счастливчик... (Юлия Идлис. Зло наступает постепенно // Русский репортер. 2013).

Ассоциативные эксперименты, данные которых зафиксированы в «Русском ассоциативном словаре» [11], выявили разную степень укорененности лексем ЛСГ в сознании носителей языка. Номинации инопланетных существ (*гуманоид, инопланетянин, пришелец*) демонстрируют высокую степень структурированности, проявляющуюся в устойчивых парадигматических (синонимических) и тематических связях, ср.:

на S *гуманоид* – R: *инопланетянин* (15), *пришелец* (2), *марсианин* (1);

R *гуманоид* на S *инопланетянин* (5);

на S *инопланетянин* – R: *гуманоид* (5), *марсианин* (3), *пришелец* (2);

на S *инопланетянин* – R: *НЛО* (11), *Марс* (4), *с Марса* (2), *др. галактика* (1), *из Марса* (1), *космос* (1), *летающая тарелка* (1);

на S *пришелец* – R: *из космоса* (21), *космос* (9), *НЛО* (6), *с Луны* (3), *с другой планеты* (2), *с Марса* (2), *звезд* (1), *звезды* (1), *Земля* (1), *космоса* (1), *Луна* (1), *планета* (1), *с Земли* (1), *с планеты* (1), *с Юпитера* (1).

Это указывает на сформированность соответствующего концептуального фрагмента в языковом сознании. Номинации супергероев, напротив, практически отсутствуют в ассоциативных словарях, что говорит об их сравнительной новизне и меньшей интеграции в глубинные слои ассоциативно-вербальной сети носителей русского языка, представляющей язык, по Ю. Н. Караулову, «в его предречевой готовности».

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Воздействие глобальной медиакультуры ведет к формированию новых лексико-семантических групп, таких как «Сверхъестественные существа в гипотезах и массовой культуре». Их появление подтверждает активную связь языка с внешней реальностью.

2. Наблюдается значительный разрыв между узусом и нормой: многие лексемы либо отсутствуют в словарях, либо фиксируются с запозданием, часто лишь в переносных значениях, тогда как в речи активно используются слова с прямыми значениями.

3. Ключевым механизмом адаптации новых концептов является метафоризация. Лексемы группы (*инопланетянин, супергерой*) развивают переносные значения для характеристики человека, что свидетельствует об их интеграции в языковую картину мира.

4. Ядро составляют устоявшиеся понятия об инопланетных существах, такие как *инопланетянин, марсианин* и *пришелец* (высокая частотность, сильные ассоциативные связи). Номинации супергероев остаются на периферии, что указывает на их сравнительную новизну и незавершенность освоения.

Таким образом, язык активно реагирует на новые явления, но процессы их лексикализации и фиксации в словарях и сознании носителей языка происходят с разной скоростью и глубиной.

Список источников

1. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М. : Знак, 2008. 232 с.
2. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 334 с.
3. Русский семантический словарь : толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 6 т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 2003. Т. 3. 720 с.
4. Ладыгин М. Б., Ладыгина О. М. Краткий мифологический словарь. М. : Изд-во НОУ «Полярная звезда», 2003. 109 с.
5. Королев К. М. Энциклопедия сверхъестественных существ М. : Эксмо; СПб. : Мидгард, 2005. 716 с.
6. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 22.01.2026).
7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М. : Русский язык, 2001. Т. 1: А–О. 1232 с. ; Т. 2: П–Я. 1088 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1997. 944 с.
9. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка М. : Аделант, 2014. 800 с.
10. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2008. 1534 с.
11. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Ю. А. Сорокин [и др.]. М. : Астрель, 2002. 784 с.

Дискурсивная практика подростка: картина мира и самоидентификация

Adolescent discursive practice: worldview and self-identification

Дарья Сергеевна Кремер

Daria Sergeevna Kremer

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
Саратов, Россия

Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Аннотация. На основе анализа дискурсивной практики семейного общения девочки старшего школьного возраста охарактеризована репрезентируемая картина мира подростка, в которой актуальными являются семантические поля *учёба, семья, дружба, любовь, свободное время*, характеризующиеся противоречивой шкалой оценок. Обнаружены устойчивые аксиологические ценности молодой личности: любовь к родной стране, крепкие дружеские связи, традиционные семейные ценности.

Abstract. Based on the analysis of the discursive practice of family communication by an older schoolgirl, the article characterizes the adolescent's represented worldview, which includes the following semantic fields education, family, friendship, love, and leisure time, all of which have conflicting evaluation scales. The article also identifies the young person's stable axiological values, such as love for their country, strong friendships, and traditional family values.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, картина мира, семантическое поле, самопрезентация, аксиология, стилистически маркированная лексика

Keywords: discourse analysis, worldview, semantic field, self-presentation, axiology, and stylistically marked vocabulary

Изучение дискурсивных практик – оптимального способа научного осмысления «коммуникативной реальности» [1, с. 228] – позволяет исследователю получить представление о картине мира, запечатлённой в сознании и репрезентирующей средствами языка [2, с. 400], поскольку в дискурсе отражены не только языковые формы высказываний, но и содержится оценочная информация, социальные характеристики коммуникантов, их фоновые знания [3]. Самопрезентация личности – процесс постоянного предъявления Я-информации в межличностном взаимодействии, независимо от осознаваемости субъектом самопрезентации своих поведенческих действий [4, с. 28].

Дискурсивная практика подростков изучается в различных аспектах, прежде всего как часть молодёжного дискурса, определенного социума, индивидуумы которого проходят социализацию [3], переживают транзитный этап становления личности и созревания [5, с. 16]. Исследуется свойственное подросткам коммуникативное поведение [5], влияние интернет-коммуникации на формирование их языкового сознания [6], особенности устного дискурса публичных выступлений [7], языковой

портрет [8], уровень речевой культуры [9]. При этом форматы молодёжного дискурса, т.е. проявления данного феномена в разных ипостасях, изучены мало [5, с. 7], в том числе практически не исследована устная речь подростка в семейном общении.

Задача данной работы – на основе анализа дискурсивной практики охарактеризовать репрезентируемую картину мира подростка (девочки Лизы 16 лет) и специфику самопрезентации в ней личности. Материалом для исследования выступает устная речь подростка, записанная в ситуации свободного семейного общения в течение 2024–2026 гг. методом включённого наблюдения общим объёмом 40 000 словоупотреблений.

Репрезентация картины мира в устном подростковом дискурсе может быть представлена, по мнению Л. А. Назаровой, перечнем базовых элементов, которыми являются системообразующие концепты *школа, путешествие, ответственность, друзья, свобода*, отмеченные выраженной оценочностью и ассоциативным потенциалом [10, с. 5]. В нашем исследовании картина мира в устном дискурсе подростка в рамках семейного общения рассматривается в отражении наиболее актуальных семантических полей, организованных вокруг доминантных центров: *учёба, семья, дружба, любовь, свободное время*.

Одним из важнейших в анализируемой дискурсивной практике является семантическое поле *учёба*. С одной стороны, в речевом поведении подростка проявляется недовольство большими нагрузками, нежелание учиться, домашние задания называются *фигня, хрень, дрянное* (задание): *Ба / давай // Я пошла делать эту фигню / хрень //; Ну почему мне такое сложное? Ну почему она мне такое дрянное дала? Блин / Ритке она дала / блин / любовь / эт ваще самое простое //*. Создается впечатление, что девочка специально произносит фамилии литературных героев неправильно: *МелЕхов, СобАкович*: *Ну всё / я не знаю / у меня ничё не складывается // Не складывается ничего // Ну вот у меня «Эволюция характера Григория МелЕхова»*.

С другой стороны, представляется, что на подростка влияют положительно такие предметы, как литература, история, они заставляют задуматься над происходящим вокруг. Например, у девочки вызвал интерес роман М. Булгакова «Дни Турбиных»: *Оказывается / это уже всё было на Украине / в Киеве / это у них не первый раз то что сейчас / гетман там какой-то // И немцы откуда-то там взялись //*. Искреннее возмущение девочки вызывает то, что её друзья не знают её любимого стихотворения «Жди меня, и я вернусь» К. М. Симонова: *Представляешь / они даже не знают «Жди меня» // Я им рассказала //*.

Взгляды девочки на семейные отношения отражаются в процессе обсуждения судеб литературных героев. Любовные метания одного из главных героев, его измены законной жене категорично осуждаются: *Нет / а вот кстати / я прочитала про этого МелЕхова / он тоже какой-то идиот / по-моему / вот // Он / значит / сначала он влюбляется в эту / в Аксинью / которая замужняя / вот / всё у них там / любовь / морковь / потом / значит / его женят... на ком его женят? На Наталье / короче // Наталью он не любит / вот / но после войны / значит / он бросает эту опять Аксинью / или чё-т такое там опять было / возвращается / значит / в семью*

// Потом семью он опять бросает и уходит с Аксиньей // Не / я просто не понимаю / чё за бред // Чё за бред-то?

Хочется обратить внимание на то, как сочетается в этом монологе искреннее негодование девочки в связи с недостойным, по её мнению, поведением Мелехова (он влюбляется в эту / в Аксинью; он бросает эту опять Аксинью и т.д.) и резкая, сниженная, будто маскирующая её истинные чувства форма выражения отношения к этому поведению (любовь / морковь /; чё за бред // Чё за бред-то?)

Важное место в картине мира девочки занимает семантическое поле *семья*, однако её отношение, например, к родителям, не всегда в речевом отношении можно оценить положительно. Например, поведение папы в магазине косметики ею высмеивается, пародируется его возмущение высокой ценой товара, в речи наблюдаем грубую разговорную и жаргонную лексику: *Ну мы стоим с Э-ой // Я ей показываю (тушь для ресниц) и он говорит / Сколько! (кричит возмущённо) Пятьсот рублей! Я это... не собираюсь покупать // Я говорю / пап / ну зачем ты там так орёшь / если те чёт не понравилось / просто можно сказать / нет / и мы уйдём // Он заорал вот это и потом купил ей тушь // За пятьсот пятьдесят // **Ваше жёсть** //* Другой пример: в диалоге с бабушкой речь девочки очевидно диссонирует по отбору языковых средств для передачи отношения к ней: Б. *Я тут открыла для себя сырники // Вот // Это // Ты умеешь их делать? Слушай / оказывается / так легко // Вот вкуснятина // – Л. **Мама делает чё-та** // – Б. Знаешь / как вкусно / берёшь / короче / всего лишь пачку творога / короче / одно яйцо / три ложки / это как её / муки // Просто всё мешаешь / ванилин // Эт такая вкусняшка ваще // – Л. **Ни фига се / баб // Ну ты / конечно / Америку открыла** //* (Сравним: *Слушай, оказывается, вот вкуснятина, такая вкусняшка – у бабушки, и: Мама делает чё-та; Ни фига се / баб // Ну ты / конечно / Америку открыла // – у внучки*).

В то же время в других ситуациях проявляется нежное, уважительное отношение к родителям, их поведение одобряется, например: *Они там моих родителей встретили // Там **папа им / Добрый вечер** // Эти сразу заорали / А Лиза уже домой ушла (изображает) // Вот // И всё такое //* Отношения между родителями и детьми в семье оцениваются через сравнение с отношениями в семьях подруг: – Л.: *Причём / у неё мама ваще такая **жёсткая женицина** // Не отпускает два раза гулять там / проверяет все сумки // – Мама: У тя мама ваще просто божий одуванчик // – Л.: Ну я не сказала бы //*

Особое место в картине мира девочки занимает родной город, точнее – тот район, в котором живет, он расположен в лесном массиве, на горном ландшафте. Девочка с гордостью рассказывает близким: *Они мне говорят / Лиза / ну / конечно / **ты живёшь в сказке** //* Её равнодушное, трогательное отношение к прошлому отражается в таком монологе: *Потом я им показала келью / ну там (всхлипывает) засыпало снегом / короче // **Келья / блин/ я расстроилась / я хотела показать келью монаха** //*

Семантическое поле *дружба* является одним из самых представленных в анализируемом материале. Друзья получают уменьшительно-ласкательные имена: *Мак-*

сончик, Никитос, Серый, Сэм, Славян, враги наделяются оскорбительными прозвищами-дразнилками: *Алёнка гаси пузом; Машиа бодибилдер, Матвейка-канарейка*. Оценочные слова из сферы молодежной жаргонной лексики здесь частотны: ***Шлёп-компания дебильных дур / ещё есть отбросики / кучка людишек / с которыми никто не общается //***; *Ан-на ему не нравится / и А-ия ему не нравится / потому что они все дебилки //*; *И эта перестала со мной общаться / потому что у неё же парень / тупорылая дура //*.

По-настоящему дружеские отношения в речи девочки выражаются через употребление нейтрального по окраске глагола *общаться* и глагола с некоторой книжной окраской *контактировать*. Для передачи сложностей в отношениях с друзьями девочка ограничивается мягким по окраске разговорным фразеологизмом *бегать как хвостик*: *Я теперь общаюсь больше с Варей / чем с ней//; Я говорю / в смысле / ты сама со мной не общаешься / а я ещё и виновата / мне что / за тобой бегать как хвостик типа? Я вот вообще ничё не понимаю / вот / они с нами не контактируют //*.

В рассказах о ссорах и конфликтах между друзьями подросток употребляет (если ограничиться глагольной лексикой или устойчивыми сочетаниями с глаголом в роли стержневого слова): литературные (*извиниться, обидеться, верить, завидовать*), разговорные (*смолчать, лезть в отношения*), просторечные (*нагнать сто куч, поливать грязью*), жаргонные (*предъявить, разобраться, чморить*), даже скатологические (*засрать, обосрать*). Приведем типичные контексты: *Я / блин / обиделась на неё //*; *А потом меня просто чморят за моей спиной //*; *Вот за это / типа / мне предъявляла //*; *В тот же вечер она меня засрала / вот / Никитосу / вот / я опять смолчала / типа / потому что ну я не знаю / я не хочу уже разбираться / вот //*; *Мы вообще ничё не понимаем / на нас нагнали просто сто куч //* *В-рю там вообще просто А-ия поливает грязью //*. Такая пестрота в использовании процессуальной лексики свидетельствует, с одной стороны, о довольно богатом глагольном лексиконе девочки, с другой – о неспособности подростка пока сдерживать свои чувства и ограничивать речь сообразно социальным, этическим и т. п. нормам. Самоидентификация в устном дискурсе в этом семантическом поле обнаруживается в стремлении избегать ссор, конфликтов и сплетен, что выражается в частотности восклицаний типа *я в шоке; это бред; я вообще ничё не понимаю*.

Пробуждение чувств, стремление к романтическим отношениям оттесняют конфликтогенную сферу на периферию общения, резкость в характеристиках снижается, оценки становятся более мягкими: *А-ия про меня сказала / то что я завидую ей / то что у неё есть парень / вот / то что я лезу в их отношения / то что я ничё не понимаю в отношениях и она мне не верит*.

Семантическое поле *любовь* начинает занимать пространство *дружбы*, речевое проявление его характеризуется снижением градуса резких оценочных характеристик, диапазон стилистических средств сужается: *Мы идём / они (молодые люди) идут сзади //* *Чё-то угорают //* *И только мы выходим / они говорят / не хотите ли познакомиться? Вот //* *Да //* *Просто //* *Я начинаю орать / Не / не / мы не хотим / у меня астма //* *Вот/ / Они вдвоём проходят мимо и говорят //* *Потеряли такого*

парня / Мог бы быть вашим // Ну всё / я буду плакать // Ну / я сижу с Кирой // Я просто сижу / вот / выходят два парня / ой / три // И значит / они проходят / **один на меня просто вот так смотрел** / я думала / он меня съест / и потом / значит / доходит до конца коридора / вот / вот так вот поворачивается и **кричит** вот так вот / **Здравствуйте** // Потом ещё какой-то парень с ним здассте сказал / и они ушли // Я им крикнула / **Здравствуйте и До свидания** / вот и всё //

Самоидентификация в данном тематическом поле обнаруживается в двух основных чертах. Во-первых, внимание со стороны мужского пола, не без некоторой усиленной оценочности, характеризуется как опасная ситуация: *Сегодня был **беспредел** // Я уже боюсь ходить в этот институт // Ну / потому что ваще **пипец** какой-то / **нашествие мужиков** этих //*. Во-вторых, инициатива знакомства со стороны молодых людей решительно отвергается.

Очень осторожно, намёками в разговорах с женской частью семьи раскрывается тема секса: *Потом все узнали то / что у Д-ны дома на втором этаже / **они там типа остались** / ну вы поняли / чё они там делали //* И потом Никита этот рассказал вообще / причём нас никто не спросил / мы хотим это знать или нет //; Я так понимаю и А-ия с Д-ом там уже всё / **чпоки** / **чпоки** все были / вот //

Как видим, для именовании интимных отношений используются описательные конструкции *они там типа остались*; *ну вы поняли / чё они там делали*, а также эвфемизм *чпоки-чпоки*. С точки зрения самоидентификации, важно проявляющееся в речи отрицательное отношение девочки к данным ситуациям, что выражается в поддержке недовольства хозяйки дома, где встречались влюблённые, в осуждении обнародования одним из членов компании этого события, в уверенности в том, что это личное дело двоих.

И последним актуальным для подростка семантическим полем является *свободное время*. В устной речи зафиксировано несколько фрагментов, посвящённых свободному времени. Различается городской и загородный, летний и зимний досуг молодёжи. Городское свободное время связано с посещением музыкальных вечеринок в клубах, с прохождением сложных квестов. В дискурсе используется большое количество иноязычной лексики: *блейзы* (тусовки), *рэперы*, *квест*, *хард-режим*, *скримеры*. Например: ***Блейз** / это просто тусовка так называется //* Тусовка / там всегда приезжают всякие ***рэперы*** / эти / музыканты //; Мы подписали бумаги там / кто выбрал ***хард-режим*** / я выбрала обыкновенный / стандартный //; Но этот ***квест*** не страшный / там не было ни ***скримеров*** / ни таких уж страшных героев //

Загородные развлечения связаны с летними пешими походами, с велопрогулками в соседние деревни, купанием на Волге. Свободное время зимой в городе – лыжи, коньки. Отношения с друзьями ярко проявляются в рассказе о зимнем катании на горках: *Мы пришли / я говорю / вот / место / где все **катаются** //* Они ***прыгали там / сальтухи делали в снег*** / вот / угорали // ***Визжат*** / короче / какие ***классные горки*** //

В рассказе о зимнем отдыхе своеобразно проявляется самопрезентация девочки, которая, копируя поведение мамы, заботится о друзьях мальчишках: *Все пошли без*

шапок / вот / без варежек // Я ходила / всех застёгивала / вот / ну потому что холодно / палец / вот // .

В семантическом поле *свободное время* актуализируется тема алкоголя, которая в основном характеризует поведение мальчиков: *Пошли в лес / вот / они там / короче опять гасились // вот // Они купили водку / вот / колу //; То есть они после этого водопрода пошли пить / бухать на Волгу //; Ну / они там прибухивают / вот конечно же //.*

Таким образом, анализ дискурсивной практики девочки позволил охарактеризовать картину мира подростка, в которой актуальными являются такие семантические поля, как *учёба, семья, дружба, любовь, свободное время*, характеризующиеся противоречивой шкалой оценок. Однако при всей противоречивости дискурсивная практика обнаруживает устойчивые аксиологические ценности молодой личности: любовь к родной стране, крепкие дружеские связи, традиционные семейные ценности.

Список источников

1. Иссерс О. С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 227–232.
2. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как язык лингвистического описания // Известия. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 396–405.
3. Русанова А. Г. Молодёжный дискурс в свете тезаурусного подхода // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 9. URL: <https://zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Rusanova/> (дата обращения: 10.02.2026).
4. Пикулёва О. А. Социальная психология самопрезентации личности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2014. 45 с.
5. Бекжанова Ж. Е. Молодежный дискурс: сущность, функции, форматы. М., 2018. 277 с.
6. Подгорная Е. А. Влияние интернет-коммуникации на формирование образов языкового сознания подростка (по данным психологического эксперимента) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2010. 24 с.
7. Чагина И. Ю. Коммуникативное поведение представителей старшего подросткового и юношеского возраста в условиях публичного выступления с информационной речью // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2011. № 1. С. 182–187.
8. Казакова Е. В. Языковой портрет современного подростка // Филологическое образование в период детства. 2016. № 23. С. 67–70.
9. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000. 240 с.
10. Назарова Л. А. Подростковый дискурс: функционально-прагматический аспект (на материале русского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2014. 24 с.

Раздел VI. Русская речь в межкультурном общении

УДК 81-119; 81-13

Образ России в языковом сознании современных представителей африканской лингвокультуры

The image of Russia in the linguistic consciousness of modern representatives of african linguoculture

Анна Владимировна Курьянович

Anna Vladimirovna Kuryanovich

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Аннотация. Изучается образа России в аспекте восприятия современными представителями африканской лингвокультуры на основании данных социолингвистического опроса и лингвистического ассоциативного эксперимента. Актуальность исследования определяется интересом к проблеме кросскультурной коммуникации между Россией и странами Африки в условиях современного расширяющегося взаимодействия. Отмечается, что восприятие образа России у африканцев во многом зависит от доступных им источников информации, личного опыта и культурных представлений. В большинстве случаев его формируют представления о большой территории, государственной мощи, национальном культурном достоянии, развитой науке.

Abstract. This article examines the image of Russia as perceived by contemporary representatives of African linguistic cultures, based on data from a sociolinguistic survey and a linguistic associative experiment. The relevance of the study stems from interest in the issue of cross-cultural communication between Russia and African countries in the context of today's expanding interactions. It is noted that Africans' perception of Russia is largely dependent on available sources of information, personal experience, and cultural beliefs. In most cases, this perception is shaped by notions of Russia's vast territory, state power, national cultural heritage, and advanced science.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, Россия, Африка, Республика Кения, русская лингвокультура, африканская лингвокультура, социолингвистический опрос, лингвистический ассоциативный эксперимент

Keywords: intercultural interaction, Russia, Africa, the Republic of Kenya, Russian linguistic culture, African linguistic culture, sociolinguistic survey, linguistic associative experiment

Современную науку отличает междисциплинарный характер. К перечню универсальных объектов рассмотрения можно отнести понятие «образ страны», интерес к которому сегодня проявляют представители имагинальной географии, культурной

антропологии, рекламного и туристического бизнеса, социологии и философии, а также лингвистики и смежных с ней наук.

Понятие «образ страны» стало разрабатываться и прочно вошло в научное употребление благодаря исследованиям в рамках философско-культурологической (Г. Д. Гачев, Ю. М. Лотман), этнологической (Я. В. Чеснов), лингвокультурологической (С. Г. Тер-Минасова, О. Д. Волкогонова, А. П. Гуревич), социокультурной (Э. А. Галумов) научных школ. Активно понятие разрабатывается представителями новых отраслей научного знания – страновой имиджеологии (А. А. Гравер) и транскультурной имагологии (О. Ю. Поляков, О. А. Полякова, В. П. Трыков). *Образ страны*, или *национальный образ*, понимается как «форма этнокультурной идентификации определенной национально-государственной общности» [1, с. 8], «сформировавшееся устойчивое представление о сущностных типических чертах определенной нации, которое находит свое выражение в вербальных и невербальных формах» [там же, с. 13].

Мы солидарны с точкой зрения С. К. Милославской, предложившей выделять в образе страны представления о ней как 1) земле и государстве (в сочетании географической, исторической, политической, экономической, социальной, конфессиональной, культурной характеристик); 2) народе и отражении его физических, социальных, духовных и культурных качеств в восприятии «других»; 3) языке – сквозь призму его возникновения и развития, особенностей функционирования как в пределах исконного обитания говорящего на нем народа, так и за этими пределами [2, с. 49–50]. Отметим также обязательное наличие в содержательной характеристике образа страны аксиологически значимых компонентов.

Образ России эволюционирует на протяжении всей истории своего изучения в мировой лингвистике [3]. Отметим устойчивый интерес исследователей к рассмотрению образа России в рецепции представителей различных лингвокультурных сообществ: стран Европы (М. И. Ведерникова, Н. Ю. Лапшина, Ю. Г. Чернышов), Азии (Р. В. Михайлов, И. А. Толстокулаков), в том числе Китая (А. О. Виноградов, А. А. Токарев, Т. Ю. Трухина), Америки (М. К. Польскова, В. Д. Поздеева, В. П. Трыко), стран СНГ (В. А. Адилев, Е. Е. Новикова, О. П. Фесенко). Плодотворным сегодня является описание теоретических обоснований применения образа России в лингводидактических целях [4].

Разноаспектные работы по изучению образа России в рецепции этносов и народов, населяющих Африку, сегодня начинают звучать с новой силой с учетом наращивания российского присутствия на африканском континенте (см. работы А. Б. Давыдсона, О. И. Кавыкина, А. А. Панова, А. А. Сидорова). Чаще других обсуждается вопрос изучения «советского наследия» в образе России (Д. М. Бондаренко). В статьях Ю. В. Зинькиной и ее коллег, например, анализируется образ современной России в восприятии граждан Кении – одной из восточноафриканских стран [5]. Учеными отмечаются такие компоненты этого образа, как фигура сильного президента – влиятельного во всем мире стратега и геополитика, наличие мощной сырьевой и научно-технической базы, в первую очередь, связанной с добычей и экспортом нефти

и газа. Из отрицательных черт африканцы констатируют коррупцию и отсутствие инвестиций в африканскую экономику, а также «наличие огромной информационной лакуны в освещении российских новостей африканскими СМИ» [5, с. 11] вследствие ограниченности доступа к информации из российских источников. Для тех африканцев, кому удалось побывать в России, основополагающим для формирования имиджа России выступает личный опыт. При этом ученые единодушно указывают на факт присутствия у кенийцев весьма скудной информации о России, которая касается преимущественно общей страновой характеристики.

Интересные данные по вопросу представления образа России в сознании носителей иных лингвокультурных сообществ получены коллективом специалистов Томского государственного педагогического университета, на протяжении трех лет (с 2023 по 2025 г.) изучающих вопросы кросскультурного, в том числе образовательного, взаимодействия России и Кении. В ряде публикаций авторов отражены наблюдения, фиксирующие своеобразие восприятия фактов русской культуры, истории, быта, образования, а также русского языка в рецепции граждан Республики Кения [6, 7].

Кения – типично африканская страна со свойственными африканской лингвокультуре чертами, главными из которых можно считать полиэтничность и полиязычие. Страну населяют представители порядка 40 этнических групп, из которых наиболее крупными являются кикуйю, луо, лухья, масаи. Кенийцы, помимо своих родных племенных языков, используют в качестве языка межнационального общения и первого государственного языка суахили, а также свободно говорят на английском языке – втором государственном языке, доставшимся «в наследство» от колониального прошлого.

Цель данной статьи – экспериментальное изучение содержательного наполнения образа России, существующего в сознании представителей современной африканской лингвокультуры. Методы исследования: социолингвистический опрос и лингвистический ассоциативный эксперимент, проведенные в 2024–2025 гг. в аудитории слушателей Центра открытого образования на русском языке (г. Найроби, Кения, Восточная Африка).

В опросе приняли участие 103 человека, подавляющее большинство из которых составили мужчины (86 человек, или 83,5 % от общего числа респондентов). Более 94 % респондентов относятся к категории молодых людей, принадлежат так называемым поколениям Z и миллениалам (возраст от 18 до 34 лет). Уровень владения русским языком – от нулевого до A2. Обозначенные характеристики реципиентов являются ключевыми, поскольку отражают уровень их включенности в межкультурную коммуникацию посредством медийных каналов (социальные сети, государственное телевидение), а также позволяют сформировать адекватное представление о тематическом и содержательном наполнении этого взаимодействия.

Информантам предлагалось выбрать один или несколько ответов на вопрос: *Какие слова-реакции возникают у вас в сознании, когда вы слышите слово-стимул **Россия**?* В числе вариантов ответов приводились следующие лексические единицы: *образование (Education), культура (Culture), технологии (Technology), политика*

(*Politics*), *спорт* (*Sports*), *литература и фольклор* (*Literature, folklore*), *религия, православие* (*Religion: Orthodox Christianity*). У информантов также была возможность указать собственные ассоциаты на слово-стимул.

Полученные данные позволяют обобщить следующее. Наиболее частотной реакцией стал выбор лексики *образование* (69 ответов, что составляет 67 % от общего их количества). Россия воспринимается как страна с сильными академическими традициями, а информанты, обучающие в Центре русскому языку, демонстрируют тем самым устойчивую мотивацию к овладению русским языком в образовательных целях. Почти равные высокие проценты в выборе вариантов ответов *культура* (68 ответов, или 66 %) и *технологии* (65 ответов, или 64,1 %) показывают, что респонденты видят современную Россию как страну, сочетающую богатое культурное наследие с научно-техническим прогрессом. Лексема *политика* – не доминирующий, но значимый ассоциат: за этот вариант отдано 61,2 % от общего количества ответов (63 реакции), что отражает восприятие России как влиятельного глобального «игрока» на международной арене. Однако для информантов, в силу их статуса как обучающихся, политический контекст осмысления образа России оказывается менее весомым, чем образовательный, культурный и технологический. Религия (православие) является важным культурным маркером в понимании образа России представителями современной африканской лингвокультуры (50 ответов, или 48,5 %). Это подтверждает глубокую связь между русским языком и православной культурной традицией, существующую в восприятии информантов. *Спорт, литература и фольклор* – периферийные, но устойчивые ассоциации. Выбор этих вариантов ответов (27 ответов (26,2 %) и 23 ответа (22,3 %) соответственно) может означать, что, хотя эти ассоциации и присутствуют в коллективном языковом сознании африканцев, формируя образ России как его составляющие, они не являются первыми или самыми сильными ассоциациями для большинства информантов.

Интересен ряд предложенных самими информантами ассоциатов, представляющих единичные реакции: *наука* (*Science*), *военная мощь* (*Military Dominance*), *еда* (*Food, eg vodka*), *Росатом / ядерные технологии* (*Rosatom, nuclear tech*), *космос* (*Soyuz, space*), *исторические победы* (*World War victory*), *статус великой державы* (*Great power status*). Появление подобных оригинальных реакций свидетельствует о высоком уровне интерактивности сознания отдельных участников опроса: широте тезауруса и вокабуляра, личного опыта, культурного фона, индивидуальных особенностях восприятия.

В лингвистическом ассоциативном эксперименте приняли участие 28 человек – слушателей Центра. Каждому информанту предлагалось выполнить задание, связанное с выявлением ассоциатов на стимульную лексику *Россия*. Всего получено 75 ассоциатов – словных и сверхсловных единиц – с учетом того, что один информант мог указать несколько ассоциатов. Ответы предоставили все опрошиваемые. Всего получена 41 однократная реакция и 34 повторяющихся. Однократные ассоциаты демонстрируют диапазон тезауруса и вокабуляра информантов, связанный с кон-

кретным словоупотреблением. Повторяющиеся являются маркерами ядерных, частотных, а значит, наиболее устойчивых для массового сознания кенийцев смыслов. Информация о качественно-количественной характеристике полученных в ходе эксперимента ассоциатах, объединенных в группы на основании значения, содержится в таблице.

Результаты лингвистического ассоциативного эксперимента

Перечень ассоциатов (словных и сверхсловных)				
Однократные			Повторяющиеся	
Семантическая группа	Перечень единиц	Количество употреблений	Перечень единиц	Количество употреблений
Качественные характеристики	<i>Богатая; дружелюбная; империя; инновационная; красивая; мирная; победная; родина; сильная; снежная; советская; старые / консервативные традиции; суперсила</i>	13	<i>Страна;</i>	8
			<i>(Владимир) Путин;</i>	4
			<i>самая большая (в мире);</i>	4
			<i>Москва (столица);</i>	3
Географическое положение и размер территории	<i>Большая; большая земля; воздушное пространство; восточная страна с ресурсами; колосс в Азии; обширная страна, которую мы изучаем; состоящая из регионов территория; федерация</i>	9	<i>водка;</i>	3
			<i>мощная;</i>	2
			<i>Кремль;</i>	2
			<i>ортодокс (=вера);</i>	2
			<i>(Юрий) Гагарин;</i>	2
			<i>культура;</i>	2
Национально маркированные имена собственные	<i>Достоевский; Казань; КГБ; Крым; Лада; Советский Союз; ФСБ</i>	7	<i>восток</i>	34
Аспекты социальной жизни	<i>Великие инженеры; великие ученые; история; любят свою культуру; наука; политика; президент</i>	7		
Национально маркированные реалии	<i>Балет; капустный суп (=щи); царь; центр открытого образования; шпионы</i>	5		
ИТОГО: 41				
ВСЕГО: 75				

Ассоциаты к стимульной лексеме *Россия* позволяют интерпретировать фрагмент картины мира, связанный с восприятием кенийцами России следующим образом. Ядро этого понимания составляет осмысление России как восточной страны, самой большой в мире, мощной, со столицей – городом Москвой, страной руководит Владимир Путин. Национальными российскими «визитными карточками» для кенийцев являются Кремль, Юрий Гагарин, приверженность вере и богатое культурное наследие. Вокруг ядра формируются периферийные смыслы, которые эксплицируются однократными реакциями. В их значении, в том числе, выделяются семы «советское прошлое России» (*Советский Союз, империя, советская*), «силовые властные структуры» (*КГБ, ФСБ, шпионы*), «знаковые публичные личности» (*Достоевский*).

Таким образом, с опорой на экспериментальные данные можно утверждать, что образ России в рецепции современных представителей африканской лингвокультуры является комплексным и в целом позитивным, сфокусированным на возможностях для личностного, в первую очередь профессионального, развития и основанным на интересе к богатому культурному национальному наследию. Ключевыми составляющими образа являются компоненты «большая по размерам», «сильная», «богатая», «с великой культурой», «технологически развитая». Содержательное наполнение моделируемого образа отражает мотивацию информантов к изучению русского языка как средства их интеграции в глобальное межкультурное пространство. Стоит отметить, что смысловое наполнение образа России формируется под заметным воздействием представлений о СССР, до сих пор существующих в коллективном сознании африканцев. Сказывается также наличие информационной лакуны, связанной с отсутствием освещения российских новостей африканскими СМИ. Кенийские СМИ в своем большинстве получают информацию о России из новостных лент западных информационных агентств, что не способствует формированию адекватного образа России в сознании представителей африканской лингвокультуры.

Список источников

1. Борисенко И. В. Национальный образ России (философско-культурологический анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2008. 27 с.
2. Милославская С. К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России. 2-е изд., стер. М. : Флинта: Наука, 2012. 400 с.
3. Анищенко А. В. Россия глазами иностранца: эмотивные средства создания образа страны // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 9–15. doi: 10.52070/2542-2197_2023_10_878_9.
4. Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты / Е. В. Дзюба, С. А. Еремина, В. Ю. Миков [и др.] / под ред. Е. В. Дзюбы. Екатеринбург : УГПУ, 2019. 208 с.
5. Зинькина Ю. В., Халтурина Д. А., Коротаев А. В., Кобзева С. В., Тищенко С. М. Образ России в Восточной Африке на примере Кении и Танзании // Азия и Африка сегодня. 2010. № 7 (636). С. 9–12.
6. Курьянович А. В. Изучение русского языка в Республике Кения: мониторинг мотивационных установок кенийцев (на материале экспериментальных данных) // Россия – Африка 2023: Парадигма образования : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. И. Ю. Тархановой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. С. 120–128.
7. Курьянович А. В. Представление о русском языке в дискурсивной картине мира современных кенийцев (на материале экспериментальных данных) // Русская речевая культура и текст: материалы XIII Междунар. науч. конф. Томск : Изд-во ТГПУ, 2024. С. 158–170.

**Лингвокультурный типаж *китайский торговец*
(на материале романа Н. Задорнова «Амур-батюшка»)**

**Linguistic-cultural type *Chinese trader*
(based on material from N. Zadornov's novel "Amur-Batyushka")**

Ольга Вячеславовна Орлова^{1, 2}

Olga Vyacheslavovna Orlova^{1, 2}

¹ Томский государственный архитектурно-строительный университет,
Томск, Россия

Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering, Tomsk, Russia

² Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Аннотация. На материале исторического романа Н. Задорнова «Амур-батюшка» о заселении русскими Приамурья описывается лингвокультурный типаж *китайский торговец*. Доказывается, что основные характеристики данного лингвокультурного типажа, с одной стороны, во многом определяют присущие русской культуре стереотипные представления о китайцах и китайской торговле, а с другой – служат установлению и гармонизации диалога культур.

Abstract. The article, based on material from N. Zadornov's historical novel "Amur-Batyushka" about the settlement of the Amur region by Russians, describes the linguistic-cultural type of the Chinese trader. It is argued that the main characteristics of this linguistic-cultural type, on the one hand, largely determine the stereotypical views of Chinese people and Chinese trade inherent in Russian culture, and on the other hand, serve to establish and harmonize the dialogue between cultures.

Ключевые слова: русско-китайские языковые и лингвокультурные контакты, лингвокультурный типаж, китайский торговец

Keywords: Russian-Chinese linguistic and linguistic-cultural contacts, linguistic-cultural type, Chinese trader

Если провести пилотажный эксперимент – на портале eLIBRARY.RU в строке поискового запроса ввести сочетание слов *китаец* и *торговля* – на первом месте и по очередности, и по количеству выпадают публикации, посвященные неоднозначно и противоречиво оцениваемому феномену, ставшему историко- и социокультурным маркером процесса освоения Россией и ее жителями новоприобретенных территорий Дальнего Востока. Феномену китайской торговли второй половины XIX в. на фронтальных землях «подвижной границы между освоенной и неосвоенной территорией, <...> зоны контакта (взаимодействия и конфронтации) между представителями разных культур и цивилизаций» [1, с. 85].

Тема взаимодействия русских и китайцев, в том числе и по преимуществу – торгового, периода освоения Дальнего Востока Российской империей довольно хорошо

описана историками [1, 2] и филологами [3–5], однако особый интерес представляет лингвокультурологическая развертка данной проблематики, поскольку сформированные на землях русско-китайского пограничья в период первого массового знакомства русских переселенцев с представителями Поднебесной этнокультурные стереотипы во многом определяют взгляды и представления русских и китайцев друг о друге и в современности.

Представляется, что указанные задачи наиболее эффективно призван решить методологический аппарат активно развивающейся с начала 2000-х гг. В. И. Карасиком и его коллегами теории лингвокультурных типажей, в рамках которой в основном на материале художественных текстов исследован широкий ряд этнокультурных типажей (например, *русский интеллигент* или *американский супермен* [6, 7]), к коим, без сомнения, мы относим и анализируемый лингвокультурный типаж китайского торговца.

Как отмечает Т. Н. Сорокина, изучающая форматы китайской торговли в Приамурском крае на рубеже XIX–XX вв., многие авторы, среди которых региональные и московские чиновники, путешественники, местные жители и т.д., «неоднократно предпринимали попытки подразделить китайских подданных на территории Приамурья на отдельные категории по роду занятий или по месту проживания. При этом обращает на себя внимание одна любопытная закономерность: сколь бы ни были дробными предлагаемые структуры, во всех неизменно встречается категория китайских торговцев» [2, с. 85]. То есть можно говорить о произошедшей в российском общественном сознании, а следовательно, и национальной культуре, генерализации и категоризации определенного социо- и этнотипа с ярко выраженной аксиологической доминантой и комплексом сопутствующих любой модельной личности модусов общественного восприятия. Этнотип китайского торговца нашел отражение в многочисленных записках, путевых дневниках, отчетах, очерках наших соотечественников, оказавшихся на дальневосточном фронтире. Приведем наиболее яркие фрагменты отечественного дискурса о китайской торговле второй половины XIX – начала XX в. (цит. по текстам статей: [1–3]):

Издавна известно, что китайцы врожденные купцы, и, обладая выдающимися коммерческими способностями, они, где только представляется им возможность, бросаются на торговлю во всех ее видах (Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1856–1898. Очерк); *Нет ни одного вида торговли, где нельзя было бы встретить китайца* (Болховитинов Л. Желтый вопрос на русском Дальнем Востоке); *Выгоды, приобретаемые <...> в торговле <...>, весьма значительны и, надобно прибавить, приобретаются не всегда честным образом* (Бошняк Н. Экспедиции в Приамурском крае); *это ловкие дельцы, не страшящиеся ни трудов, ни лишений и не гнушающиеся никаких средств, лишь бы извлечь как можно больше выгоды для себя или своих хозяев* (Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края); *Стремление стать купцом – заветная мысль каждого китайца, освоившегося с местной обстановкой, и, достигнув этой цели, они прочно, навсегда устраиваются* (газета «Дальний Восток», 1895, 16 апр.); *Китайцы обладают врожденными качествами коммерсантов, они купцы*

по природе, <...> предприимчивы, трудолюбивы, расчетливы, аккуратны и смелы (Головачев П. Россия на Дальнем Востоке); *Китайцев совершенно справедливо принято считать природными купцами. Обладая чрезвычайно развитым коммерческим инстинктом, они расчетливы, хитры и осмотрительны при заключении торговых сделок, неутомимы в лукавых стараниях продать повыгоднее и в изумительной степени изобретательны в придумывании всевозможных плутней* (статья в газете «Восточно-Азиатский Ллойд»); *Природные коммерческие способности китайцев, их хитрость, назойливость и пронырливость занимают не последнее место* (Даттан А. В. Исторический очерк развития Приамурской торговли); *Не такими хищниками-торговцами являются русские, как китайцы-кулаки* (В. К. Арсеньев во время экспедиции 1908–1909 гг.).

Как видим, большинство авторов едины в признании за китайской нацией врожденных, т.е. данных по природе от рождения, выдающихся способностей к коммерции и торговле в самых разнообразных ее проявлениях, а также трудолюбия. Однако из приведенных мнений за исключением одного с явно положительной коннотацией (*предприимчивы, трудолюбивы, расчетливы, аккуратны и смелы*), все остальные транслируют скептическую оценку. Эта оценка имеет широкий спектр проявлений: от тонкой иронии о заветной мечте каждого китайца стать купцом и сдержанной объективности в признании приемов китайской торговли не всегда честными до завуалированной, но неминуемо прибывающей сквозь тональность стороннего наблюдателя негативно-пренебрежительной (*бросаются на торговлю во всех ее видах; не гнушающиеся никаких средств, лишь бы извлечь как можно больше выгоды*) и, наконец, до откровенно негативной в таких приписываемых китайцам неприглядных качествах, как хитрость, назойливость, пронырливость и хищничество.

Такая амбивалентная с явным перекосом в сторону негативной аксиологическая матрица, сопровождающая анализируемый этнокультурный типаж в отечественной литературе, журналистике и беллетристике, с незаурядным художественным и бытописательским мастерством отразилась и в материале нашего исследования – написанном в 1940-х гг. историческом романе «Амур-батюшка» Н. П. Задорнова, писателя, посвятившего свое творчество истории дальневосточного края. На страницах романа автор реалистично показывает жизнь нескольких семей русских крестьян-переселенцев на Амуре, описывая не только трудности и испытания, с которыми им пришлось столкнуться, осваивая новые земли в суровом климате, но и изменения, происходящие в их характерах и самосознании в результате неизбежных тесных контактов, наряду с другими представителями местных и пришлых этносов, с китайцами. Среди китайских коммерсантов, которые, по словам исследователей, «сразу устремлялись в тайгу, где появлялись русские переселенцы, захватывали их в свою сеть» [2, с. 85], – торговец по имени Гао Да-пу.

Именно хозяин китайской лавки из близлежащего села становится первым деловым человеком, посетившим героев романа – семьи Егора Кузнецова и его товарищей – в основанном ими поселении. Первый же диалог торговца с переселенцами демонстрирует его, говоря языком современного менеджмента, коммуникативную

клиентоориентированность (*Он знал, о чем надо говорить, чтобы расположить к себе новоселов*). В авторских ремарках подчеркивается сосредоточенная сконцентрированность гостя на реакции собеседников, умная чуткость к каждому из них во время первого знакомства и общей оценки ситуации: *В умных карих глазах его была настороженность. Бегло, но со вниманием оглядывал он собравшихся в землянке переселенцев. <...> Ворочая белками, ловил малейшее движение окружающих. Китаец глубоко сведущ в вопросах не только жизни и быта русских на новом месте, но и социальноэкономических причин их многотрудного переезда:*

– *Ну, хозяин, как на новом месте поживаешь?* – весело спрашивал Гао Да-пу. – *А-а, Федора, Федора! Знакома имя! Почему старое место бросил? Наверно, там земли мало, на новые места надо ходить, там помещики есть, тут нету? Моя дома тоже помещик есть, земли мало, там шибко худо жили. Гао слышал, что переселенцы уходят со старых мест из-за малоземелья и помещиков. <...> – Наша дома совсем худо, наша папка своя стара китайская Расея бросил, на новое место ушел... Своя Расея давно не видала. Ну как, паря Федора, откудава твоя ходи, какой города приехала, какой деревня, какой твоя города фамилья? Че тебе пермяка? Как не боиза! Шибко далеко ходи!* – восклицал китаец <...>

«Да, вот это китаец так китаец!» – подумал Егор. <...>

– *Моя на китайска сторона жить не хочу. Русские самые хорошие люди! У меня только коса китайская, а сам я настоящий русский! Только по-русски писать не могу! Как узнаю, где приехали русские, сразу еду помогать. А китайцев моя не любит. Моя имя русское – Ванька Гао Да-пу.*

Какие коммуникативные тактики и особенности манеры речевого поведения героя проявляются в его репликах? Конечно, это психологическая, а контексте межкультурной коммуникации – этнопсихологическая, подстройка под собеседника-россиянина посредством демонстрации, во-первых, знания формул и правил народной вежливости и русского именослова (*как поживаешь? Федора, Федора! Знакома имя! Ну как, паря Федора*); во-вторых, искренней заинтересованности в подробностях индивидуальной судьбы новоселов (*откудава твоя ходи, какой города приехала, какой деревня, какой твоя города фамилья? Как не боиза! Шибко далеко ходи!*); и наконец, открытого желания коммуникативно-психологического сближения на основе актуализации общности причин переселения и тягот существования на неродной земле представителей двух разных народов (*Моя дома тоже помещик есть, земли мало, там шибко худо жили*).

Особенно ярко последнее проявляется в отождествлении двух стран через именование собственной родины *китайской, своей Россией (папка своя стара китайская Расея бросил <...> Своя Расея давно не видала)*. А далее – через риторический отказ от собственной этнической идентичности (*на китайска сторона жить не хочу, китайцев моя не любит*) в пользу чужой, русской, посредством противопоставления внешнего, формального – аутентичного (*У меня только коса китайская*) – внутреннему, сущностному (*а сам я настоящий русский!*) и обретения новой культурной

идентичности через ее лингвистические атрибуции – владение языком (*Только по-русски писать не могу!*) и именем (*Моя имя русское – Ванька Гао Да-пу*).

Цель данного коммуникативного приема – проявить уважение и почтение к родной стране и этнической принадлежности собеседника, символически принизить себя и возвеличить его, солидаризируясь с ним в системе общих ценностных координат, достичь доверительного сближения. Не удивительно, что риторическая – на грани манипулятивной – ловкость, умение продуманно выстроить разговор на русском языке (отметим, что речь Гао Да-пу ведет, судя по всем ее лексическим и грамматическим особенностям, на русско-китайском дальневосточном пиджине [5, с. 54–64] по правилам народной речевой культуры, глубокое знание реалий русской переселенческой жизни, – все это восхищает русского крестьянина: *«Да, вот это китаец так китаец!» – подумал Егор*.

Однако даже в этой, на первый взгляд, позитивно оценивающей личность китайского торговца характеристике (он, по мнению героя, истинный, эталонный китаец), а также в авторских ремарках и словах персонажей, обобщающих их мысли после отъезда торговца и завершения удачной для него торговли, заложен сложный комплекс противоречивых и неоднозначных чувств и интенций, оформляющих до сих пор стойкий стереотип русского массового сознания. Этот стереотип аккумулирует отношение и к китайскому этнотипу в целом, и к торговле как виду деятельности, наиболее соответствующему китайской хитрости, находчивости, дипломатичности, изобретательности, приспособляемости, а также настойчивой нацеленности на финансовый успех:

– Беда этот китаец-торгован! – промолвил Бердышов, кивая вслед Гао Да-пу. – Всякое барахло норовит насовать. Хитрый же!

– Политичный же этот китаец! – покачал головой Федор. – Почище другого писаря!

Приезд китайца не только облегчил Егору жизнь, но и оживил переселенцев. Оказывается, и тут есть народ бойкий, торговый, оборотистый.

Как видим, автор не показывает героя однозначно отрицательным. Он не злодей, а представитель иной системы ценностей, иного хозяйственного уклада, для которого торговля – уважаемое и рациональное занятие. А как лингвокультурный типаж китайский торговец символизирует важную социокультурную роль агента межкультурной коммуникации. Роль посредника в межэтническом диалоге, причем активного и деятельного, первым проявляющего инициативу и вкладывающего немалые усилия, посредника между народами и культурами – между разными языками и речевыми этикетами, разными представлениями об общественном и личном благе и этически приемлемых способах его достижения, разными системами экономических ценностей и социальных отношений.

Список источников

1. Позняк Т. З. Торговля на фронтире: предпринимательские приемы и практики на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. // Журнал фронтирных исследований. 2024. Т. 9, № 4 (36). С. 83–104.

2. Сорокина Т. Н. «Заветная мысль каждого китайца»: форматы китайской торговли в приамурском крае на рубеже XIX–XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 84–102.
3. Забияко А. А. «Фронтирная мифология» в художественной рефлексии писателей Дальнего Востока (1910–1920 годы) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Вып. 9. С. 120–140.
4. Шипановская Л. М. Языковые контакты в Приамурье: диахронический аспект // Лосевские чтения – 2018 : материалы XI регион. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 65–82.
5. Оглезнева Е. А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск, 2007. 264 с.
6. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения : сб. науч. тр. Волгоград, 2005. С. 25–65.
7. Карасик В. И. Американский супермен как коммуникативный типаж // Интенсивное обучение иностранным языкам: проблемы методики и лингвистики. Вып. 2. Волгоград, 2004. С. 105–113.

Формирование вторичной языковой личности в ракурсе задач поликультурного патриотического воспитания

Formation of a secondary linguistic personality in the context of the tasks of multicultural patriotic education

Ван Синхуа

Wang Xinghua

Муданьцзянский педагогический университет, Муданьцзян, Китай

Mudanjiang Normal University, Mudanjiang, China

Аннотация. Описывается значимость интеграции обучающих и воспитательных задач в лингводидактическом взаимодействии. Подчеркивается необходимость актуализации в учебном процессе технологий и выбора средств, направленных на совершенствование у студентов чувства патриотизма. В качестве примера описывается один из способов комплексной реализации лингводидактической и воспитательной задач – внедрение в процесс обучения иностранным языкам онимической лексики. Предлагаемый подход играет важную роль в создании учебной среды, в которой языковое обучение совмещено с воспитанием гражданской ответственности, патриотизма и межкультурной толерантности, в результате чего формируется гармонично развивающаяся вторичная языковая личность, способная уважать и ценить свою культуру и культуру других народов.

Abstract. This article discusses the importance of integrating educational and pedagogical tasks in linguodidactic interaction. It emphasizes the need to mainstream technologies in the educational process and select tools aimed at fostering students' sense of patriotism. As an example, one method for comprehensively implementing linguodidactic and pedagogical tasks is described: the introduction of onomastic vocabulary into the foreign language teaching process. The proposed approach plays a key role in creating a learning environment in which language instruction is combined with the development of civic responsibility, patriotism, and intercultural tolerance, resulting in the formation of a harmoniously developing secondary linguistic identity capable of respecting and appreciating their own culture and the cultures of other peoples.

Ключевые слова: поликультурное языковое образование, патриотизм как ценностная категория, патриотическое воспитание, вторичная языковая личность, вторичная картина мира, русский язык как иностранный, китайские обучающиеся, онимы

Keywords: multicultural language education, patriotism as a value category, patriotic education, secondary linguistic personality, secondary picture of the world, Russian as a foreign language, Chinese students, onyms

В задачи современного поликультурного языкового образования входит формирование и дальнейшее укрепление ценностного отношения обучающихся – вторичных языковых личностей – к тем духовно-нравственным категориям, которые составляют культурную основу их картины мира, как первичной, так и вторичной. Одним из ключевых ценностных начал, определяющих мировоззрение индивида, является

патриотизм. В философии под патриотизмом понимается «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы родины» [1, с. 358]. В аспекте педагогической науки патриотизм трактуется как социально-нравственная ценность, формирование которой должно составлять одну из задач образовательного процесса в рамках воспитательных мероприятий. *Патриотическое воспитание* имеет непреходящее значение, поскольку связано с развитием в сознании обучающихся представлений о собственной гражданской и этнокультурной идентичности, приверженности национальной идее. Патриотизм – ценность универсального порядка, так как осмысливается в неразрывной соотнесенности с *интернационализмом*, уважением к другим народам [2, с. 15].

Формируя в процессе обучения вторичную картину мира, иностранец укрепляет бережное отношение к универсальным человеческим ценностям (патриотизм – одна из таких ценностей): интегрирует представление о них в свою картину мира, принимая вариант их реализации в рамках родной лингвокультуры и вырабатывает соответствующее отношение к тому, как эти ценности существуют в других лингвокультурных сообществах. Уважение к системе чужих культурных ценностей является критерием зрелости вторичной языковой личности [3].

В обучении языкам это становится особенно важно, поскольку язык в данном случае выступает не только инструментом, но и объектом познания, имеющим самостоятельную аксиологическую значимость. В контексте диалога культур патриотическое воспитание, в том числе средствами лингводидактики, имеет двунаправленный характер. С одной стороны, знакомство с фактами чужой лингвокультуры должно базироваться на формировании толерантного к ним отношения со стороны обучающегося. С другой – сосредоточенность на постижении языка и культуры другого народа не исключает, а, наоборот, способствует развитию более пристального внимания и осознанного интереса к родной лингвокультуре. В контексте сопоставления с другим национальным языком и другой лингвокультурой любовь к своему родному языку и своей родной культуре приобретает более зримые очертания и более глубокий смысл [4, с. 63].

Цель статьи – изучить лингводидактический контекст формирования вторичной языковой личности с точки зрения реализации задач поликультурного патриотического воспитания. В качестве материала привлекается лингводидактический текст как инструмент образовательной деятельности: 1-я часть учебно-методического комплекса (УМК) «Восток», разработанного китайскими методистами в целях обучения русскому языку как иностранному (РКИ) студентов из Китая [5]. Единицами исследования являются единицы онимической лексики (онимы) – словные и сверхсловные имена собственные, маркирующие факты русской и китайской лингвокультур, передаваемые средствами русского алфавита. Методологическую базу исследования составляет комплексное использование контекстуального, количественного, контент-анализа, элементов дискурсивного и кросскультурного анализа.

Единицы *онимической лексики* в системе национального языка представляют собой категорию слов, обладающих разветвленной внутренней дифференциацией на виды [6]. В перечне онимов выделяются *антропонимы* (имена людей), *топонимы* (наименования географических объектов), *гидронимы* (названия водных объектов), *ойконимы* (наименования населенных пунктов), *урбанонимы* (названия объектов внутригородского пространства), *идеонимы* (названия продуктов идеологической или творческой деятельности человека) [7].

Онимы понимаются нами в качестве лексических единиц, маркирующих факты национальной лингвокультуры. Их семантика и функционально-прагматические особенности, проявляемые, в том числе, в сфере образовательной полиязычной коммуникации, тесно связаны с историей страны, национальными традициями и историей национального языка, следовательно, эти единицы можно считать средствами репрезентации культурных смыслов, аксиологической информации, представления о национальной идентичности.

Гипотеза исследования: в процессе обучения китайских студентов РКИ опора на онимическую лексику способствует реализации, помимо собственно образовательной, лингводидактической, задачи патриотического воспитания: укрепляет любовь к родному языку и родной культуре и формирует толерантное отношение к чужой лингвокультуре.

Обоснуем высказанный тезис, обратившись к анализу текста указанного учебника. Его рассмотрение интересно в целях получения информации о том, с какими фактами русской лингвокультуры, по мнению авторов – китайских русистов, должны знакомиться обучающиеся из Китая на элементарном уровне овладения русским языком, когда в сознании вторичных языковых личностей закладываются основы вторичной картины мира, на начальном этапе формируются тезаурус и словник «лексического минимума».

С помощью приема сплошной выборки собран контент русских онимов, имеющих в указанном учебном тексте (всего 352 единицы). Онимы распределены по следующим семантическим группам (если лексема встречается в тексте неоднократно, рядом в скобках приводится число – показатель количества словоупотреблений):

– антропонимы (всего 79): *А. С. Пушкин* (18), *А. П. Чехов* (14), *Л. Н. Толстой* (6), *П. И. Чайковский* (6), *Ф. М. Достоевский* (5), *И. И. Левитан* (4), *И. С. Тургенев* (4), *И. Е. Репин* (3), *Ю. В. Бондарев* (2), *М. Ю. Лермонтов* (2), *В. В. Маяковский* (2), *В. М. Васнецов*, *Н. В. Гоголь*, *И. Н. Крамской*, *М. В. Ломоносов*, *В. Распутин*, *З. Серебрякова*, *В. А. Серов*, *А. К. Саврасов*, *В. И. Суриков*, *И. И. Шишкин*, *Вавилов*, *Красин*, *Садовничий*;

– топонимы (всего 33): *Россия* (32), *Сибирь*;

– гидронимы (всего 7): *Дон* (4), *Волга* (3);

– ойконимы (всего 98): *Москва* (65), *Санкт-Петербург/Петербург* (9/7), *Суздаль* (7), *Владивосток* (4), *Саратов* (3), *Волгоград* (2), *Иркутск*;

– урбанонимы (всего 72): *Московский государственный университет* (11), *Большой театр* (7), *Институт русского языка / Институт Пушкина* (7/1), *Исторический музей* (5), *Красная площадь* (4), *Малый театр* (4), *Третьяковская галерея* (4),

Зимний дворец (3), Новый Арбат (3), Кремль (2), Русский музей (2), Театр имени В. Маяковского (2), Арбат, Старый Арбат, Московский педагогический институт, Московский технический университет имени Н. Э. Баумана, Храм Василия Блаженного, Эрмитаж, Ленинский проспект, улица Бутлерова, Екатерининский зал Московского Кремля, Птичий рынок, Музей А. С. Пушкина, Парк Победы, Российская государственная библиотека, Пушкинская площадь, Российский университет дружбы народов, Тверская улица, Измайловский парк;

– идеонимы (всего 60): *«Спящая красавица» (5), «Анна Каренина» (4), «Вечерняя Москва» (4), День России (3), «Воскресение» (2), «Евгений Онегин» (2), «Капитанская дочка» (2), Новый год (2), «Парус» (2), «Лебединое озеро», «Завтрак», «Золотая осень», «Март», «Бурлаки на Волге», «Портрет неизвестной», «Рожь», «Грачи прилетели», «Крестный ход в Курской губернии», «Руслан и Людмила», «Медный всадник», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Герой нашего времени», «Мертвые души», «Ревизор», «Отцы и дети», «Преступление и наказание», «Война и мир», «Человек в футляре», «Вишневый сад», «Октябрь», «Мать», «Тихий Дон», «Девочка с персиками», «Столица», Международный женский день, Праздник весны и труда, День Победы, День Конституции России, «Утро стрелецкой казни», «Аленушка», «Тарас Бульба», «Не могу сказать „Прощай”».*

Собранный контент китайских онимов включает 75 единиц, которые распределены по следующим категориям:

- топонимы (всего 13): *Китай (12), Хайнань;*
- гидронимы (всего 3): *Янцзы (3);*
- ойконимы (всего 51): *Пекин (19), Шанхай (13), Харбин (7), Нанкин (3), Ухань (3), Чанчунь, Циндао, Ляонин, Цзянсу, Хэбэй, Парк Ихэюань;*
- урбанонимы (всего 4): *Музей Гугун (2), Пекинский университет (2);*
- идеонимы (всего 4): *«Нанкин» (2), «Вечерний Пекин», «Китай».*

Анализ текстового материала позволяет сделать ряд наблюдений. Количество русских онимов в учебнике по РКИ больше, чем китайских, в 5 раз. Это видится оправданным, поскольку цель лингводидактического текста состоит в расширении тезауруса обучающихся за счет информации о единицах, семантика которых связана со страной изучаемого языка. В числе русских онимов количественно преобладают урбанонимы: этот вид онимов тесно связан с обозначением реалий жизни в современном городе, что повышает практическую ценность изучения языка. Городские названия часто связаны с географией, историей, культурой, что делает их более частыми и популярными для обучения и использования в учебных материалах. В контексте патриотического и ценностного воспитания урбанонимы могут иметь особое значение, так как города часто связаны со знаковыми событиями национальной истории, именами известных личностей. Включение урбанонимов помогает подчеркнуть важность конкретных исторических мест и их роль в формировании гражданской и межкультурной идентичности.

Вторую по численности группу русских онимов представляют идеонимы, выполняющие в тексте важную функцию: они помогают формировать образ страны

изучаемого языка, углубляя смысловое содержание и делая текст более насыщенным культурными деталями. Использование их в тексте помогает подчеркнуть национальную самобытность, культурное наследие и историю страны. Идеонимы могут вызывать у обучающегося ассоциации, связанные с образом России, способствуют появлению психологического эффекта аттракции. В контексте межкультурной коммуникации использование идеонимов помогает объяснить или подчеркнуть особенности той или иной культуры, а также способствует развитию культурного обмена.

Имена известных русских композиторов, писателей, ученых служат связующим звеном между культурами, позволяя аудитории понять исторический и культурный контекст, связанный с этими личностями. Они помогают узнать национальные ценности, достижения и особенности конкретных народов. Использование имен известных личностей помогает сделать материал более живым, интересным и запоминающимся для обучающихся. Это способствует более эффективному усвоению культурных особенностей через ассоциации с узнаваемыми именами. Знакомство с личностями из разных стран стимулирует интерес к другим культурам, способствует развитию терпимости, взаимопонимания и уважения в межкультурной образовательной среде.

Использованные в тексте китайские онимы выступают в качестве маркеров родной для обучающихся лингвокультуры. Их включение в лингводидактический процесс помогает эффективнее интегрировать изучение русского языка в культурный контекст обучающихся. Это способствует более естественному освоению языка, ведь студенты узнают о взаимосвязи между именами и культурными особенностями обеих стран. Использование китайских имен в учебных материалах делает обучение более значимым и интересным для студентов, облегчая понимание и запоминание новых языковых концепций через ассоциации с родными именами. Включение китайских онимов служит «мостом» для сравнения и сопоставления культурных реалий обеих стран, а также помогает понять, как имена используются и воспринимаются в разных культурах. Использование китайских имен позволяет обучающимся видеть в учебных материалах знакомые слова и имена, что делает процесс изучения грамматических правил и лексики более комфортным и понятным.

В целом при обучении китайских студентов РКИ использование онимической лексики выполняет двойную функцию. Помимо главной образовательной и лингводидактической задачи – освоения языка и развитие коммуникативных навыков – реализуется важная воспитательная цель, связанная с патриотическим воспитанием. Опора на китайскую онимическую лексику помогает студентам укреплять любовь к своему родному языку и культуре: через обращение к знакомым фактам, именам испытывать положительные эмоции и гордость за свою культурную и национальную идентичность. Изучая русскую онимическую лексику, студенты учатся воспринимать другие культурные ценности, уважать культурное и языковое разнообразие, понимать особенности чужих культурных концептов и традиций. Это способствует формированию межкультурной терпимости и уважения.

Таким образом, внедрение онимической лексики в обучение китайских студентов русскому языку выступает не только как средство языковой практики, но и как

мощный инструмент ценностного и патриотического воспитания, укрепляющего их культурную и межкультурную идентичность.

Список источников

1. Патриотизм / Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М. : Политиздат, 1987. 590 с.
2. Ёлкин С. М., Косова А. А. О содержании понятий «патриотизм» и «патриотическое воспитание» // Вестник Новгородского государственного университета. 2017. № 1 (99). С. 14–16.
3. Ван С., Курьянович А. В. Вторичная и аутентичная картина мира в зеркале проблемы конгруэнтности // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 177–181.
4. Ван С., Курьянович А. В. Кросскультурный анализ в преподавании русского языка как иностранного в аспекте реализации задач патриотического воспитания // Проблемы современного педагогического образования : сб. науч. тр. Вып. 79, ч. 3. Ялта : РИО ГПА, 2023. С. 62–65.
5. Восток: учебник по русскому языку : в 8 ч. Ч. 1 / гл. ред. Ши Те Цян, Чжан Цзинь Лань. Пекин : Изд-во иностранных языков и исследований, 2008. 260 с.
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А. В. Суперанская. М. : Наука, 1988. 192 с.
7. Лагута О. Н. Оним // Учебный словарь стилистических терминов / отв. ред. Н. А. Лукьянова. Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 1999. 71 с. URL: <https://stilistics.academic.ru/456/оним?ysclid=mm0psoqhg5268136558> (дата обращения: 24.02.2026).

Специфика пространственной концептуализации в русской языковой картине мира на фоне болгарской (на материале глаголов *стоять* и *стоя*)

The specifics of spatial conceptualization in the Russian linguistic worldview as compared to Bulgarian: a case study of the verbs *стоять* (*stoat'*) and *стоя* (*stoya*)

Мария Сергеевна Зайцева-Склярова

Maria Sergeevna Zayceva-Sklyarova

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

South Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Научный руководитель: Людмила Владимировна Табаченко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

lvtabachenko@sfedu.ru

Scientific supervisor: Lyudmila Vladimirovna Tabachenko

South Federal University, Rostov-on-Don, Russia

lvtabachenko@sfedu.ru

Аннотация. Рассматривается семантическая специфика русского глагола *стоять* в сопоставлении с его болгарским когнатом *стоя*. На материале корпусных данных показано, что в русском языке выбор глагола определяется пространственной конфигурацией (вертикальным положением объекта), тогда как в болгарском языке наблюдается тенденция к нейтрализации этого признака и переход к значению общего нахождения (пробытия). Полученные результаты свидетельствуют о различии моделей пространственной концептуализации в двух языках.

Abstract. The article examines the semantic specificity of the Russian verb *stoyat'* (*стоять*) in comparison with its Bulgarian cognate *stoya* (*стоя*). Based on corpus data, it is demonstrated that in Russian, the choice of the verb is determined by spatial configuration (the object's vertical orientation), whereas in Bulgarian, there is a tendency toward the neutralization of this feature and a transition to the meaning of general location (presence). The findings reveal divergent models of spatial conceptualization in the two languages.

Ключевые слова: русский язык, позиционные глаголы, пространственная концептуализация, семантика, языковая картина мира, корпусный анализ

Keywords: Russian language, positional verbs, spatial conceptualization, semantics, linguistic worldview, corpus analysis

Система позиционных глаголов является одним из способов, с помощью которых язык репрезентирует модель концептуализации пространства. Эти глаголы не только обозначают местонахождение объекта, но и передают информацию о его ориентации, характере опоры и соотнесённости с локусом.

Особый интерес представляет сопоставление когнатов, так как формальная эквивалентность может скрывать существенные различия в семантической структуре,

отражающие специфику национальных языковых картин мира. Цель настоящего исследования – выявить специфику пространственной концептуализации в русском языке, проявляющуюся при сопоставлении семантики глагола *стоять* с его болгарским коррелятом.

Материалом исследования послужили данные русско-болгарского подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [1] и Болгарского национального корпуса (БНК) [2]. Методом сплошной выборки были извлечены параллельные контексты, общий объем которых составил 869 единиц: 448 примеров употребления русского глагола *стоять* (с болгарскими соответствиями) и 421 пример употребления болгарского глагола *стоя* (с русскими соответствиями). Для уточнения семантических границ лексем дополнительно анализировалась их сочетаемость с другими позиционными и экзистенциальными глаголами.

Теоретической базой работы послужила модель семемной структуры позиционного глагола, предложенная в монографии Л. В. Табаченко [3]. Данный подход позволяет детально описать значения лексемы через набор семантических компонентов: позиционный, пространственный, статальный и экзистенциальный. Кроме того, в анализе учитывались мерность и каноническая пространственная ориентация объекта (с опорой на концепции Ю. Д. Апресяна [4] и В. В. Лопатина [5]), а также его функциональное состояние (в рамках подхода Е. В. Рахилиной [6]).

Сопоставительный анализ показывает, что рассматриваемые глаголы реализуют принципиально разные стратегии описания положения объекта в пространстве. Это отчетливо проявляется при анализе материала с опорой на третий язык (английский), в оригинале которого употребляется глагол со строго определенным пространственно-позиционным значением:

Английский: On the table *lies* the book I saw her purchase yesterday: Feng Shui and Sacred Space.

Болгарский: На масата *стои* книгата, която Никол купи вчера – «Фън шуй и священото пространство» [БНК. Brian Gallagher. The Feng Shui Junkie (2000) / Брайън Галахър. Фън Шуй откачалки (В. Прошкова. 2004)].

Русский: На столе *лежит* книга, которую Николь купила вчера – «Фэншуй и священное пространство» (перевод наш. – *Авт.*).

Русский вариант в данном случае соответствует английскому источнику: выбор предиката детерминирован формой и пространственной ориентацией объекта. Плоский предмет (книга), соприкасающийся с горизонтальной поверхностью своей наибольшей гранью, в русской языковой картине мира требует употребления глагола *лежать* (ср. монета лежит, дерево лежит).

В болгарском переводе в аналогичной позиции используется глагол *стоя*. Несмотря на горизонтальное положение объекта, происходит деактуализация семы «вертикальность», *стоя* функционирует здесь как маркер локализации. Это может объясняться действием когнитивной метафоры «пространство-контейнер». Вероятно, для болгарского языкового сознания стол – это скорее область, вмещающая предметы.

Поэтому приоритетным оказывается сам факт нахождения объекта в этом локусе («на столе имеется книга»), а не геометрия его расположения.

Специфика пространственной концептуализации в русском языке, а именно его ориентированность на выражение способа расположения объекта, наиболее ярко проявляется при переводе подобных болгарских глаголов с экзистенциальным значением.

Болгарский язык: На масата, той забеляза много добре, *имаше* учебник по топология, с акуратно поставен молив между отворените страници.

Русский язык: На столе, как он тут же заметил, *лежал* учебник топологии с аккуратно заложёнными карандашом страницами [НКРЯ. Бол. пар. корпус. Павел Вежинов. Белият гущер (1977) | Павел Вежинов. Белый ящер (Л. Лихачева. 1982)].

Использование глагола *лежать* здесь продиктовано внутренней нормой русского языка, для которого констатация нахождения предмета на поверхности («на столе был учебник») часто ощущается как семантически недостаточная.

Особую сложность для анализа представляют контексты, в которых мотивация выбора глагола носит комплексный характер, и однозначная дифференциация позиционного и локативного компонентов затруднена.

Болгарский: По лавиците *стояха* книги, подвързани с някаква вкоравена и бледа като щавена човешка кожа материя...

Русский: На полках *стояли* книги в хрупких и бледных, как из дубленой человеческой кожи, переплетах... [БНК. Габриел Гарсия Маркес. Сто години самота (Румен Стоянов. 1978) / Габриэль Гарсия Маркес. Сто лет одиночества (Былинкина М. 2008)].

Поскольку каноническое размещение книг на полке предполагает вертикальное положение, семантика глагола формально соответствует реальной геометрии объекта. Однако с тем же успехом лексема может обозначать здесь сам факт нахождения предмета в месте его хранения (реализация метафоры «пространство-контейнер»), поскольку физическая поза и функциональное состояние в этой ситуации совпадают. В данном контексте употребление русского и болгарского глаголов можно считать ситуативно семантически эквивалентным.

В свете полученных выводов относительно неодушевленных объектов возникает вопрос: сохраняются ли обнаруженные тенденции, когда позиционный глагол используется по отношению к человеку?

Как правило, при описании антропоморфного объекта лексемы стремятся реализовать собственно позиционное значение. Однако анализ материала выявляет случаи, где семантика позы трансформируется под влиянием контекста.

Русский язык: – Конечно, весь обвешанный орденами, он привык *сидеть* на берегу при своих чемоданах...

Болгарский язык: – Разбира се, цял обсипан с ордени, той е свикнал да *стои* на брега при куфарите си.... [НКРЯ. Бол. пар. корпус. Валентин Пикуль. Крейсера (1985) | Валентин Пикуль. Крайцерите (Юлия Пенева-Павлова. 1989)].

Русскому глаголу *сидеть* в болгарском переводе соответствует *стои*. Физически человек на берегу может принять любую из этих поз, однако решающим фактором

выбора предиката здесь выступает не столько позиционный, сколько пространственно-статальный аспект.

В русском языке глагол *сидеть* используется в данном контексте прежде всего в значении «находиться где-либо долгое время», «пребывать в состоянии покоя, ожидания». Таким образом, статальный компонент в семантической структуре лексемы доминирует над пространственным, хотя параметр позы (вертикально-горизонтальная ориентация тела) остаётся релевантным.

В болгарском языке глагол *стои* выполняет аналогичную функцию, маркируя идею длительного пребывания (ср. сидеть дома, стоя в кѣщи). Кроме того, в данном примере также можно проследить действие когнитивной метафоры «пространство-контейнер», реализующейся на двух уровнях. Локус «на берегу у чемоданов» (*на брега при куфарите си*) интерпретируется как ситуативно ограниченное пространство. Эта трактовка поддерживается грамматически: определённый артикль (на брега) конкретизирует и «очерчивает» локус, превращая его в фиксированную зону, а не в абстрактное пространство. В таком контексте глагол *стои* сигнализирует о том, что объект локализован внутри этой условной границы.

Однако, как показывает дальнейший анализ, «контейнерная» модель работает лишь до тех пор, пока физическая поза человека остается коммуникативно неактуальной. Как только контекст смещает фокус внимания на телесность и точную геометрию фигуры, межъязыковой параллелизм восстанавливается:

Русский: Я *сидела* в шкафу целых два часа, прежде чем рискнула выйти, а вас и след простыл.

Болгарский: *Седях* в гардероба цели два часа, преди да посмея да изляза оттам, а от вас вече нямаше и следа. [НКРЯ. Бол. пар. корпус. Татьяна Полякова. Миллионерша желает познакомиться (2002) | Татьяна Полякова. Милионерша търси запознанство (Ива Митева, 2004)].

Героиня не просто абстрактно «присутствует» в пространстве (как в примере с берегом) – она находится в шкафу, то есть в объеме, который физически ограничивает движения и вынуждает принять конкретную, неудобную позу. Глагол *стоя* в значении ‘находиться’ становится коммуникативно недостаточным. Это наблюдение позволяет уточнить границы действия выявленной асимметрии.

Подводя итог, можно заключить, что расхождения в употреблении глаголов *стоять* и *стоя* на рассмотренном материале связаны с различной организацией их семемной структуры и разными стратегиями актуализации одних и тех же семантических компонентов [7–9].

В русском языке описание положения объекта детерминировано его пространственной конфигурацией: способом контакта с опорой, геометрической формой и канонической ориентацией. Указание лишь на наличие объекта без уточнения его расположения часто воспринимается как неполное и неинформативное.

В болгарском языке, напротив, глагол *стоя* тяготеет к нейтрализации ядерной семы вертикальности и в большинстве контекстов функционирует как маркер включенности объекта в определенный локус («быть внутри»).

Анализ употребления позиционных глаголов по отношению к одушевлённым объектам позволяет уточнить границы действия выявленной асимметрии.

Следует подчеркнуть, что данные выводы основаны на анализе конкретного корпуса примеров и не предполагают исчерпывающего описания всей системы позиционных глаголов в сопоставляемых языках. В рамках настоящего исследования не рассматривается влияние фактора функциональности/нефункциональности объекта на выбор позиционного глагола, что может стать предметом отдельного анализа.

Список источников

1. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Русско-болгарский параллельный корпус. URL: <https://ruscorpora.ru/corpus/para-bul#section-5> (дата обращения: 15.01.2026).
2. БНЦ – Български национален корпус. URL: <https://dcl.bas.bg/bulnc/en/> (дата обращения: 15.01.2026).
3. Табаченко Л. В. Позиционные глаголы в истории русского языка. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2010. 336 с.
4. Апресян В. Ю., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. [и др.]. Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2006. 910 с.
5. Лопатин В. В. Многогранное русское слово : избранные статьи по русскому языку. М. : Азбуковник, 2007. 743 с.
6. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: От сочетаемости к семантике : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 433 с.
7. Ковачева Н. П. Лексико-грамматическая сочетаемость глаголов положения в русском и болгарском языках : дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 194 с.
8. Кошелев А. Д. О едином концептуальном значении глагола стоять // Русский язык сегодня. 2004. № 3. С. 112–123.
9. Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации в системе производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.

Раздел VII. Проблемы обучения текстовой деятельности и русской речевой культуре

УДК 811.161.1'373.611

Параметры явления лингвокреативности в аспекте формирования функциональной грамотности студентов-филологов

Parameters of linguistic creativity phenomenon in terms of functional literacy formation of philology students

Анастасия Сергеевна Савенко

Anastasia Sergeevna Savenko

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Аннотация. Феномен вербальной лингвокреативности и способность к словотворчеству рассмотрены с позиции одного из факторов, свидетельствующих о сформированности функциональной грамотности студентов филологических специальностей. Сформулированы параметры лингвокреативности, такие как использование прецедентных имён и текстов в качестве базы для производства креатемы, вид креатемы, её прагматический эффект и др. Установлена потребность обучающихся использовать возможности языка с целью снизить предсказуемость текста и обогатить его содержательно.

Abstract. The phenomenon of verbal creativity and the ability to create words are examined from the perspective of one of the factors indicating the development of functional literacy in students majoring in philology. Parameters of linguistic creativity, such as the use of precedent names and texts as a basis for creative themes, the type of creative theme, its pragmatic effect, and others are formulated. The need for students to utilize the potential of language to reduce the predictability of text and enrich its content is established.

Ключевые слова: явление лингвокреативности, функциональная грамотность, лингвистический эксперимент, текстовая деятельность

Keywords: linguistic creativity phenomenon, functional literacy, linguistic experiment, text activity

Данная статья продолжает цикл научных исследований автора по изучению функциональной грамотности студентов-филологов с учетом описанных ранее характеристик, демонстрирующих степень речевой культуры и образованности студента [1], критериев формирования функциональной грамотности по данным направленного лингвистического эксперимента [2], языковых средств реализации лингвокреативности в речи студентов-филологов и способов формирования функциональной грамотности обучающихся посредством развития его вербальной креативности [3].

Поскольку креативность является приоритетным качеством не только выпускника школы, но и вуза наряду с такими компетенциями, как критическое мышление и коммуникация, представляется актуальным рассматривать способность проявлять лингвокреативность как один из параметров профессиональных компетенций студентов филологических специальностей. Явление лингвокреативности (или вербальной креативности) определяется не только как умение говорящего использовать возможности языка для продуцирования новых слов и «трансформации значения имеющихся в языке слов и словосочетаний» [4, с. 120], но и как способность составлять текст, в котором такие новые слова – окказионализмы или креатемы – были бы уместны и служили реализацией основной идеи автора для достижения прагматического эффекта.

В процессе проведенной с 2022 по 2025 г. серии направленных лингвистических экспериментов со студентами историко-филологического факультета ТГПУ (подробнее см.: [3]) был установлен ряд параметров, позволяющих измерить степень проявления лингвокреативности в рамках текстовой деятельности. В качестве примеров текстов, использованных для экспериментов, привлекались контексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), рекламы, а также контексты, созданные студентами филологических специальностей. Ниже перечислим выделенные нами параметры, определяющие степень лингвокреативности слова или контекста.

1. Использование для создания словотворческих инноваций узуальных и окказиональных способов словообразования. С целью определить степень лингвокреативности производного слова нами была разработана система шкалирования этих способов, каждому из которых был присвоен коэффициент от 1 до 10. Так, минимальным коэффициентом обозначен суффиксальный способ (при условии использования регулярного суффикса), далее следует префиксальный (2), префиксально-суффиксальный (3), сложение (4), префиксально-суффиксально-постфиксальный (5), сложносуффиксальный (6), депрефиксация (7), контаминация (8), гендиадис (9), сращение / сочетание усечения и суффиксации / сращения и суффиксации (10). Согласно проведенному онлайн-анкетированию студентов, наибольшим прагматическим эффектом обладают именно последние три способа словопроизводства, при этом креатемы, демонстрирующие тенденцию к свёртываемости наименований, оцениваются информантами максимально высоко. Представим примеры отдельных лексем с обозначенным по данным анкетирования коэффициентом, который приводится в скобках после контекстов: *Ой, давай ты **красноречить** у себя в универе будешь? (1); Как **промакронить** страну? Франция пала из-за президента-недоучки (3); Мой старый друг – Олег Петрович, а значит я – **олегофренд** (4); Я как поставила телефон на беззвучку, чтобы ребёнка не разбудить, так он и остался. Пора ставить на **звучку** (7); Стратегическая **трилемма** (8); Он пропал за кулисами у «Шутов», влюбился в **Наталку-Моталку** (9); Вот и я посетила **Вкусноточку** (10).*

2. Вид авторской инновации. Словообразовательные окказиональные слова являются наиболее частотным видом слов, представленных как в НКРЯ, так и в студен-

ческих текстах, поэтому оцениваются как обладающие низкой степенью лингвокреативности согласно производимому ими прагматическому эффекту на носителей языка по данным анкетирования. Например, *мыслинг, ура-прививочник, чебурашкomanия; Сейчас, оказавшись в самоизоляции, многие пытаются понять, что происходит там, в «заквартирье»;* *Сейчас зачем это разделение на 4–6 лет? Это **недовысшее**, а это **перевысшее** образование?* Лексические, графические, грамматические и фразеологические окказионализмы оцениваются выше в порядке перечисления соответственно: *Ну, так говоришь, как будто я **яблочный** раб (о смартфоне марки Apple); Менеджер **неуЯЗВим**, если есть по-домашнему; Дети **плагииАДА**; **Нас** всех **вступают** в общество охраны природы; Но внутреннему ребенку «поколения дяди Федора» не хватало **детскостей, беззаботностей**; **Все соцсети – в гости к нам!***

3. Сужение, расширение и появление нового лексического значения слова. Этот лексический процесс представлен в следующих контекстах: *Может, кто подскажет – Газпром и Газпромнефтепродукт – одна **контора** или нет?* (расширение значения за счёт семы ‘любое учреждение’); *Кругом хай-тек, неплохие дороги и какое-то сытое спокойствие, которое **вкусно** разлито в воздухе* (появление нового значения ‘качественно, хорошо, эффективно, привлекательно’); *В городе орудует **гастро-лёр**-мошенник, по виду – гость с юга, опрятно одет, тёмные зауженные брюки, рубашка, пиджак, короткая стрижка* (сужение значения до ‘тот, кто перемещается из одной местности в другую’).

4. Специфика базы существующего языкового материала, послужившего для создания нового речевого продукта. Безусловно, высокой степенью вербальной креативности обладают слова, образованные на базе окказионального слова или неологизма, фразеологизма, синлекса (см. группу 1), меньшей степенью – производящие узуальные слова и словосочетания (см. группу 2): 1) *Андрей Самохин точно отметил то жёсткое разделение в человечестве, которое происходит повсеместно, – на «новых людей» (глобалистов, **хомо тиктокс**, цифровых) и «старых людей»;* *Надо его привлечь на сторону добра, в пионеры принять, тогда все, кого он у вас **заквадробил**, **расквадробятся** обратно;* *Добавляем к маткапиталу **папкапитал**; **всёхорошоу**;* *Но **шоколадные реки** и **карамельные берега** перестают нас удивлять уже на пятнадцатой минуте;* *Главным лейтмотивом кампании является понятие «**скрепышиарить**» – это придуманное слово, которое символизирует активное и весёлое времяпрепровождение в компании друзей или семьи. Реклама призывает зрителей «скрепышиарить на всю», используя продукцию Скрепыши. 2) *Комбо **экономбо**;* *Чтобы все котики **мурррчали**;* *Я выздоровевший «**тиктоголик**».* Влияние может вызвать привыкание и разрушение; *В отличие от **гостинга** – внезапного исчезновения человека из вашей жизни без объяснения причины – **орбитинг** не мог бы существовать без социальных сетей;* ***Сидидомцы** – люди, выступающие за полное соблюдение режима самоизоляции и призывающие к этому других.**

5. Следование словообразовательной модели, отход от неё и появление новой модели. Представленные процессы, сопровождающие образование креатива, распо-

ложены последовательно, характеризуя слова с невысокой степенью лингвокреативности, средней и максимальной. Так, лексема *гэтсбинг* образована по продуктивной модели имя собственное→явление, характеризующееся по производящему слову: *шрэкинг*. В контексте *Пиццематы москвичам не по вкусу. Батончиками и чипсами из автомата нынче никого не удивишь, а как насчёт чего-нибудь более съедобного?* лексема *пиццемат* также образована по продуктивной модели с помощью заимствованного суффиксоида -мат, имя существительное→устройство по предмету, названному в производящей основе: *паркомат, фотомат, постапат, складомат, лабомат*.

Отход от продуктивной словообразовательной модели демонстрируют следующие слова: *Милые длясебятинки, чтобы разрисоваться; В сети завирусилось другое название обуви — «подкрадули»;* *В Питере открылась уютная и теплая какаочная — то, что нужно этому городу, чтобы согреться!*

Появление новой словообразовательной модели демонстрирует лексема *сияха*: *Ценителей сияний объединяет любовь к природе, романтике и общению. Появился даже особый сленг охотников за сиянием. Например, сияние называют «сияхой».* На базе словосочетания *северное сияние* образуется новое слово универбацией, при этом используется не регулярный при таком способе производства суффикс -к- (сравни: молочная продукция→молочка, гиалауриновая кислота→гиалауронка) или менее частотный суффикс -ник/-ик (сравни: обменный пункт→обменник, мобильный телефон→мобильник, зарядное устройство→зарядник), а суффикс -х-, вносящий в окказиональное слово сниженную стилистическую окраску.

6. Использование прецедентных имён и текстов как базы для производства креатива. Степень лингвокреативности, по нашим наблюдениям и данным анкетирования, зависит от узнаваемости этого имени или текста: чем выше популярность прецедентного слова, тем значительнее оказывается прагматический эффект креатива. Например: *В рубрике «Удалёнушка и братец Диванушка» телеканал Москва 24 показывает, как москвичи проводят время на удалёнке; Всеобщая теремокизация? Макдоналдс временно закрывает все 850 кафе в России. КФС прекращает инвестировать в российский рынок (Теремок — российская сеть блинных); На Трампа надейся, а сам не плошай: России предстоит хаос; «Скучен день до вечера, коли сёрфить нечего!» — вот девиз современного поколения; ...поплыл Хароновирис над планетой гарантом прав/свобод, пакованных в наив; На минувших выходных по Невскому проспекту проехал «Дедморобус»; Он жив ещё, куарилка! Как введение QR-кодов вызвало словообразовательное цунами; Не хочу учиться, а хочу вкрасивиться!; магазин «1001 мелочь».*

7. Прагматический эффект креатива. Используя методику шкалирования Ч. Осгуда, мы определили степень воздействия новообразований на информанта. По результатам анкетирования окказиональные слова были сгруппированы следующим образом. Коэффициент от 1 до 3 был присвоен таким лексемам: *«Чуч-Мяуч» — мультсериал производства студии Союзмультфильм. 17 октября 2022 года премь-*

ера мультсериала состоялась на детском федеральном канале «Карусель»; **Бодо Бородо** – главный герой мультсериала. Это такой смешной рыжебородый человечек-гном, который вечно куда-то несётся; *Стираем морщины, пухлим губы.*

Коэффициент 4–6 получили слова в примерах: *Из тиктокеров – в ТикТокари; Куришь? Кури больше! Могильный и партнёры. Похоронное бюро; магазин «Моло-КолбаСыр»; пекарня «Хлеббери».*

Наибольшим прагматическим эффектом обладают лексемы с коэффициентом 7–10: «Билайн» утверждает, что новый тариф – это просто удвоительно; **ДОДО-ставляем**; Йогурт «Еріса». **Вкладываем всю грушу**; комиссионный магазин «Б/Улавка»; парикмахерская «**Чуб-чик**»; *Это не шутки! Акция в маршрутке! Форс-дожор. 2,2 кг. 80 штук за 990 рублей! (реклама суши).*

8. Эмоционально-экспрессивная функция креатемы. Отметим, что не все окказиональные слова выполняют эту функцию, однако опять же с опорой на данные проведенного анкетирования было установлено, что эмоционально-экспрессивная коннотация креатемы опознаётся носителем языка и выделяет такое слово на фоне остальных окказионализмов. При анализе лексемы *замкадыш* были получены такие реакции информантов: *живёт за МКАДом, значит, уже неудачник; ассоциируется со словом заморыш, суффикс имеет отрицательную коннотацию; почему-то автор использовал суффикс -ыш, хотя мог бы и образовать слово замкадочник, однако оно такого отрицательного отношения не передает, воспринимается как нейтральное.* В контексте *Как обустроились «сентябристы», а как – уехавшие в весеннюю волну эмиграции?* окказионализм **сентябрист**, образованный по аналогии с лексемой *декабрист*, выполняет эмоционально-экспрессивную функцию посредством отсылки носителя языка к историческому явлению царской России и сравнения людей, покинувших РФ в сентябре 2022 г. после начала частичной мобилизации [5]. Положительной коннотацией, передаваемой уменьшительно-ласкательным суффиксом -ечк-, как отмечают информанты, обладает окказионализм **себяшечка**: *МВД даже выпустили памятку и раздают наклейки о том, чего стоит избегать, делая себяшечку* (то же, что селфи).

9. Образование креатемы посредством переключения ассоциативных стереотипов, трансформации ассоциативного потенциала слова как в зоне внутрисловной, так и междусловной связи. В контексте: *Конечно же, самым глупым в этой ситуации для женщин будет тратить деньги на разных гур и мудроженщин, которые дают банальные советы типа похудеть и научиться танцевать танцы с бубном* – окказионализм **мудроженщина** с казалось бы прозрачной внутренней формой (мудрая женщина) изменяет ассоциативный потенциал слова с представления об опытности, пережитых и учтенных в дальнейшем жизненных ситуаций на характеристику женщин, которые «сознательно занимают в семье подчиненное, зависимое положение и оправдывают издевательства мужа, называя это женской мудростью» [5]. В «Русском региональном ассоциативном словаре-тезаурусе» приводится такой перечень ассоциаций на слово-стимул *мудрый*: *старец 91; человек 79; старик 57; умный 55; старый 32; совет 25; дед 16; ум 12; мудрец 7; учитель, философ 6* [6]. Особенно часто

переключение ассоциативных стереотипов наблюдается при семантическом типе языковой игры: *«Горькая любовь» – статья о любви Максима Горького; Торговый комплекс «Квадрат», в котором реально найти сантехнику на любой вкус, разместил бигборд с изображением красивого белого унитаза и надписью «Игра Престола»; – Сегодня в школе для меня был такой день **речной!** – Почему, сынок? – Я на уроке целых 3 раза произнёс свою речь.*

Представленные в контекстах креатемы, окказиональные слова, авторские инновации характеризуются оригинальностью, семантической гибкостью и спонтанностью, т.е. тем, что отличает узуальную лексику от лингвокреативного продукта речевой деятельности. Способность студентов-филологов к словотворчеству, несмотря на разную степень лингвокреативности созданных ими креатем, а также отмеченная в рамках проведения серии лингвистических экспериментов потребность использовать возможности русского языка с целью снизить предсказуемость текста и обогатить его содержательно позволяют говорить, во-первых, о достаточном уровне сформированности функциональной грамотности обучающихся, во-вторых, о значимости описания динамических процессов семантизации креатем как факта сознания носителя языка, в-третьих, о необходимости продолжать наблюдение за процессами творческого мышления студентов. Всё это способствует, на наш взгляд, пониманию основ лингвокреативной деятельности говорящего.

Список источников

1. Савенко А. С. Комплексный подход к формированию орфоэпической культуры студентов-филологов. Часть I // Русская речевая культура и текст : материалы XII Междунар. науч. конф. (Томск, 20–21 мая 2022 г.). Томск, 2022. С. 175–181.
2. Савенко А. С. Комплексный подход к формированию орфоэпической культуры студентов-филологов (по данным эксперимента) // Русская речевая культура и текст : материалы XIII Междунар. науч. конф. (Томск, 16–17 мая 2024 г.). Томск, 2024. С. 149–158.
3. Савенко А. С. Тенденция к лингвокреативности в русистике как один из параметров функциональной грамотности студента // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 98–106.
4. Литвишко О. М., Руденко Н. С., Чалая Ю. П. Лингвокреативность в дискурсе электронных СМИ: средства и методы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 117–130.
5. Новое в русской лексике. СПб., 2021–2026. URL: <https://neolex.iling.spb.ru/> (дата обращения: 04.03.2026).
6. Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. Т. 1. М., 2014. 280 с.

**Трудности при работе с фразеологическими единицами
и паремиями на занятиях по русскому языку**

**Difficulties in working with phraseological units and proverbs
in Russian language classes**

Кристина Александровна Райхе

Kristina Aleksandrovna Raikhe

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Научный руководитель: Анастасия Сергеевна Савенко

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

saven@mail.ru

Scientific supervisor: Anastasia Sergeevna Savenko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

saven@mail.ru

Аннотация. Описаны причины появления и способы устранения трудностей, возникающих у обучающихся при изучении русской фразеологии и паремиологии. Подчёркнута важность изучения фразеологизмов и паремий на занятиях по русскому языку, поскольку они передают культурный опыт, традиции и обычаи народа, способствуют формированию у школьников важных компетенций, предусмотренных Федеральным государственным образовательным стандартом. Предложен комплекс упражнений, направленный на устранение перечисленных трудностей и повышение уровня владения фразеологическим и паремиологическим фондом русского языка. Представлены результаты эксперимента, подтверждающие эффективность предложенных методов.

Abstract. This article describes in detail the causes and methods for overcoming the difficulties students encounter when learning Russian phraseology and paroemiology. It emphasizes the importance of studying phraseological units and paroemias in Russian, as they convey the cultural experience, traditions, and customs of the people and contribute to the development of important competencies in schoolchildren, as stipulated by the Federal State Educational Standard. A set of exercises is also proposed aimed at overcoming these difficulties and improving proficiency in phraseological and paroemiological vocabulary of the Russian language. The results of an experiment confirming the effectiveness of the proposed methods are represented in the conclusion.

Ключевые слова: паремиология, фразеология, пословица, поговорка, фразеологизм, лингвокультурология, русский язык, Федеральный государственный образовательный стандарт

Keywords: paremiology, phraseology, proverb, saying, phraseology, linguoculturology, Russian language, Federal State Educational Standard

Важность изучения пословиц, поговорок и фразеологизмов связана с их широким лингводидактическим потенциалом, который возможно использовать при формировании предметных компетенций обучающихся на уроках русского языка. Паремии и фразеологизмы являются культурным богатством и наследием русского народа, так как хранят в себе его культурный опыт, традиции и обычаи, поэтому изучение этих языковых единиц является важным для формирования лингвокультурологической компетенции обучающихся. Федеральный государственный образовательный стандарт в качестве личностных результатов освоения образовательной программы называет знание истории, языка, культуры своего народа, своего края, основ культурного наследия народов России и человечества, в связи с чем считаем важным сохранять и передавать культурное наследие следующим поколениям во всех его формах.

Цель данной статьи заключается в выявлении и описании возможных трудностей при изучении русской фразеологии и паремиологии, а также в разработке комплекса упражнений для работы с данными разделами русского языка.

Овладение русской фразеологией является важнейшим аспектом изучения русского языка и русской культуры. Фразеологические единицы активно используются в повседневной речи, отражают особенности национального менталитета и выступают ярким средством выражения мыслей. Использование фразеологизмов представляется значимым и актуальным не только в речи, но и в аспекте обучения русскому языку. Всё это необходимо учитывать при составлении образовательных программ по русскому языку [1, с. 125].

При работе с паремиями у учеников средней школы возникает немало трудностей, часть которых сформулирована в методических статьях по изучению фразеологии при освоении русского языка как иностранного, однако, полагаем, эти трудности возникают и при знакомстве с данным материалом у носителей русского языка среднего школьного возраста.

В данной статье термин *паремия* мы рассматриваем в широком смысле и понимаем под ним не только фразеологические единицы, но и пословицы с поговорками.

Первая трудность, по мнению Ли Цзинвэня, заключается в самоидентификации фразеологического оборота как целостного и нечленимого выражения. Чтобы адекватно воспринимать и использовать фразеологическую единицу, ученик должен узнавать её в речи, уметь видеть целиком, идентифицировать как единую, неделимую единицу [1, с. 125].

Отдельно стоит выделить сложность понимания выражений, способных выступать либо как устойчивые сочетания (фразеологизмы) в переносном смысле, либо как свободные конструкции с прямым значением в зависимости от контекста. Рассмотрим два контекста: *«Ему едва удалось удержаться от откровенности, ведь он успел прикусить язык»*; *«Из-за резкого толчка телеги мой язык оказался прокушенным»*. Первый контекст иллюстрирует использование фразеологического оборота (*прикусить язык*) в переносном смысле, тогда как во втором контексте идентичное выражение употребляется в прямом значении. Подобный пример показывает, насколько

важно владеть фразеологией русского языка для полноценной реализации коммуникативных возможностей языковой личности [1, с. 125–126].

Нередко вызывает затруднения у обучающихся средней школы языковой облик фразеологических единиц русского языка. Фразеологизмы представляют собой устойчивые, неизменные структуры, которые часто содержат в себе устаревшие слова или формы, относящиеся как к лексическому, так и грамматическому уровню языка. Так, некоторые фразеологические единицы сохраняют архаичную лексику: *притча во языцех* – широко обсуждаемый предмет, *внести свою лепту* – внести посильный вклад, *один как перст* – пребывать в абсолютном одиночестве. Также сложности могут возникать при встрече с современной, однако редко употребляемой лексикой, встречающейся в таких устойчивых выражениях, как *положить под сукно* – не дать делу ход, *бирюком жить* – характеристика замкнутого, необщительного человека, *типун тебе на язык* – шутивно-недоброжелательное пожелание человеку, предвещающему неприятности [1, с. 126–127].

Описанные трудности являются существенным барьером на пути эффективного овладения обучающимися многообразием русской фразеологии.

По мнению С. Е. Приваловой, школьники испытывают затруднения при высказывании фразеологизмов, близких к другим предложенным устойчивым выражениям. Обучающиеся всегда правильно интерпретируют высказывания, но их лексикон не сформирован в достаточной степени. Часто наблюдается ситуация, когда школьник владеет подходящим фразеологическим оборотом, но неправильно воспроизводит его форму, допуская замену или перемещение отдельных компонентов высказывания (речь идёт о фразеологических ошибках). Например, *бежать наутёк* – *броситься наутёк*; *труслив как заяц* – *бежать как трусливый заяц*; *вертеться как белка в колесе* – *бежать как белка в колесе*. Также трудностью является непонимание обучающимися значений фразеологизмов, находящихся в их памяти. Ярким примером служат следующие контексты: *сидеть сложа руки* – *повесить голову*; *спустить рукава* – *повесить голову*. Эти наблюдения подтверждают гипотезу о наличии в лексиконе школьников множества фразеологизмов, которые используются некорректно вследствие недостаточного осознания их подлинного значения [2, с. 75].

Работу с паремиями на занятиях по русскому языку Е. М. Спивакова предлагает проводить в пять этапов, рассмотрим каждый из них подробнее.

Первый этап заключается в первоначальном осмыслении паремии. Основная задача состоит в развитии способности интуитивно воспринимать значение устойчивых выражений. Посредством этого формируются базовые фразеологические компетенции. Для этого паремия должна быть представлена в различных контекстах, отражающих типичные случаи её употребления. Важно задействовать визуальные и аудиальные средства представления материала. Вторым этапом является комментирование паремии, цель которого состоит в полном понимании заложенного в ней смысла. Преподаватель объясняет переносное значение пословицы либо поясняет использование поговорки посредством анализа конкретных ситуаций. Затем даётся

страноведческий комментарий, желательно иллюстрированный (используются рисунки и иногда видеоконтент). Третий этап направлен на выработку рецептивных навыков. Обучающиеся учатся запоминать устойчивое выражение, узнавать его в письменных текстах и точно интерпретировать его смысл. Четвёртый этап ориентирован на приобретение продуктивных навыков. Необходимо добиться умения уверенно употреблять паремии в разговорной и письменной практике. Заключительный – пятый – этап посвящён организации свободной речевой деятельности с применением паремий. Задача преподавателя здесь – организовать занятия таким образом, чтобы обучающиеся почувствовали необходимость самостоятельно использовать полученные знания в реальных коммуникативных ситуациях [3, с. 976–977].

Р. Р. Баркибаева в монографии «Русская фразеология: коннотативный аспект обучения» описывает следующие трудности, возникающие при изучении русской фразеологии:

- Фразеологизмы существуют в языке как раздельнооформленные образования, они целостны по значению, устойчивы в своём составе. Обучающиеся, как правило, воспринимают их как свободные словосочетания. Например, *до глубины души – добрался, ни рыба ни мясо – дефицит, как с гуся вода – мокрый до ниточки* и др.

- В случае многозначности фразеологизма обучающимися воспринимается лишь одно из значений: *на скорую руку – быстро* (не учитывается другое, более существенное значение оборота: кое-как, плохо); *глазом не моргнуть – бояться* (не учитывается значение: ничуть, нисколько не задумался, не поколебался, не остановился перед тем, чтобы сделать что-либо).

- Полное незнание значения фразеологизмов: *палец в рот не клади – неприлично, наломать дров – на зиму, для печи, минута в минуту – ежедневно, ни дать ни взять – жадный*.

- Смешение значений разных оборотов: *комар носа не подточит – замести следы, из кожи лезть – выходить из себя, падать духом – изо всех сил, как с гуся вода – выйти сухим из воды*, а также отчасти сходных (внешне) фразеологизмов: *время от времени – час от часу, ни дать ни взять – ни много ни мало, минута в минуту – с минуты на минуту, душа в душу – от всей души* и т.д. [4, с. 70].

Опираясь на собственный педагогический опыт и ряд проведённых педагогических экспериментов, мы можем отметить следующие затруднения при изучении паремий в школе обучающимися 5–6-х классов:

- Смешение или непонимание терминов *пословица, поговорка, фразеологизм*. Часто обучающиеся не видят разницы между данными понятиями: могут называть пословицу или поговорку фразеологизмом, или наоборот: *друг познаётся в беде* (называют данную пословицу фразеологизмом); *не разлей вода* (называют данный фразеологизм поговоркой); *семь пятниц на неделе* (называют данный фразеологизм поговоркой); *обещанного три года ждут* (называют данную пословицу фразеологизмом).

– Трудность в различении пословиц и поговорок обучающимися: *старый друг лучше новых двух* (называют данную пословицу поговоркой); *дружные – водой не разольёшь* (называют данную поговорку пословицей); *в трёх соснах заблудился* (называют данную поговорку пословицей); *два сапога – пара* (называют данную пословицу поговоркой).

– Употребление устойчивых выражений без осознания их принадлежности к какому-либо малому жанру. Обучающиеся могут знать или даже употреблять паремии в речи, но не осознавать того, что используют в речи пословицу, поговорку или фразеологизм.

– Отсутствие практики употребления паремий и фразеологизмов в речи. Из-за этого применение устойчивых выражений остаётся поверхностным, и обучающиеся плохо усваивают их правильное использование в устной и письменной речи, могут неуместно или некорректно употребить ту или иную паремию при коммуникации.

– Неспособность установить ассоциативные связи. Чтобы лучше запоминать устойчивые выражения, важно связывать их с яркими образами или ситуациями. Однако некоторые школьники испытывают проблемы с созданием таких ассоциаций самостоятельно.

– Игнорирование культурных особенностей. Часто фразеологизмы, пословицы и поговорки связаны с историческим и культурным прошлым народа, что создаёт дополнительные препятствия для полного осознания их истинного значения учениками: *один с сошкой, а семеро с ложкой*; *друг познаётся при рате да при нужде*; *дружить дружи, а за полу не держи*.

– Недостаточный интерес к данной теме. Для многих школьников работа с фразеологизмами и паремиями кажется скучной или ненужной, поскольку они редко используются в повседневной речи подростков.

Во избежание описанных затруднений предлагаем комплекс упражнений для работы с фразеологическим и пословичным фондом русского языка.

Задание 1. Найдите и исправьте ошибки в составе фразеологизмов.

Стоять скалой, мощная дружба, не разлей река, не в долг, а в дружбу, на дружеской руке, враги на вес золота, жить сердце в сердце.

Задание 2. Выберите верное слово в составе фразеологизма.

1. (Верный, близкий, закадычный) друг.
2. Протянуть руку (опоры, помощи, примирения).
3. Дружить (домами, огородами, улицами).
4. Понимать с (первого взгляда, полуслова, с разбегу, с намёка).
5. Водить (дружбу, знакомство, общение).

Задание 3. Заполните пропуски в составе пословиц и поговорок.

Без друга в жизни ..., друг ... дороже, ... друг лучше новых двух, глупый друг страшнее ..., друг ..., недруг поддакивает; дружба дороже

Задание 4. Соотнесите пословицы, поговорки и фразеологизмы с их значением.

Крепкая дружба	Дружбу можно легко разрушить, а возобновить её порой невозможно
Дружба, как стекло: разобьёшь – не сложишь	Способность быстро улавливать суть сказанного без лишних вопросов
Не имей сто рублей, а имей сто друзей	Давний друг надёжнее нового
Понимать с полуслова	Долгая дружба
Старый друг лучше новых двух	Лучше иметь много друзей, чем быть богатым

Задание 5. Распределите устойчивые выражения по группам: а) пословицы, б) фразеологизмы.

Знать, как свои пять пальцев, человек без друзей – что дерево без корней, на дружеской ноте, добрая шутка дружбы не рушит, крепкую дружбу и топором не разрубишь, не в службу, а в дружбу, водить дружбу, нет друга – ищи, а нашёл – береги, знакомых много, а друзей мало, лучше вода у друга, чем мёд у врага, с хорошим другом горы свернёшь, с плохим – горя хлебнёшь.

При изучении темы «Лексический анализ слова» в 6-м классе мы столкнулись с трудностью подбора учениками пословиц, поговорок и фразеологизмов, содержащих какую-либо анализируемую лексему. После работы с представленным выше комплексом упражнений было отмечено, что шестиклассники стали более быстро и уместно подбирать группы паремий и фразеологизмов по заданной теме.

Пословицы, поговорки и фразеологизмы обладают значительным лингводидактическим потенциалом, необходимым для формирования предметных компетенций обучающихся на уроках русского языка. Данные языковые единицы отражают культурный опыт, традиции и обычаи русского народа, способствуя развитию лингвокультурологической компетенции обучающихся. Нами были выявлены многочисленные трудности, с которыми сталкиваются школьники при изучении фразеологии и паремологии русского языка: неправильное понимание терминов, искажённое употребление устойчивых выражений, слабое осознание их культурного контекста, недостаточный уровень практических навыков использования в речи этих единиц и др. Для решения данных проблем предлагается комплекс упражнений, направленный на отработку навыков узнавания, правильного употребления и осознания глубинного смысла фразеологизмов и паремий. Результаты практической апробации показали положительную динамику: ученики стали быстрее и точнее подбирать нужные устойчивые выражения, повышая своё речевое мастерство.

Список источников

1. Ли Цзинвэнь. Лингводидактические трудности освоения иноязычных фразеологических единиц // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : материалы VI Междунар. науч. конф. молодых ученых (Екатеринбург, 10 февраля 2017 г.). Екатеринбург, 2017. Т. 1, ч. 1. С. 124–131.
2. Привалова С. Е., Мухлынина Д. А. Проблемы усвоения фразеологических единиц младшими школьниками // Филологическое образование в период детства. 2016. № 23. С. 73–77.

3. Спивакова Е. М. Технология обучения иностранных студентов вузов использованию русских паремий на занятиях по русскому языку как иностранному // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8, вып. 9. С. 972–978.

4. Баркибаева Р. Р., Жолдасбекова Б. О. Русская фразеология: коннотативный аспект обучения / под ред. Р. Р. Баркибаевой. Алматы, 2019. 200 с.

Содержание

Предисловие. Современный этап в изучении русской речевой культуры и теории текста (Н. С. Болотнова)	3
--	----------

Раздел I. Русская речевая культура в синхронии и диахронии

<i>Волынец Т. Н.</i> Эволюционные процессы в сфере грамматической вариантности (конец XX – начало XXI в.)	7
<i>Зуева О. В.</i> Метаязыковая рефлексия в дипломатической эпистолярной полемике между Русским царством и Великим княжеством Литовским 1550–1630-х гг.	14
<i>Михальчук Н. А.</i> Косвенные макроречевые акты в русской прозе XX–XXI вв.: диахронический аспект	20
<i>Бондарева О. К.</i> Оценочные средства в краеведческом исследовании А. С. Шадринной о пребывании Ф. М. Достоевского в Кузнецке	26

Раздел II. Современные подходы к изучению текста и дискурса

<i>Болотнова Н. С.</i> Коммуникативная стилистика текста: теория смыслового развертывания текста и перспектива её развития	32
<i>Захарчевская Н. В.</i> Методика анализа мегаконцепта «женщина» в поэтическом тексте (к постановке вопроса)	39
<i>Болотов А. В.</i> Сетевая медиакommunikация: к изучению феномена	44
<i>Каширин А. А., Лахтина О. А.</i> Граница между человеком и искусственным интеллектом: лингвостилистические маркеры ученического и сгенерированного текстов	50

Раздел III. Дискурсивные практики языковой личности в коммуникативно-когнитивных аспектах

<i>Изотова Н. В.</i> Модели свернутого общения персонажей в диалогическом фрагменте художественного текста	56
<i>Скрыпник Е. Р.</i> Особенности представления невербальных компонентов общения в речевом плане повествователя (на материале повести А. П. Чехова «Скучная история»)	61
<i>Извекова Ю. Б.</i> Стратегии презентации писателя как автора художественных текстов в медиакommunikации (на материале дискурсивных практик Т. Мейко, А. Матвеевой, Д. Драгунского)	66
<i>Дусматова З. М.</i> Стилистические средства выражения иронии в поэтическом тексте (на материале стихотворения Ю. Д. Левитанского «Гость»)	74
<i>Олейник Е. А.</i> Славянизмы как стилистическая категория в творчестве Л. А. Никоновой (на примере слов с компонентом БЛАГ-)	79

Раздел IV. Актуальные проблемы медиакommunikации

<i>Клышова К. Е.</i> Образ «панельки» и языковые средства его воплощения в творчестве музыканта как отражение его информационно-медийной языковой личности	86
<i>Лю Сыди, Лю Мэнди.</i> Медиаобраз Приволжского федерального округа через призму тематических доминант (на материале текстов сайта Международной выставки-форума «Россия»)	90

Раздел V. Русская языковая картина мира и её отражение в текстовой деятельности

<i>Сергеева Е. В.</i> Парный концепт СВОБОДА-ВОЛЯ в русской языковой картине мира и в поэтическом тексте (на материале произведений А. С. Пушкина)	98
<i>Чайковская С. В.</i> Языковая репрезентация концепта «Память» в поэзии В. М. Тушновой	102
<i>Северина Е. А.</i> Лексико-семантическая группа «Сверхъестественные существа в гипотезах и массовой культуре» в русском языке, речи и сознании говорящих	107
<i>Кремер Д. С.</i> Дискурсивная практика подростка: картина мира и самоидентификация	112

Раздел VI. Русская речь в межкультурном общении

<i>Курьянович А. В.</i> Образ России в языковом сознании современных представителей африканской лингвокультуры	118
<i>Орлова О. В.</i> Лингвокультурный типаж <i>китайский торговец</i> (на материале романа Н. Задорнова «Амур-батюшка»)	124
<i>Ван Синхуа.</i> Формирование вторичной языковой личности в ракурсе задач поликультурного патриотического воспитания	130
<i>Зайцева-Склярова М. С.</i> Специфика пространственной концептуализации в русской языковой картине мира на фоне болгарской (на материале глаголов <i>стоять</i> и <i>стоя</i>)	136

Раздел VII. Проблемы обучения текстовой деятельности и русской речевой культуре

<i>Савенко А. С.</i> Параметры явления лингвокреативности в аспекте формирования функциональной грамотности студентов-филологов	141
<i>Райхе К. А.</i> Трудности при работе с фразеологическими единицами и паремиями на занятиях по русскому языку	147

Научное издание

Русская речевая культура и текст

Материалы

XIV Международной научной конференции
(Томск, 15–16 мая 2026 г.)

Ответственный за выпуск: *Е. В. Гребенникова*

Корректор: *Ю. П. Готфрид*

Технический редактор: *А. И. Лелоюр*

Дата подписания в печать: 05.05.2026. Дата выхода в свет: 30.06.2026.

Усл. печ. л.: 19,5. Уч. изд. л.: 20,2. Заказ № 1332/Н. Тираж: 500 экз.

Гарнитура Times.

Издательство Томского государственного педагогического университета

634061, г. Томск, ул. Киевская, 60

тел. 8(3822)311-484

E-mail: izdatel@tspu.ru

Отпечатано в типографии «Печатный Дом ТГПУ»

ул. Герцена, 49/4, Томск, Россия, 634061.

